

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович — кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Водопьянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Джаннотти Андреа** — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша** — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Михайленок Олег Михайлович** — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru; **Мчедлова Мария Мирановна** — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Смирнов Владимир Алексеевич** — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственной университет, e-mail: kano_igt@mail.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антимо Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 27 • 2021 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Сорокинские чтения. Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности

- Осипова Н.Г.** Российское общество после пандемии COVID-19:
взгляд в будущее 7
- Кравченко С.А.** Нелинейная социальная и культурная динамика: теория
П.А. Сорокина и современные подходы 33
- Барков С.А.** Неопределенность или тоталитаризм — сложный выбор
человечества 49
- Ertelt B.-J., Scharpf M.** Consequences of the COVID 19-Pandemic for the
German labour market 78
- О XV Международной научной конференции “Сорокинские чтения:
Современное общество в условиях социально-экономической не-
определенности” (Материал подготовлен к публикации П.С. Ка-
невским и Е.Н. Новоселовой) 89

Социология религии

- Елишев С.О.** Особенности социологического анализа религии в Рос-
сии в имперский период ее истории (Продолжение) 93
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Э., Страхов А.Б., Шакирова А.А.**
К вопросу о методологических принципах изучения российских
базисных традиционных ценностей 113

Социология здоровья

- Лядова А.В.* Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции.134
- Рудковская А.В.* Паттерны здравоохранительного поведения медицинских работников.157
- Гребенюк А.А., Красникова Е.С.* Эмиграция российских врачей за границу: причины и потенциал реэмиграции.175

Политическая социология

- Каневский П.С.* Генезис института лоббизма в России: дореволюционный и советский периоды.192
- Карпова Н.В.* Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования. 216

Социальные проблемы современного российского общества

- Васильев В.П., Сушко В.А.* Качество жизни как показатель эффективности государственного управления.235
- Шарин В.И.* Семейная поддержка в представлениях студенческой молодежи.258
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология» в 2021 г.274

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 4 • VOLUME 27 • 2021 •

OCTOBER — DECEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Sorokin Readings “Modern society in conditions of socio-economic uncertainty”

- Osipova N.G.** Russian society after the COVID-19 pandemic: look into the future7
- Kravchenko S.A.** Nonlinear social and cultural dynamics: P.A. Sorokin's theory and contemporary approaches33
- Barkov S.A.** Uncertainty or totalitarianism — a difficult choice for humanity49
- Ertelt B.-J., Scharpf M.** Consequences of the COVID 19-Pandemic for the German labour market.78
- On XV International Scientific Conference “Sorokin Readings: Contemporary society under condition of socio-economic uncertainty”
(*The material was prepared for publication by P.S. Kanevsky and E.N. Novoselova*)89

Sociology of religion

- Elishev S.O.** Features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history (Continued)93
- Perevezentsev S.V., Puchnina O.E., Strakhov A.B., Shakirova A.A.** On the question of methodological principles of studying Russian basic traditional values113

Sociology of health

- Liadova A.V.** Social inequality and health: the historical and sociological study134
- Rudkovskaya A.V.** Healthcare patterns among medical professionals.157
- Grebenyuk A.A., Krasnikova E.S.** Emigration of Russian doctors abroad: reasons and potential of reemigration175

Political sociology

- Kanevskiy P.S.** Development of lobbying in Russia: pre-revolutionary and Soviet periods.....192
- Karpova N.V.** Sociocultural analysis of socio-political systems: methodological foundations of the study216

Social problems of modern Russian society

- Vasiliev V.P., Sushko V.A.** Quality of life as an indicator of the effectiveness of public administration.235
- Sharin V.I.** Family support in the representations of students258
- Index of articles and materials published in the journal "Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science" in 2021274

СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-7-32

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье детально анализируются медицинские, а также социально-экономические и социальные проблемы в России, вызванные пандемией COVID-19. Новизна и малоизученность процесса протекания новой болезни, ее последствий для человеческого организма обусловили множество проблем, которые связаны с либерализацией медицины и здравоохранения как важнейших социальных институтов, и хотя на борьбу с пандемией были выделены огромные человеческие ресурсы и затрачены большие материальные средства, быстро прервать ее распространение не удалось. Несмотря на то что было сделано, в том числе и медицинскими работниками, достаточное число оптимистических прогнозов и даже периодически называемые конкретные даты конца пандемии, она приняла явно затяжной характер. При этом, к сожалению, не был учтен опыт борьбы с различными инфекционными заболеваниями, например, оспой и холерой, накопленный отечественной медициной, особенно в советский период. Недостаточно внимания уделялось и анализу опыта быстрой локализации этой болезни на ее “родине” — в Китае.

В числе экономических проблем, вызванных пандемией, можно назвать существенные отраслевые сдвиги и диспропорции в структуре экономики, падение ВВП, рост инфляции, снижение реальных доходов и перераспределение расходов у населения, а также серьезные изменения на рынке труда. К социальным проблемам относятся ухудшение социально-демографической ситуации и серьезное усугубление традиционных и возникновение новых форм социального неравенства — неравенства в сфере здоровья, цифрового неравенства, возрастного и регионального неравенств.

Пандемия коронавируса, охватившая практически весь мир, серьезно повлияла на экономику, а также на социальные и поведенческие практики, стала причиной страхов, тревог, даже паники, ухудшения социального самочувствия больших слоев общества.

* **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

В статье анализируются три вероятностных прогноза развития событий после пандемии. Согласно первому из них, весь мир, в том числе и наша страна, после окончания пандемии вернутся в прежнее, неолиберальное русло. Тогда на авансцену истории выйдут новые акторы мирового порядка, а мощнейший затяжной социально-экономический кризис повлечет за собой многочисленные человеческие жертвы. Второй предполагает установление государственной диктатуры нового, цифрового, типа с тотальным контролем бюрократических институтов над всеми сферами личной и общественной жизни, в том числе распространения на них влияния медицины. Третий обосновывает использование опыта борьбы с пандемией и кризиса для пересмотра и устранения дисфункциональных компонентов социальной системы, изменения отношения к личным и общественным ценностям, что поможет изменить общество к лучшему.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, карантин, медицинские проблемы, экономические и социальные последствия, социальное неравенство, неравенство в сфере здоровья, цифровое неравенство, вероятностные прогнозы.

RUSSIAN SOCIETY AFTER THE COVID-19 PANDEMIC: A LOOK INTO THE FUTURE

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article analyzes in detail the medical, as well as socio-economic and social problems in Russia caused by the COVID-19 pandemic. The novelty and little-studied process of the course of a new disease, its consequences for the human body, caused many problems associated with the liberalization of medicine and healthcare as the most important social institution. Although huge human resources were allocated and large material resources were spent to combat the pandemic, it was not possible to quickly localize its spread. Despite the fact that a sufficient number of optimistic forecasts were made, including by medical professionals, and even specific dates for the end of the pandemic were periodically called, it has clearly taken on a protracted nature. At the same time, unfortunately, the experience of fighting various infectious diseases, including smallpox and cholera, accumulated by domestic medicine, especially during the Soviet period, was not taken into account. Not enough attention was paid to the analysis of the experience of fighting this disease in its "homeland" — China.

Among the economic problems caused by the pandemic are significant sectoral shifts and imbalances in the structure of the economy, a drop in GDP, an increase in inflation, a decrease in real incomes and a redistribution of expenditures among the population, as well as serious changes in the labor market. The social problems caused by the pandemic include the deterioration of the socio-demographic situation and the serious aggravation of traditional and the emergence of new forms of social inequality — health inequality, digital inequality, age and regional inequality.

The coronavirus pandemic, which has engulfed almost the entire world, has seriously affected the economy, as well as social and behavioral practices, has caused fears, anxiety, even panic, and deterioration of the social well-being of large segments of society.

The article analyzes three probabilistic forecasts of the development of events after the pandemic. According to the first of them, the whole world, including our country, will return to the former, neoliberal course after the end of the pandemic. Then new

actors of the world order will come to the forefront of history, and the most powerful socio-economic crisis will take a protracted character, which will entail numerous human sacrifices. The second involves the establishment of a new state dictatorship — a digital type, with total control of bureaucratic institutions over all spheres of personal and public life, including the spread of the influence of medicine on them. The third one justifies the use of the experience of fighting the pandemic and the crisis to review and eliminate the dysfunctional components of the social system, change the attitude to personal and social values, which, ultimately, will help change society for the better.

Key words: *pandemic, coronavirus, quarantine, medical problems, economic and social consequences, social inequality, health inequality, digital inequality, probabilistic forecasts.*

Пандемия, согласно устоявшимся трактовкам, — это необычайно сильная эпидемия, характеризующаяся распространением инфекционного заболевания на территорию всей страны, территорию сопредельных государств, а иногда и многих стран мира. В “Большой медицинской энциклопедии” пандемия (от греческого *pandemia* — “весь народ в целом”) — это “необычайно сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран, континентов, высшая степень развития эпидемического процесса”¹. Согласно критериям ВОЗ, пандемия — это также распространение нового заболевания в мировых масштабах².

Пандемии — чумы, холеры, черной оспы, сибирской язвы и т.п. — многократно случались в истории человечества. Так, в 430–426 гг. до н.э. во время войны со спартанцами произошла вспышка молниеносно распространившегося неизвестного заболевания, получившего впоследствии название “Афинская чума”. В 165–180 гг. н.э. бушевала эпидемия “Чумы Галена” — заболевания, которое принесли римские императорские войска, вернувшиеся из похода на Ближний Восток. Однако первой в истории человечества зарегистрированной эпидемией именно чумы, унесшей более 90 млн человеческих жизней, стала “Юстинианова чума” (541–750 гг.). В числе наиболее известных “чумных” эпидемий — “Черная смерть” (1346–1353 гг.), поразившая более 60% населения планеты, “Чума при Алексее Михайловиче” (1654–1655 гг.), случившаяся в России, “Великая чума в Лондоне” (1665–1666 гг.) и “Марсельская чума” (1720–1722 гг.). Затем эпидемии чумы сменили эпидемии холеры (1816–1860 гг.), эпизодически возникавшие в Европе, Азии и Северной Америке и охватившие затем (1852–1860 гг.) большую часть мира, а также натуральной (черной) оспы (1877–1977 гг.), победить которую удалось

¹ Бурганосов С.П. Пандемия // Большая медицинская энциклопедия. М., 1974–1989. Т. 18.

² ВОЗ объявила пандемию в связи с COVID–19. URL: [www/interfax.ru/2020.11.03](http://www.interfax.ru/2020.11.03) (дата обращения: 29.06.2021).

только с помощью массовой вакцинации. В последние два столетия превалировали пандемии гриппа — “Русский грипп” (1889–1890 гг.), знаменитая “Испанка” (1918–1920 гг.), которой только за первый месяц и только в Испании заразилось 8 млн человек³.

В начале XXI в. (2009–2010 гг.) пандемией был признан “свиной грипп”, охвативший, по данным ВОЗ, 214 стран и 30% населения Земли. После 2009 г. ВОЗ несколько раз объявляла о чрезвычайных ситуациях международного значения — в 2014 г. по поводу полиомиелита и вируса Эболы⁴, в 2016 и 2018 гг. — вируса Зика⁵. Наконец, 11 марта 2020 г. на пресс-брифинге Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения было объявлено о начале новой мировой пандемии — коронавируса COVID-19. В выступлении Генерального директора ВОЗ отмечалось, что “пандемия затронула 114 стран из около 200, входящих в разной форме в систему ВОЗ”⁶. В этом обращении также подчеркивалась необходимость консолидации усилий мирового сообщества в деле сохранения общественного здоровья и координации мер по противодействию новой коронавирусной инфекции.

В целях борьбы с новой инфекцией в большинстве стран были приняты ограничительные и запретительные меры, которые формально не отвечали признакам чрезвычайной ситуации, но содержали предписания, характерные для них. Как отмечают зарубежные ученые, “это была наиболее мощная драматическая государственная интервенция, начиная со времен Второй мировой войны. Для того чтобы отразить коронавирусную атаку, правительства по всему миру закрыли учебные заведения, малый и средний бизнес, запретили путешествия. Уже после трех недель локдауна, многие обозреватели стали обсуждать его различные последствия: тысячи смертей, которые не были вызваны непосредственно самой этой болезнью, спад экономики, массовую безработицу, рост числа суицидов, случаев домашнего насилия, апатию и депрессию у множества людей, которая также может стать смертельной, особенно для бедных”⁷.

³ Ростовская область. 27 апреля 2020 г. // DON24.ru. URL: don24.ru/rubric/zdorove (дата обращения: 29.06.2021).

⁴ ВОЗ: Болезнь, вызванная вирусом Эбола. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ebola-virus-disease> (дата обращения: 30.06.2021).

⁵ ВОЗ: вирус Зика. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/zika-virus> (дата обращения: 30.06.2021).

⁶ Вступительное слово генерального директора ВОЗ на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 года. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 12.08.2020).

⁷ Pell M.B., Lesser B. Researchers warn the COVID-19 lockdown will take its own toll on health // Filed April. 2020. N 3.

В Российской Федерации в соответствии с рекомендациями ВОЗ были приняты ограничительные меры санитарно-эпидемиологического характера, соответствующие так называемому “режиму повышенной готовности”. Наиболее показательными из них стали практически в полном объеме выполняемые населением меры соблюдения режима самоизоляции, контролируемые посредством новых коммуникационных технологий, переход на удаленную работу и дистанционное обучение, запрет на поездки не только в другие регионы, но и на передвижение в рамках конкретного населенного пункта, соблюдение “масочного режима” и так называемой “социальной дистанции”.

Сегодня, когда наблюдаются существенные сдвиги в отношении методов лечения данного заболевания и во всем мире полным ходом идет массовая вакцинация, для социологов настало время подвести итоги, определить тенденции и выявить закономерности, а также сделать определенные прогнозы.

Известно, что правительства государств несут ответственность за здоровье своих граждан, и эта ответственность требует принятия соответствующих мероприятий в области охраны здоровья населения. Пандемия научила людей и общество в целом больше ценить жизнь и собственное здоровье, обнаружила новые связи социального здоровья и безопасности, взаимодействия человека и общества, научила критериям принятия человеком новых социальных норм и ценностей⁸. В то же время она вылилась в социальное бедствие глобального масштаба, чреватое очень серьезными медицинскими, экономическими и социальными проблемами, ставшими достаточно актуальными и для России.

Если обратиться к чисто медицинским проблемам, связанным с новой пандемией, то, безусловно, на первый план выходят новизна и малоизученность процесса протекания данной болезни, ее последствий для человеческого организма и связанное с этим отсутствие эффективных схем лечения. Именно медицинский аспект данного заболевания актуализировал целый ряд сложностей, связанных с организацией системы здравоохранения в нашей стране, в первую очередь с либерализацией этого важнейшего социального института, приведшей к его недофинансированию, а также бюрократизации и коммерциализации⁹. В результате, хотя на борьбу с пандемией

⁸ Семина Т.В., Тыртышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. 2020. № 7. С. 11–20.

⁹ Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020. С. 145–152.

были выделены огромные человеческие и материальные ресурсы, быстро локализовать ее распространение не удалось. И несмотря на то что было сделано, в том числе и медицинскими работниками, достаточное число оптимистических прогнозов и даже периодически называемые конкретные даты конца пандемии, она приняла явно затяжной характер.

При этом важно отметить, что, к сожалению, не был учтен опыт борьбы с различными инфекционными заболеваниями, в том числе оспой¹⁰ и холерой, накопленный отечественной медициной, особенно в советский период.

Так, от эпидемии холеры, вспыхнувшей в 1970 г., пострадали регионы советского Причерноморья: Одесса, Керчь, Новороссийск, Батуми, а также расположенная восточнее Астрахань. Как отмечают очевидцы, несмотря на серьезное положение тогда панику никто не сеял. Советские СМИ не сообщали о вспышке холеры, однако в печати было много публикаций, посвященных описанию болезни и способам ее предотвращения.

В частности, в официальных документах карантин в Новороссийске проходил под названием “очаг Ф-30”. По одной из версий, источником заражения стали два теплохода, пришедшие в Новороссийск из Одессы, а первой заболевшей стала пожилая женщина, приехавшая погостить у родственников. Выявленная болезнь стала поводом для активной работы медиков и сотрудников санитарно-эпидемиологической службы. Были немедленно изолированы и обследованы 73 человека из числа ее родственников, знакомых и даже сотрудников медицинского персонала, которые ее изначально лечили. В итоге в Новороссийске было выявлено 13 больных холерой типа Эль-Тор, а потенциальными очагами болезни стали пригороды Новороссийска и соседние с ним поселки Цемдолина, Абрау-Дюрсо, Гайдук, в сточных водах которых эпидемиологи выявили холерный эмбрион.

Для борьбы с распространением заражения в городе была создана чрезвычайная противоэпидемическая комиссия (ЧПК), которую в итоге возглавил глава горисполкома Владимир Сорокин, а руководить устранением последствий инфекционной вспышки стал заместитель министра здравоохранения СССР Александр Серенко.

На противоэпидемиологические нужды власти города выделили 1 млн советских рублей. В город было направлено почти 350 специалистов, для потенциальных больных развернуты несколько госпиталей на более, чем 3 тыс. коек, открыто несколько обсерваторов (два из них — на борту теплоходов), изолировано 1745 человек, которые

¹⁰ См. об этом: *Серенко А. Ф.* Заносные вспышки натуральной оспы. М., 1962.

находились в контакте с больными. Город был закрыт для посещения, все дороги перекрыты, а весь допускаявшийся в город транспорт обрабатывался хлоркой. Для профилактики заражения населению бесплатно выдавали тетрациклин, а информация о противоэпидемиологических мерах доводилась до жителей на партсобраниях.

В совокупности предпринятые жестко контролировавшими ситуацию властями меры помогли быстро устранить угрозу эпидемии. В городе не было паники, люди продолжали спокойно жить и работать¹¹.

К сожалению, недостаточно внимания уделялось и анализу опыта борьбы с этой болезнью на ее “родине” — в Китае. В частности, в этой стране усилия правительства были сфокусированы на выявлении граждан с низким риском заражения. Для этого был использован уже имевшийся в Китае “код здоровья” — профиль каждого гражданина, основанный на анализе состояния его здоровья и истории туристических поездок. Человек с зеленым кодом, основанным на объективных данных, был вправе получить доступ к ресторанам, отелям и объектам повсюду, потому что вероятность его заражения очень мала, а массовые передвижения подобных граждан не вызывают роста заболеваемости¹².

Еще одними причинами резкого снижения числа заболевших в КНР эксперты считают методологию и характер тестирования на коронавирус. Так, в КНР сознательно не пошли по пути тестирования “всех подряд”, а отслеживали только контактных лиц в очагах, применяя к ним метод предельно оперативной и строгой изоляции. Массовым тестирование было в отдельных случаях, прежде всего для локализации очагов заражения. Кроме того, китайская статистика не включала бессимптомных лиц в общую статистику “заболевших”, поскольку в соответствии с инструкциями Национального министерства здравоохранения таких людей нельзя считать больными. При этом китайская практика тотального и строгого контроля оказала влияние на чрезвычайно низкие ежедневные показатели по числу новых случаев¹³.

Бюрократизация институтов медицины и здравоохранения в нашей стране привела к тому, что в сугубо медицинские проблемы

¹¹ См., например: Юбилей пандемии: как в СССР победили холеру и может ли этот опыт в борьбе с коронавирусом. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/925902/?from=76> (дата обращения: 12.07.2021).

¹² Как возвращается туризм: китайский опыт. URL: <https://profi.travel/news/45893/details> (дата обращения: 08.07.2021).

¹³ Опыт “золотой недели” в Китае: массовый туризм не привел к вспышке коронавируса. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/52981.html> (дата обращения: 08.07.2021).

стали активно вмешиваться далеко несведущие в них люди, в силу чего ряд так называемых ограничительных и запретительных мер были слабо обоснованы научно и поэтому оказались не эффективными. В их числе ограничительные меры, связанные с хронологическим возрастом, а не с реальным состоянием здоровья человека, которым обусловлены риски, связанные с этой болезнью. Однако самым весомым бюрократическим просчетом оказалось то, что за пределы общественного сознания, из общественного дискурса были “устранены” многие массовые заболевания — органов кровообращения, сердечно-сосудистой и легочной систем, онкологические, эндокринные и т.п., которые имеют несопоставимо высокую по сравнению с коронавирусом летальность, но объемы лечения которых ввиду отмены плановых госпитализаций и перепрофилирования целого ряда медицинских учреждений существенно сократились. В частности, известны случаи, когда пациентам, страдающим подобными заболеваниями в стадии обострения было отказано в экстренной госпитализации, или же они, будучи в коронавирусных стационарах, не могли получать прописанные и принимаемые регулярно препараты, консультации необходимых им специалистов и погибали, увеличивая “ковидную” статистику по смертельным случаям¹⁴.

Так, по данным академика РАН Е.В. Шляхто, “от ишемической болезни сердца только за первую половину 2020 года ушли из жизни более 220,7 тысячи человек — это почти в 17 раз больше, чем умерших за это же время от COVID-19. Хотя к началу пандемии в нашей стране наблюдалось даже снижение болезней сердца. Пандемия, — по мнению академика, — повлияла на рост смертности от сердечных недугов не только напрямую, но и опосредованно — было сокращено количество плановых операций, ограничена экстренная госпитализация, введена жесткая самоизоляция. Перепрофилирование больниц значительно повлияло и на обращение пациентов с больным сердцем к врачам, и на частоту инфарктов и инсультов, но сказалась и изоляция людей с факторами риска. В ряде регионов самоизоляция пожилых людей приводила к цереброваскулярным заболеваниям, к инсультам, которые дают самые высокие показатели по смертности и инвалидности”¹⁵.

¹⁴ Эксперт: смертность от болезней сердца с начала года выросла в условиях пандемии на 25%. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9729851> (дата обращения: 12.07.2021).

¹⁵ При пандемии смертность от сердечно-сосудистых заболеваний выросла на четверть. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2020/11/03/pri-pandemii-smertnost-ot-serdechnosudistykh-zabolevaniy-vyroslo-na-chetvert.html> (дата обращения: 12.07.2021).

В числе экономических проблем, вызванных пандемией, можно назвать существенные отраслевые сдвиги и диспропорции в структуре экономики, падение ВВП, рост инфляции, снижение реальных доходов и перераспределение расходов населения, а также серьезные изменения на рынке труда.

Как полагают эксперты, отечественная экономика несмотря на оптимистичные прогнозы пережила самый большой обвал с 2009 г., вызванный не просто стагнацией, а практическим развалом целого ряда весьма доходных для государственного бюджета отраслей. Так, Постановлением Правительства Российской Федерации был утвержден “Перечень отраслей, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции”. В этот перечень первоначально вошли следующие сферы экономической деятельности: транспортная деятельность; культура, организация досуга и развлечений; физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт; деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма; гостиничный бизнес; общественное питание; деятельность организаций дополнительного образования, негосударственных образовательных учреждений; деятельность по организации конференций и выставок; деятельность по предоставлению бытовых услуг населению; деятельность в области здравоохранения (стоматологическая практика); розничная торговля непродовольственными товарами; средства массовой информации и производства печатной продукции¹⁶. Следует отметить, что в этот перечень затем регулярно вносились все новые и новые отрасли¹⁷.

Уже в первом полугодии прошлого года реальные доходы граждан существенно упали: сильнее всего они понизились в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах (на 5,4 и 4,2% соответствен-

¹⁶ Перечень отраслей, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции // Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 434; от 10.04.2020 № 479. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 09.07.2021).

¹⁷ Перечень отраслей, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции // Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 434; от 10.04.2020 № 479, внесены изменения 18.04.2020 № 540; 12.05.2020 № 657; 26.05.2020 № 745; 26.06.2021 № 927. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 09.07.2021).

но), а меньше всего — в Северо-Западном и Сибирском федеральных округах — на 0,8 и 1,1%¹⁸.

По данным Росстата, опубликованным в апреле 2021 г., реально располагаемые доходы в России на фоне пандемии снижались четвертый квартал подряд. Так, во втором квартале 2020 г., на пике пандемического кризиса, провал реально располагаемых доходов оценивался Росстатом в 7,5% (ранее — в 7,9%). В первом квартале 2021 г. реально располагаемые доходы населения упали на 3,6% к докризисному первому кварталу 2020 г.¹⁹

Одновременно граждане пересмотрели свои траты по причине неопределенности, связанной с COVID-19. По данным на конец октября 2020 г., сильнее всего просели траты граждан в сфере услуг — на 32%. На непродовольственные товары люди стали тратить на 5% меньше, зато на медицинские товары и лекарства они израсходовали на 34,3% больше²⁰.

Эпидемия коронавируса изменила потребительские планы российских граждан. Так, по прогнозам РОМИР, основанным на исследовании “Российские потребители — новая реальность”, россияне планировали в целом тратить меньше, а наихудшие перспективы у торговых центров (там сократят расходы 47% опрошенных) и заведений уличной торговли (40%). Также сильно пострадают предприятия сферы досуга и развлечений: кинотеатры (34%), рестораны (34%), спа-салоны (36%) и т.п. Наибольшее число опрошенных экспертами потребителей планировало урезать в следующие шесть месяцев расходы на путешествия, развлечения, рестораны, одежду и обувь, электронику и др.²¹

Эпидемия коронавируса “нанесла сокрушительный удар по мировому рынку труда”, — отмечалось в докладе Международной организации труда “COVID 19 и мир труда”. Потери рабочего времени в течение 2020 г. по сравнению с четвертым кварталом 2019 г. соста-

¹⁸ Маркелов Р. По счетам пандемии: как экономика регионов пережила сложное первое полугодие и как закончит второе // Российская газета. 2020.09.09. URL: <https://rg.ru/2020/09/09/kak-ekonomiki-regionov-perezhili-slozhnoe-pervoe-polugodie.html> (дата обращения: 09.07.2021).

¹⁹ Росстат отчитался о снижении реально располагаемых доходов россиян // Экономика. 2021. 29 апр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/04/2021/608abee49a79476629102b9b> (дата обращения: 09.07.2021).

²⁰ Россияне быстро меняют привычки в условиях COVID-19 // РИА Новости. 2021. 13 окт. URL: <https://ria.ru/20201013/koronavirus-1579501691.html> (дата обращения: 06.07.2021).

²¹ Россияне быстро меняют привычки в условиях COVID-19 // РИА Новости. 2021. 13 окт. URL: <https://ria.ru/20201013/koronavirus-1579501691.html> (дата обращения: 06.07.2021).

вили 8,8% и были эквивалентны потере 255 млн рабочих мест — это примерно в четыре раза больше, чем во время глобального финансового кризиса 2009 г. Сюда входят потери, связанные с сокращением рабочих часов у тех, кто все же трудился, и с небывалой по масштабам безработицей: работы лишились 114 млн человек. Причем 71% от этого числа составили люди, которые либо не могли работать, возможно, из-за введенных ограничений, и те, кто отчаялся и даже не искал работу. В результате трудовые доходы сократились на 8,3%, что составляет 3,7 трлн долларов или 4,4% глобального ВВП²².

Как и во всем мире, в России рынок труда ответил набором классических антикризисных и адаптационных мер — снижением заработных плат, сокращением рабочего времени, уменьшением численности сотрудников. Так, согласно исследованиям, проведенным Центром трудовых исследований ВШЭ, 40% опрошенных сообщили, что после начала эпидемии у них сократилась зарплата, а почти 20% полностью или частично лишились премий и бонусов. Сильнее всего просели зарплаты в наиболее пострадавших отраслях — строительстве, торговле и сфере обслуживания, в которых негативная динамика фиксировалась в 65–75% случаев. Среди самозанятых заработки уменьшились у 75%, а у занятых на средних и крупных предприятиях — лишь у 48%. Достаточно активная адаптация рынка труда шла и по линии сжатия рабочего времени: 11% опрошенных были переведены на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, а примерно 13% были отправлены в вынужденные или квазидобровольные отпуска. На некоторых предприятиях работников принуждали брать больничные, однако таких случаев набралось менее 2%. Вместе с тем многие сотрудники (16%) были вынуждены трудиться больше, чем в докарантинный период. Естественно, различные формы кризисной адаптации могли использоваться одновременно. Примерно каждый второй опрошенный испытал на себе действие ухудшений какого-либо одного типа, почти каждый шестой респондент — двух, а каждый седьмой — трех и более. И хотя некоторые эксперты считают обозначенные меры “скрытой безработицей”, авторы исследования ссылаются на методологию Международной организации труда, в соответствии с которой человек, проработавший хотя бы час в неделю за оплату, уже занятый, а не безработный²³.

²² Что ждет рынок труда в 2021 году — обзор МОТ // Новости ООН: глобальный взгляд, человеческие судьбы. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395062> (дата обращения: 09.07.2021).

²³ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Рынок труда под натиском коронавируса. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

По прогнозам специалистов, безработица, безусловно, будет в ближайшее время расти, что серьезно усугубит социально-экономические проблемы, ведущие к стагнации, а затем и к кризису. Так, известно, что сокращение числа занятых приводит к падению доходов населения; люди меньше тратят, и двигатель экономики, потребление, начинает “барахлить”. Доходы государства тоже падают, потому что сокращаются налоги с работников. Расходы же казны, наоборот, растут — безработным нужна социальная поддержка: пособия, жилье. Рост зарплат прекращается и сменяется спадом ввиду избытка рабочей силы. Это отдаляет власти развитых стран от заветной мечты отвести угрозу дефляции и добиться роста цен, чтобы нормализовать денежную политику, повысить ставки и вернуть интерес к сбережениям — источнику инвестиций, за счет которых развивается и растет экономика. При этом чем больше срок, на который люди уходят с рынка труда, тем тяжелее им вернуться на него конкурентоспособными работниками. В итоге растет неравенство, чреватое социальной напряженностью и политической нестабильностью. И не только в национальном, но и в международном масштабе: между богатыми странами и теми, что беднее²⁴. Кроме того, социологами доказано, что рост безработицы неизбежно связан с увеличением числа бездомных, стрессами в семьях, ростом преступности, уменьшением расходов на общественные нужды и увеличением затрат на содержание полиции, судей и тюрем²⁵.

Если вести речь о социальных проблемах, вызванных пандемией, то это, прежде всего, ухудшение социально-демографической ситуации и усиление социального неравенства.

Безусловно, пандемия не могла не сказаться на социально-демографической ситуации, которая несомненно повлияет на будущее развитие нашей страны. Так, за 2020 г. население России впервые за 15 лет сократилось более чем на полмиллиона²⁶. В целом, коэффициент смертности в России в 2020 г., по предварительным данным Росстата, вырос до 14,5 умерших на 1 тыс. человек (против 12,3 в 2019 г.). Естественная убыль населения с начала 2020 г. достигла 688,7 тыс. человек, что в два раза превышает показатель за сопоставимый период 2019 г. (минус 316,2 тыс. человек). Число умерших в РФ в 2020 г.

²⁴ Калмыков А. Коронавирус оставил миллионы людей без работы. Многие из них еще об этом не знают // BBC News. Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54462688> (дата обращения: 09.07.2021).

²⁵ Crone J. How can we solve social problems? California, 2007.

²⁶ Сокращение населения России на фоне пандемии стало рекордным // Экономика. 2021.28.01. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/6012a7ca9a7947d4e0e8042> (дата обращения: 09.07.2021).

выросло до 2 млн 124,5 тыс. человек с 1 млн 800,7 тыс. человек в 2019 г. И этот показатель стал максимальным с 2006 г. (2,167 млн человек). Число родившихся в РФ в 2020 г. снизилось до 1 млн 435,8 тыс. человек с 1 млн 484,5 тыс. человек в 2019 г. Этот показатель стал минимальным с 2002 г. (тогда родилось 1,397 млн детей). При этом нежелание российских женщин рожать связано не с эпидемиологической, а с социально-экономической ситуацией²⁷.

Известно, что в условиях глобальных вызовов и угроз человечеству, одной из которых, безусловно, является пандемия, серьезно усугубляются традиционные и возникают новые формы социального неравенства. В первую очередь это относится к экономическому неравенству, которое повлекло изменения в социально-классовой структуре общества ввиду существенного сокращения средних слоев. Так, согласно докладу экспертов ВШЭ “Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития”, 6,1% занятых представителей среднего класса перешли в категорию бедных. Причинами роста численности бедного населения стали потеря работы и снижение трудовых доходов из-за простоя: в период пандемии 8,7% представителей среднего класса потеряли работу, а 3,9% оказались в простое с сохранением трудового дохода на уровне не выше МРОТ (12 130 рублей)²⁸. Таким образом, в настоящее время в России, как и во всем мире, продолжает нарастать тенденция к “радикализации социального неравенства, когда доход и богатство в увеличивающихся размерах концентрируются на вершине социальной пирамиды”²⁹, а бедность “является одной из ведущих тем современного социально-политического и экономического дискурсов”³⁰.

Социальное неравенство — это отражение сложной социальной структуры общества и специфическая форма социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения

²⁷ Население РФ за год сократилось на полмиллиона. В чем причина? URL: <https://www.dw.com/ru/naselenie-rf-za-god-sokratilos-na-polmilliona-v-chem-prichiny/a-56385435> (дата обращения: 09.07.2021); Население России: численность, динамика, статистика. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 09.07.2021).

²⁸ Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития. Экспертный доклад / Рук. авт. колл. Я.И. Кузьминов. М., 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/401421877.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

²⁹ Полякова Н.Л. Биполярное общество: новое неравенство и новые конфликты // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021. С. 233.

³⁰ Там же. С. 234.

своих материальных, социальных или духовных потребностей³¹. Новые социальные реалии, обусловленные пандемией, вынесли на повестку дня новые, редко служившие темой острого научного дискурса, социальные неравенства. В их числе, безусловно, неравенство в сфере здоровья, цифровое неравенство, возрастное и региональные неравенства.

Так, пандемия серьезно обострила проблемы неравенства в сфере здоровья, которые усугубили карантинные меры. С точки зрения интегративного подхода к анализу социального неравенства в сфере здоровья, предложенного А.В. Лядовой, социальное неравенство в отношении здоровья — это “комплексный социальный феномен, детерминируемый особенностями функционирования социальных институтов и распределения ресурсов в рамках существующей стратификационной модели общества, влияние которых имеет динамичный характер и определяется конкретными историческими условиями”³².

Интегративный подход подразумевает необходимость системного изучения и учета всех факторов, рассматриваемых исследователями в качестве детерминирующих. В их числе — демографические, экономические и социальные характеристики, медицинские данные, степень охвата населения проводимыми организациями здравоохранения медико-санитарными мероприятиями, а также уровень его информированности о существующих возможностях по сохранению и поддержанию своего здоровья.

Социальное неравенство в отношении здоровья проявляется в дифференциациях статусов здоровья у отдельных социальных групп, а также между жителями разных регионов, что обусловлено влиянием различий в существующих возможностях по сохранению и улучшению своего здоровья, которые детерминированы неравенством в доходе, наличием неравных условий по получению медицинских услуг в рамках системы обязательного медицинского страхования, а также региональными возможностями социальной поддержки. В первую очередь фактором социального неравенства в отношении здоровья выступает сама система здравоохранения.

Наглядным примером проявления проблемы социального неравенства в уровне здоровья среди россиян стала ситуация, сложившаяся в условиях пандемии COVID-19. Люди, не имеющие средств

³¹ *Осипова Н.Г.* Введение // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. С. 23.

³² *Лядова А.В.* Неравенство в сфере здоровья: сущность и особенности // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. С. 132–133.

для оплаты лечения, покупки необходимых средств защиты, лекарственных препаратов, проживающие в отдаленных регионах, сельской местности, где оказание в полном объеме медицинских услуг ограничено местными ресурсами, в условиях пандемии испытывали и продолжают испытывать серьезные трудности в борьбе с этой новой витальной угрозой³³.

Одной из относительно новых форм социального неравенства является цифровое неравенство, связанное с активным внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь и формированием облика нового, электронно-цифрового, общества. Цифровым считают общество, инфраструктура которого функционирует посредством цифровых информационно-коммуникационных технологий, задающих и определяющих новые, цифровые, контуры социального взаимодействия³⁴. Цифровая экономика, цифровая политика, цифровые коммуникации, сетевая идентичность, виртуальные сообщества, киберпространство и виртуальная реальность — это далеко не полный перечень терминов, которые прочно вошли в научный оборот современных социологов, занимающихся анализом цифрового общества. При этом “цифровое” отнюдь не является лишь технической характеристикой. Понятие “цифровое” означает то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми коммуникативными технологиями.

Цифровизация и новейшие коммуникационные технологии, связанные с ней, являются неизбежным и прогрессивным этапом общественного развития. Однако своеобразным маркером оформления цифрового общества фактически стало цифровое неравенство, отождествляемое часто с понятием “цифрового разрыва”.

Как отмечают исследователи, понятие “цифровое неравенство” шире понятия “цифровой разрыв”, концептуализация которого нашла отражение в трудах многих исследователей. В современной социологии наиболее распространенным способом концептуализации понятия “цифровой разрыв” является выделение трех его уровней. Первый уровень связан с доступом к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Второй уровень — с владением цифровыми навыками. Третий уровень — с наличием так называемого “цифрового капитала” — совокупности опыта, цифровых навыков

³³ Лядова А.В. Неравенство в сфере здоровья: сущность и особенности. С. 106.

³⁴ Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

и знаний, компьютерной грамотности и доступности ИКТ. Этот третий уровень связан с жизненными шансами и возможностями, которые появляются у людей, эффективно использующих новейшие цифровые технологии³⁵.

Возможности реализуются при наличии соответствующей инфраструктуры, которая обеспечивает цифровизацию отдельных сфер жизни общества, а жизненные шансы влияют на возможность индивида занять определенную социальную позицию, выстроить траекторию жизни и достичь определенного социального успеха. Тем самым, когда новые технологии формируют новые социальные отношения или обеспечивают возможность для социальной мобильности, необходимо говорить о социальном неравенстве. Таким образом, цифровое неравенство как новая форма социального неравенства становится результатом цифрового разрыва третьего уровня, который связан с общим состоянием цифровизации общества, его различных сфер в целом и жизненными шансами индивидов, которые имеют доступ в сеть и обладают набором специальных цифровых навыков для полноценного и эффективного использования продуктов цифровизации³⁶.

Цифровое неравенство — это иерархия индивидов в зависимости от уровня цифровизации среды обитания, цифровых навыков и тех жизненных шансов, которые они предоставляют. Оно неравномерно затрагивает различные социальные группы общества, в том числе и учащуюся молодежь. В период пандемии молодое поколение искусственно выпало из русла не только полноценной социализации, которая происходит в рамках учебных заведений и в кругу учителей и сверстников, но и оказалось перед лицом многочисленных неравенств, связанных с нарушением традиционного образовательного процесса, в том числе с его активной цифровизацией. При этом активное и не всегда продуманное внедрение цифровых технологий в сферу деятельности традиционных социальных институтов поставило острые социальные проблемы, которые достаточно очевидно проявили себя в системе высшего гуманитарного образования, в том числе и в университетской среде³⁷. В частности, перевод образовательного процесса на исключительно интерактивные формы обуче-

³⁵ Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Цифровой разрыв и цифровое неравенство в условиях цифровизации социума // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. С. 170.

³⁶ Там же.

³⁷ Осипова Н.Г. Актуальные проблемы гуманитарного образования в условиях цифровизации общества // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М., 2020.

ния, о чем ведутся непрерывные дискуссии, не учитывал обозначенную выше проблему цифрового разрыва — между теми, кто имеет доступ к этим технологиям и вытекающим из него преимуществам, а также теми, у кого такой доступ отсутствует или ограничен. Так, судя по результатам опроса, почти две трети молодых людей (65,13%) указали на то, что преимущества цифровизации в настоящее время не доступны всем гражданам России³⁸.

Одна из серьезных проблем, связанных с внедрением цифровых коммуникационных технологий состоит в том, что они способны конструировать “реальную виртуальность”, когда становится трудно отделить реальные факты и события от специально созданных фейковых образов. Это предоставляет огромные возможности для манипулирования сознанием отдельных социальных групп и особенно молодежи³⁹.

Все молодые люди, но особенно студенты, тяготеют к визуальному восприятию информации и к контенту узкой направленности. Трансформация коммуникационной модели приводит к новым видам контента, когда его производителем становится сам человек. При этом высокая концентрация накапливаемой частной информации о различных аспектах жизни современного человека благодаря информационной инфраструктуре и новым информационным технологиям ставит под сомнение приватность человеческой жизни, когда люди начинают осознанно или неосознанно отказываться от личного пространства, размещая о себе максимум информации, например, в социальных сетях. При этом частота контактов человека со случайными лицами увеличивается, рождая иллюзию полной и насыщенной социальной жизни, однако глубокие личные связи и переживания практически вытесняются из нее. Таким образом, сетевые сообщества становятся активными участниками политических процессов, катализируя процесс мобилизации студенческих масс на базе хорошо спланированной, точно просчитанной на основе применения Больших данных современной технологии управления общественным мнением посредством фейков и дипфейков⁴⁰.

³⁸ Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство в современном мире глазами молодёжи: аналитический отчет по результатам теоретико-эмпирического исследования. М., 2020.

³⁹ См. об этом: Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018; Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М., 2020.

⁴⁰ Красовская Н.Р., Гуляев А.А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. № 28 (4). С. 93–98.

В период пандемии молодые люди, лишенные полноценного общения с преподавателями, не изучая первоисточники по дисциплине, не погружаясь в основания изучаемых ими наук, часто утрачивают способность к анализу и синтезу. Они не в состоянии делать самостоятельный выбор, просчитывать все его последствия, и поэтому полностью отказываются от принятия самостоятельных решений, утрачивают критичное отношение к событиям и фактам реальной жизни⁴¹, а “в силу отсутствия опыта и достаточного уровня знаний” в их головы легче “вложить ложные идеи и смыслы, лишь бы они были яркими, впечатляющими, эпатажными”⁴².

Пандемия коронавируса, охватившая практически весь мир, — причина страхов, тревог, даже паники, ухудшения социального самочувствия больших слоев общества. Она серьезно повлияла на экономику, а также на социальные и поведенческие практики. В этой ситуации на повестку дня закономерно встает ключевой вопрос: каким образом она изменит облик общества? При ответе на этот вопрос можно условно обозначить три вероятностных прогноза развития событий.

Согласно первому из них, весь мир, в том числе и наша страна, после окончания пандемии вернутся в прежнее, неолиберальное русло. При этом наряду с очередными пакетами оздоровления и стабилизации экономики от Международных финансовых организаций будут активно и принудительно внедряться “меры поддержания общественного здоровья”, навязываемые ВОЗ в интересах определенного круга лиц. Тогда же на авансцену истории выйдут новые акторы передела мира и установления нового мирового порядка, мощнейший социально-экономический кризис примет затяжной характер, что повлечет за собой многочисленные человеческие жертвы.

Второй сценарий предполагает установление государственной диктатуры нового, цифрового, типа с тотальным контролем бюрократических институтов над всеми сферами личной и общественной жизни, сопровождаемый медикализацией общества⁴³.

По мнению ученых, медикализация общественной жизни как “растущая власть медицинского института в обществе, вследствие

⁴¹ Осипова Н.Г. Роль классического университета в формировании элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 23 (4). С. 9–31.

⁴² Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации.

⁴³ Буландин Д. Новые слова и значения. Словарь-справочник. СПб., 2014; Журнал исследований социальной политики // Медикализация общества: теория, история и микрополитика. 2009. Т. 7. № 3. С. 293–294.

чего он выполняет не только функцию лечения и профилактики, но и социального контроля”⁴⁴, препятствует критическому пониманию эксплуатации и подчинения власти теми группами людей, которых они касаются. Она представляет собой “конкретную стратегию, призванную поддерживать экономические, политические и социальные процессы, происходящие в конкретном обществе в определенный период времени в интересах определенного круга людей”⁴⁵. По мере роста медиализации люди становятся менее способными сами следить за своим здоровьем, контролировать свои состояния и попадают в большую зависимость от врачей. Такая зависимость усиливает потребность в медицинских услугах и ведет к экспансии медицинского обслуживания в рамках расширяющегося порочного круга, толкающего вверх медицинские бюджеты за счет других услуг⁴⁶.

На наш взгляд, об интенсивном процессе медиализации в России наглядно говорят попытки бюрократизированных кругов исказить социальные отношения, внедрив в сферу социального взаимодействия псевдосоциальные лингвистические конструкторы без анализа их очевидных негативных социальных последствий. Примером тому служит словосочетание “социальная дистанция”, введенное в широкий словесный оборот в рамках ограничительных мер.

Безусловно, соблюдение физической (пространственной) дистанции является признанным и эффективным методом противодействия распространению вирусных и инфекционных заболеваний. Но когда в данном контексте говорят о социальной дистанции — словосочетании, которое почти мгновенно вошло в массовое употребление по всему миру, имеет место явное намеренное или непреднамеренное искажение известного социологического термина.

Это понятие, социальной дистанции, было достаточно хорошо концептуализировано в трудах классиков социологии — американского социолога Р. Парка и российско-американского социолога П. Сорокина применительно к человеческим отношениям. В трудах социологов в первую очередь речь идет о дистанции, связанной с социальным положением людей в обществе, когда люди, находящиеся в непосредственной физической близости друг от друга, достаточно сильно отдалены друг от друга социально в силу разных позиций, занимаемых ими на воображаемых осях социального пространства (король и слуга, раб и господин). В данной связи призыв к “соблюде-

⁴⁴ *Михель Д.* Медиализация общества: теория, история и микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 293–294.

⁴⁵ *Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. М., 2018. С. 250.

⁴⁶ Там же. С. 245.

нию социальной дистанции” на языке социологии означает призыв к усилению социальной стратификации и непосредственно следующего за ней социального неравенства.

Понятие “социальное дистанцирование” также применяется к человеческим отношениям, когда речь идет о поведении, восприятии и общении. Социальное дистанцирование, трактуемое как практика сохранения определенного физического расстояния от других людей или ограничения доступа и контактов между людьми, чтобы избежать заражения или передачи инфекционной болезни, на самом деле означает практику поддержания определенной удаленности или эмоциональной отделенности от другого человека или социальной группы. Соответственно, эффективность подобного рода “социальной дистанции” в качестве превентивной меры распространения эпидемии с чисто медицинской точки зрения просто не доказана. Наоборот, когда социальное дистанцирование является навязанной ситуацией, неизбежно возникают изъяны в процессе полноценной социализации людей также, как и усиливаются негативные социальные явления. Например, повышается уровень агрессии и развивается агрессивное поведение, наблюдаются всплески домашнего насилия, депрессивные состояния и психозы, развиваются суррогатное мышление и клиповое общение⁴⁷.

Третий сценарий — использование опыта борьбы с пандемией и кризиса для пересмотра и устранения дисфункциональных компонентов социальной системы, изменения отношения к личным и общественным ценностям, что, в конечном счете, поможет преобразовать социальную реальность. «Неожиданный перерыв в привычно стремительном укладе современных будней дает нам возможность “сбросить скорость”, обратиться к нашему внутреннему миру, пересмотреть свое отношение к общественным ценностям задуматься и, возможно, изменить наше общество к лучшему»⁴⁸, — как считает немецкая писательница и философ Свенья Фласпёлер.

Важным моментом в рамках данного сценария может быть осознание со стороны населения, что в ситуации, вызванной природными явлениями или же вирусом, государство и институты, призванные защищать людей, оказываются достаточно беспомощными. В данной связи встает вопрос о личной ответственности каждого члена общества за свое здоровье, которую не может заменить какой-то публичный акт. В ситуации пандемии на первое место выходит

⁴⁷ См. подробнее: Pell M.B., Lesser B. Researchers warn the COVID-19 lockdown will take its own toll on health.

⁴⁸ Немецкий философ: пандемия — это возможность замедлиться. URL: <http://gitr-info.ru/2020/04/13> (дата обращения: 14.07.2021).

личный иммунный статус, который зависит исключительно от индивидуальных факторов, в первую очередь, от отношения человека к себе, своему телу, своему физическому развитию. Как советует известнейший кардиохирург Л.А. Бокерия, “не надо спать, не надо сидеть, не надо объедаться, очень важно сохранить параметры своего физического тела. Для этого, конечно, нужно понимание, что все будет хорошо, что я могу это сделать, и не лениться”⁴⁹.

Действительно, для тех, кто всегда стремился к самореализации и самоорганизации, период пандемии стал хорошим поводом для того, чтобы не только активно реализовать себя, но и продемонстрировать способность к социальной солидарности, готовность использовать такие кризисные ситуации с пользой и для себя, и для всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурганосов С.П. Пандемия // Большая медицинская энциклопедия. М., 1974–1989. Т. 18.

ВОЗ объявила пандемию в связи с COVID-19. URL: [www/interfax.ru](http://www.interfax.ru). 2020.11.03 (дата обращения: 29.06.2021).

ВОЗ: Болезнь, вызванная вирусом Эбола. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ebola-virus-disease> (дата обращения: 30.06.2021).

ВОЗ: вирус Зика. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/zika-virus> (дата обращения: 30.06.2021).

Вступительное слово генерального директора ВОЗ на пресс-брифинге по COVID-19 11 марта 2020 года. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 12.08.2020).

Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия социологии. М., 2018.

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Рынок труда под натиском коронавируса. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Цифровой разрыв и цифровое неравенство в условиях цифровизации социума // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021.

Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М., 2018.

Как возвращается туризм: китайский опыт. URL: <https://profi.travel/news/45893/details> (дата обращения: 08.07.2021).

Калмыков А. Коронавирус оставил миллионы людей без работы. Многие из них еще об этом не знают // BBC News. Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54462688> (дата обращения: 09.07.2021).

Красовская Н.Р., Гуляев А.А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. № 28 (4). С. 93–98.

⁴⁹ Лео Бокерия: чем теплее отношение к врачам, тем больше здоровых людей // РИА Новости. 2020.25.05. URL: <https://ria.ru/20200525/1571936771.html> (дата обращения: 14.07.2021).

Лядова А.В. Неравенство в сфере здоровья: сущность и особенности // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021.

Маркелов Р. По счетам пандемии: как экономика регионов пережила сложное первое полугодие и как закончит второе // Российская газета. 2020.09.09. URL: <https://rg.ru/2020/09/09/kak-ekonomiki-regionov-perezgili-slozhnoe-pervoe-polugodie.html> (дата обращения: 09.07.2021).

Михель Д. Медиализация общества: теория, история и микрополитика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3.

Население РФ за год сократилось на полмиллиона. В чем причина? URL: <https://www.dw.com/ru/naselenie-rf-za-god-sokratilos-na-polmilliona-v-chem-prichiny/a-56385435> (дата обращения: 09.07.2021).

Население России: численность, динамика, статистика. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 09.07.2021).

Опыт “золотой недели” в Китае: массовый туризм не привел к вспышке коронавируса. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/52981.html> (дата обращения: 08.07.2021).

Осипов Г.В. Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации. СПб., 2016.

Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М., 2020.

Осипова Н.Г. Роль классического университета в формировании элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 4. С. 9–31.

Осипова Н.Г. Актуальные проблемы гуманитарного образования в условиях цифровизации общества // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. М., 2020.

Осипова Н.Г. Введение // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство в современном мире глазами молодёжи: аналитический отчет по результатам теоретико-эмпирического исследования. М., 2020.

Перечень отраслей, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции // Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 434; от 10.04.2020 № 479. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 09.07.2021).

Полякова Н.Л. Биполярное общество: новое неравенство и новые конфликты // Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. М., 2021.

При пандемии смертность от сердечно-сосудистых заболеваний выросла на четверть. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2020/11/03/pri-pandemii-smertnost-ot-serdechnosudistykh-zabolevaniy-vyroslo-na-chetvert.html> (дата обращения: 12.07.2021).

Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития. Экспертный доклад / Рук. авт. колл. Я.И. Кузьминов. М., 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/401421877.pdf> (дата обращения: 09.07.2021).

Россияне быстро меняют привычки в условиях COVID-19 // РИА Новости. 2020. 13 окт. URL: <https://ria.ru/20201013/koronavirus-1579501691.html> (дата обращения: 06.07.2021).

Росстат отчитался о снижении реально располагаемых доходов россиян // Экономика. 2021. 29 апр. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/04/2021/608abe49a79476629102b9b> (дата обращения: 09.07.2021).

Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020.

Семина Т.В., Тиртышный А.А. Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты // Образование и право. 2020. № 7. С. 11–20.

Серенко А.Ф. Заносные вспышки натуральной оспы. М., 1962.

Сокращение населения России на фоне пандемии стало рекордным // Экономика. 2021.28.01. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/6012a7ca9a7947d4e0e8042> (дата обращения: 09.07.2021).

Что ждет рынок труда в 2021 году — обзор МОТ // Новости ООН: Глобальный взгляд, человеческие судьбы. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395062> (дата обращения: 09.07.2021).

Эксперт: смертность от болезней сердца с начала года выросла в условиях пандемии на 25%. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9729851> (дата обращения: 12.07.2021).

Юбилей пандемии: как в СССР победили холеру и поможет ли этот опыт в борьбе с коронавирусом. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/925902/?from=76> (дата обращения: 12.07.2021).

REFERENCES

Burganosov S.P. Pandemiya [Pandemic] // Bol'shaya medicinskaya enciklopediya. M., 1974–1989. T. 18 (in Russian).

Chto zhdet rynek truda v 2021 godu — obzor MOT [What awaits the labor market in 2021 — an ILO survey] // Novosti OON: Global'nyj vzglyad, chelovecheskie sud'by. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395062> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Crone J. How can we solve social problems? Berkeley, 2007.

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Cifrovoy razryv i cifrovoye neravenstvo v usloviyakh cifrovizatsii sociuma [Digital divide and digital inequality in the context of digitalization of society] // Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii. M., 2021 (in Russian).

Ekspert: smertnost' ot boleznej serdca s nachala goda vyroslo v usloviyakh pandemii na 25% [Expert: mortality from heart disease has increased by 25% since the beginning of the year in a pandemic]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9729851> (data obrashcheniya: 12.07.2021) (in Russian).

Elishev S.O. Social'noe manipulirovanie molodyozh'yu [Social manipulation of youth]. M., 2018 (in Russian).

Giddens E., Satton F. Osnovnye ponyatiya sociologii [Basic concepts of sociology]. M., 2018 (in Russian).

Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Rynek truda pod natiskom koronavirusa [Labor market under the onslaught of coronavirus]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Kak vozvrashchaetsya turizm: kitajskij opyt [How Tourism Returns: The Chinese Experience]. URL: <https://profi.travel/news/45893/details> (data obrashcheniya: 08.07.2021) (in Russian).

Kalmykov A. Koronavirus ostavil milliony lyudej bez raboty. Mnogie iz nih eshche ob etom ne znayut [Coronavirus left millions of people unemployed. Many

of them don't know about it yet] // BBC News. Russkaya sluzhba. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54462688> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. Tekhnologii manipuliyacii soznaniem pri ispol'zovanii dipfejkov kak instrumenta informacionnoj vojny v politicheskoy sfere [Technologies of manipulation of consciousness when using deepfakes as an instrument of information war in the political sphere] // *Vlast'*. 2020. N 28 (4). S. 93–98 (in Russian).

Lyadova A.V. Neravenstvo v sfere zdorov'ya: sushchnost' i osobennosti [Inequality in the field of health: essence and features] // *Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii*. M., 2021 (in Russian).

Markelov R. Po schetam pandemii: kak ekonomika regionov perezhila slozhnoe pervoe polugodie i kak zakonchit vtoroe [On the accounts of the pandemic: how the regional economy survived the difficult first half of the year and how it will end the second] // *Rossiyskaya gazeta*. 2020.09.09. URL: <https://rg.ru/2020/09/09/kak-ekonomiki-regionov-perezhili-slozhnoe-pervoe-polugodie.html> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Mihel' D. Medikalizatsiya obshchestva: teoriya, istoriya i mikropolitika [Medicalization of society: theory, history and micropolitics] // *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*. 2009. T. 7. N 3 (in Russian).

Naselenie RF za god sokratilos' na polmilliona. V chem prichina? [The population of the Russian Federation for the year has decreased by half a million. What is the reason?]. URL: <https://www.dw.com/ru/naselenie-rf-za-god-sokratilos-na-polmilliona-v-chem-prichiny/a-56385435> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Naselenie Rossii: chislennost', dinamika, statistika [Population of Russia: number, dynamics, statistics]. URL: <http://www.statdata.ru/russia> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Opyt "zolotoj nedeli" v Kitae: massovyj turizm ne privel k vspyshke koronavirusa [China's Golden Week Experience: Mass Tourism Failed to Fight Coronavirus Outbreak]. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/52981.html> (data obrashcheniya: 08.07.2021) (in Russian).

Osipov G.V. Sociologicheskaya nauka v usloviyah stanovleniya cifrovoj civilizatsii [Sociological science in the context of the formation of a digital civilization]. SPb., 2016 (in Russian).

Osipov G.V. Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizatsii [Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization]. M.; SPb., 2020 (in Russian).

Osipova N.G. Rol' klassicheskogo universiteta v formirovanii elity obshchestva [The role of the classical university in the formation of the elite of society] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2017. T. 23. N 4. S. 9–31 (in Russian).

Osipova N.G. Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya v usloviyah cifrovizatsii obshchestva [Actual problems of humanitarian education in the context of digitalization of society] // *Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizatsii*. M., 2020 (in Russian).

Osipova N.G. Vvedenie [Introduction] // *Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii*. M., 2021 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Social'noe neravenstvo v sovremennom mire glazami molodyozhi: analiticheskij otchet po rezul'tatam teoretiko-empiricheskogo issledovaniya [Social inequality in the modern world through the eyes of young people:

an analytical report based on the results of theoretical and empirical research]. M., 2020 (in Russian).

Pell M.B., Lesser B. Researchers warn the COVID–19 lockdown will take its own toll on health // Filed. 2020. 3 Apr.

Perechen' otraslej, v naibol'shej stepeni postradavshih v usloviyah uhudsheniya situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii [The list of industries most affected by the deterioration of the situation as a result of the spread of a new coronavirus infection] // Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 03.04.2020 N 434; 10.04.2020 N 479. URL: https://economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoj_infekcii.html (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Polyakova N.L. Bipolyarnoe obshchestvo: novoe neravenstvo i novye konflikty [Bipolar society: new inequality and new conflicts] // Social'noe neravenstvo v sovremennom mire: novye formy i osobennosti ih proyavleniya v Rossii. M., 2021 (in Russian).

Pri pandemii smertnost' ot serdechno-sosudistykh zabolevanij vyroslo na chetvert' [During the pandemic, mortality from cardiovascular disease rose by a quarter]. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2020/11/03/pri-pandemii-smertnost-ot-serdechnososudistyx-zabolevanij-vyroslo-na-chetvert.html> (data obrashcheniya: 12.07.2021) (in Russian).

Rossiya v novuyu epohu: vybor prioritetov i celi nacional'nogo razvitiya. Ekspertnyj doklad [Russia in a New Era: Choosing Priorities and Goals for National Development. Expert report] / Ruk. avt. koll. YA.I. Kuz'minov. M., 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/401421877.pdf> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Rossiyanе bystro menyayut privychki v usloviyah COVID–19 [Russians are rapidly changing habits amid COVID–19] // RIA Novosti. 2021. 13 okt. URL: <https://ria.ru/20201013/koronavirus-1579501691.html> (data obrashcheniya: 06.07.2021) (in Russian).

Rosstat otchitalsya o snizhenii real'no raspolagaemykh dohodah rossiyan [Rosstat reported a decrease in the real disposable income of Russians] // Ekonomika. 2021. 29 apr. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/04/2021/608abee49a79476629102b9b> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

Semina T.V. Medicina i obshchestvo: solidarnost' i konflikt [Medicine and Society: Solidarity and Conflict]. M., 2020 (in Russian).

Semina T.V., Tyrtyshevykh A.A. Social'naya solidarnost' i konfrontatsiya v period pandemii koronavirusa COVID–19: social'nye i pravovye aspekty [Social solidarity and confrontation during the COVID-19 coronavirus pandemic: social and legal aspects] // Obrazovanie i pravo. 2020. N 7. S. 11–20 (in Russian).

Serenko A.F. Zanosnye vspyski natural'noj ospy [Smallpox outbreaks]. M., 1962 (in Russian).

Sokrashchenie naseleniya Rossii na fone pandemii stalo rekordnym [The decline in the population of Russia against the background of the pandemic has become a record] // Ekonomika. 2021.28.01. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/6012a7ca9a7947d4e0e8042> (data obrashcheniya: 09.07.2021) (in Russian).

VOZ: Bolezn', vyzvannaya virusom Ebola [WHO: Ebola Virus Disease]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ebola-virus-disease> (data obrashcheniya: 30.06.2021) (in Russian).

VOZ ob"yavila pandemiyu v svyazi s COVID–19 [WHO has declared a pandemic in connection with COVID-19]. URL: [www/interfax.ru](http://www.interfax.ru) (11 marta 2020) (data obrashcheniya: 29.06.2021) (in Russian).

VOZ: virus Zika [WHO: Zika virus]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/zika-virus> (data obrashcheniya: 30.06.2021) (in Russian).

Vstupitel'noe slovo general'nogo direktora VOZ na press-brifinge po COVID-19 11 marta 2020 goda [Opening remarks by the WHO Director-General at the COVID-19 press briefing on 11 March 2020]. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (data obrashcheniya: 12.08.2020) (in Russian).

Yubilej pandemii: kak v SSSR pobedili holeru i pomozhet li etot opyt v bor'be s koronavirusom [Anniversary of the pandemic: how cholera was defeated in the USSR and whether this experience will help in the fight against coronavirus]. URL: <https://krasnodarmedia.su/news/925902/?from=76> (data obrashcheniya: 12.07.2021) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-33-48

НЕЛИНЕЙНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА: ТЕОРИЯ П.А. СОРОКИНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ*

С.А. Кравченко, докт. философ. наук, проф., зав. кафедрой социологии МГИМО МИД России; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Кржижановского, 24/35, корпус 5, г. Москва, Российская Федерация, 117218**

В статье рассматриваются пионерские подходы П.А. Сорокина к изучению нелинейных трансформаций социальных и культурных реалий в виде флуктуаций. У них сложная причинность, имеющая как детерминистский, так и недетерминистский характер, что ученый формулирует посредством ряда принципов, в числе которых имманентное порождение последствий, самоопределение системой своей собственной судьбы, самодетерминация. На основе этих методологических инноваций им было осуществлено “переоткрытие” прогресса как исключительно восходящего развития. Также было обосновано, что прагматически ориентированное развитие Истины и Красоты при умалении производства Добра ведет к нелинейным деформациям институтов демократии, права, семьи. Сегодня сорокинские идеи актуализируются, ибо востребованы инновационные подходы к интерпретации глобальной сложности, развивающейся нелинейно. Конкретно анализируются современные теории нелинейности: становления (П. Штомпка), ризомного развития (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), гибридизации (Дж. Урри), метаморфизации мира (У. Бек), травматического развития (П. Штомпка, Дж. Александер, Ж.Т. Тоценко). Делается вывод о том, что в обозримом будущем человечеству придется жить с доминированием нелинейных тенденций. Соответственно, нужен новый научный инструментарий диагностики и управления ими, основанный на междисциплинарности, которая должна иметь гуманистический стержень, что соответствует содержанию и духу теории П.А. Сорокина.

Ключевые слова: нелинейность, социальная и культурная динамика, глобализация, сложная причинность, становление, ризомное развитие, гибридизации, метаморфизации мира, травматическое развитие, “нормальная травма”, гуманизм.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (конкурс 2020 г.), заявка НШ-2615.2020.6.

** Кравченко Сергей Александрович, e-mail: sociol7@yandex.ru

NONLINEAR SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS: P.A. SOROKIN'S THEORY AND CONTEMPORARY APPROACHES

Kravchenko Sergey A., Professor, Head of the Department of Sociology, MGIMO-University, Moscow, Russia, Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia; Main Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, st. Krzhizhanovskogo, 24/35, bldg. 5, Moscow, Russian Federation, 117218, e-mail: sociol7@yandex.ru

The article deals with the pioneering approaches of P.A. Sorokin to the study of non-linear transformations of social and cultural realities in the form of fluctuations. They have complex causality of both deterministic and non-deterministic character, which the scientist formulates through principles: immanent generation of consequences, self-definition by the system of its own destiny and self-determination. On the basis of these methodological innovations, he "rediscovered" the progress as an exclusively bottom-up development and argued that the pragmatically oriented development of Truth and Beauty while diminishing the production of Good leads to non-linear deformations of the institutions of democracy, law, and the family. Today Sorokin's ideas are being actualized because non-linear approaches to the interpretation of the global complexity are in demand. The theories of becoming (P. Sztompka), rhizomic development (J. Deleuze and F. Guattari), hybridization (J. Urry), metamorphization of the world (U. Beck) and traumatic development (P. Sztompka, J. Alexander, J.T. Toshchenko) are analyzed in detail. It is concluded that in the foreseeable future the humanity will have to live with the dominance of the non-linear realities. Accordingly, we need new scientific instruments for their governance, based on interdisciplinarity, which should have a humanistic core — that corresponds to the content and spirit of P. Sorokin's theory.

Key words: nonlinearity, social and cultural dynamics, globalization, complex causality, becoming, rhizomic development, hybridization, metamorphosis of the world, traumatic development, "normal trauma", humanism.

П.А. Сорокин является пионером изучения нелинейных трансформаций социальных и культурных реалий. Его интегральная социология предполагает изучение общества, его идейных, правовых, этических, гуманистических и других реалий с позиций их обусловленности объективными социокультурными системами, находящимися в сложном движении в виде флуктуаций. Кроме эволюции и революции, "традиционных" типов развития, предполагающих, по существу, линейный переход от "низшего" к "высшему", Сорокин выделяет нелинейные "социальные флуктуации, то есть процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории", под которыми понимается «любой вид движения, модификация, преобразование, перестройка или "эволюция"»¹. Однако характер последствий флуктуаций зависит

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 80.

от субъективного фактора — сложной, интегральной сущности самого человека, его био-психологической природы и ценностного мира, деятельности по изменению мира и себя. «Новая интегральная теория человеческой личности не отрицает, что человек является животным организмом, наделенным “бессознательным”, рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но она подчеркивает, что помимо этой формы бытия, человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверх-сознательным творцом или духом»². Человек является не только эмпирическим наблюдателем и экспериментатором, рациональным мыслителем, но и активным участником создания творческого начала во вселенной. Помимо неорганических и органических явлений люди создали новую реальность — суперорганический или культурный мир, имеющий компоненты смысла, относящиеся к добру или злу.

Квинтэссенция нелинейного развития суперсистем, обществ, мира и знания

В представлении Сорокина, нелинейность как социокультурных суперсистем, так и обществ, равно, их конкретных сфер, обусловлена сложной причинностью, природа которой имеет как *детерминистский*, так и *недетерминистский* характер, что ученый формулирует посредством ряда принципов. 1. Принцип имманентного порождения последствий: «Любая социокультурная система пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы». 2. Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы: «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и “привычный” способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств». 3. Имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма: «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию. Самодетерминация — это синоним свободы»³. Методология сорокинской теории предполагает флуктуацию влиятельности детерминизма и индетерминизма. По его словам, ныне доминирует индетерминизм, отрицающий жесткую связь между явлениями.

Исходя из этих принципов, ученый обосновывает “основной закон истории”: *“История, — писал он, — показывает только бесцельные флуктуации...”* вопреки моему желанию увидеть в истории этапы

² Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 143.

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... С. 741, 743.

поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций”⁴.

Все процессы изменений, в конечном счете, обусловлены флуктуациями чувственной, идеациональной/идейной и интегральной культур: “...ни идеациональный, ни чувственный типы культур никогда не существовали в чистом виде, но все интегрированные культуры в действительности оказываются состоящими из различных соединений этих двух чистых логико-смысловых форм. В некоторых преобладает первый тип, в некоторых — второй; в каких-то они оба смешаны”⁵. А сам переход от одного типа культуры к другому носит *нелинейный характер*, ибо временные параметры флуктуационного цикла определить невозможно, но общая направленность изменений предполагает прохождение ряда последовательных этапов: дезинтеграция социокультурного порядка — кризис — или гибель общества, или мобилизация сил — новый социокультурный порядок.

Сорокин обосновал высшую интегральную ценность — единство Истины, Красоты и Добра. Социолог подчеркивал, что для жизнедеятельности человека важно именно их *единство*. Однако в реальной жизни они развиваются нелинейно, возможны существенные разрывы между ними. По его мнению, человек весьма преуспел в добыче истины (научного знания) и в создании шедевров красоты. Однако за последние четыре столетия творчество в области гуманизма и Добра резко отстало. Человеку не удалось обосновать эффективные пути и средства для своего морального возвышения, для контроля своих бессознательных инстинктов и чувственных вожделений, связанных с погоней за материальным благополучием, властью и наслаждениями. Его судьба, считает ученый, зависит ни от ООН, всемирного правительства или торжества демократии, а от способности творить Добро, от увеличения производства и аккумуляции неэгоистической любви к человеку и человечеству. По мнению Сорокина, известные до сих пор формы правления, будь то в Америке или России, не принимали в расчет значимость факторов гуманизма и Доброты, и потому “демократические режимы были почти столь же воинственными, неустойчивыми, как и авторитарные режимы, и имели такой же высокий уровень преступности”⁶. Как

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 310.

⁵ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... С. 45.

⁶ Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 121.

показало провидение социолога и подтвердила жизнь, “без любви все Билли о правах и все конституционные гарантии свободы есть пустая фраза”⁷. Любые замыслы утверждения социального счастья, линейные сами по себе, вовсе не ведут к процветанию, согласию, миру, если они интегрально не включают производство гуманизма и Доброты. Развивая мысль о главных тенденциях своего времени, Сорокин отмечает, что “хорошее правительство близкого будущего будет нуждаться в том, чтобы каждый научный администратор успешно выполнял задачу интеграции узкого знания во взаимодействие с учеными и мудрецами, и одновременно будет нуждаться также в моральных руководителях, чтобы вести правительство в их служении только в целях добра, а не зла”⁸.

Сорокин также обосновал “закон позитивной и негативной поляризации”, согласно которому во время революций и социальных катаклизмов люди ведут себя неоднозначно, нелинейно: одна часть общества становится более склонной к социальной девиации (полюс антигуманизма), а другая — к моральному совершенствованию и религиозности (полюс гуманизма). Человек не может пассивно созерцать тенденции общественного развития. Сообразно своему историческому предназначению — творить Истину, Красоту и Добро — он должен предпринять попытки преобразовать общество в гуманистическом направлении. Ученый последовательно отстаивает идею нелинейной трансформации в виде флуктуации, проходящей этапы кризиса, катарсиса, харизмы и воскресения.

Опираясь на методологию Сорокина, можно выдвинуть следующие гипотезы. Средний уровень производства гуманизма и Добра в различных обществах нелинейно разнится от одной страны к другой.

Значимость ценностей в обществе меняется в пространстве и времени: чувственный и идейные “подъемы” и “падения” — нормальные проявления нелинейности.

Не существует устойчивой тенденции ни к гуманизации, ни к дегуманизации, имеет место их флуктуация.

Доминирование религиозных или светских форм гуманизма не абсолютно. Они флуктуируют: если влияние религиозных или светских принципов достигает точки перенапряжения, то оно вытесняется усилением светскости или религиозности.

По Сорокину, флуктуации мирового лидерства выглядят следующим образом: 1) “европейское монополистическое лидерство”; 2) мир, основанный на противоборстве двух систем, возглавляемых США и СССР; 3) “Настоящая и будущая история человечества уже

⁷ Сорокин П. Таинственная энергия любви. С. 150.

⁸ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. С. 59.

представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать — помимо Европы, Америк и России — возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира”⁹. Его прогноз о нелинейной динамике мирового лидерства практически полностью подтвердился.

Особый интерес вызывают соображения социолога о том, что нелинейная динамика социума с неизбежностью сказывается на “современности” и “научности” той или иной теории. «Я могу не иначе, как только с юмором относиться к тому, с каким жаром социолог, обществовед или кто бы то там ни было защищает одну из теорий... как “совершенно научную”, “истинную”, “подтвержденную фактами”, “раз и навсегда доказанную”, а другие концепции объявляет “ненаучными”, “бессмысленными”, “метафизическими”, “ложными” и т.п.». Ряд теорий быстро “устаревают”: “За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается”¹⁰. Вместе с тем, со временем может происходить “переоткрытие” современности ученого, актуальности и востребованности его теории. Сказанное относится и к самому Сорокину. Как отмечает Э. Тирикьян, прошедший путь от ученика до соавтора Сорокина, его профессиональное признание неоднократно переоценивалось, подтверждая валидность теории флуктуации: “Как человек, уделявший большое место динамике изменений в своем теоретизировании, в собственной ситуации — как во время жизни, так и после смерти — он оказался подвержен циклическому изменению с точки зрения актуальности и признания”¹¹. Ученый стоял у истоков зарождения и становления социологического образования в России. На тот исторический период его современность была безусловна. Однако после революций 1917 г. в силу гуманистической направленности своей социологии Сорокин так и не сумел адаптироваться к “пролетарской культуре”. В США, куда он переехал в 1923 г., у него был “карьерный взлет”, на который, тем не менее, постоянно давил “багаж русского интеллигента в изгнании”, в силу чего “ему было трудно в американской культурной среде”. Так, возглавляя социологический

⁹ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. С. 21–22.

¹⁰ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... С. 414, 471.

¹¹ *Tiryakian E.A. Updating Sorokin. Introduction to the transaction edition // Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change. Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin / Ed. by E.A. Tiryakian. New Brunswick; L., 2013. P. viii.*

факультет Гарвардского университета, «он так и не стал “человеком организации”». Работы ученого 1935–1955 гг., пронизанные пафосом, с одной стороны, востребованности Добра ради совершенствования человеческих отношений, а с другой — критикой ценностей чувственной суперкультурной системы, по его мнению, вступившей в глубокий кризис и подходившей к концу своего длинного цикла, шли вразрез социологическому мейнстриму. Более того, он поставил под вопрос саму “научность” социальных наук в Америке, отстаивавших ценности формального рационализма, прагматизма и меркантилизма, и сделал это не где-нибудь, а в Конгрессе. Были затронуты не только честь “социологического мундира”, но и фундаментальные ценности, лежащие в основе американского общества. Реакцией истеблишмента стали нападки на профессионализм Сорокина, в итоге чего он перестал быть современным. Однако “ветры перемен” в мире в начале 1960-х гг. вновь сделали Сорокина современным. Его заслуги, прежде всего подтверждавшие обоснованность критики ценностей чувственной культуры (острые гражданские протесты, политические убийства и т.д.), стали признаваться. Если прежде представители американского социологического мейнстрима акцент делали на теоретизировании общественного равновесия, то теперь все большее внимание стало уделяться конфликтам. Как результат флуктуации “научности” социологических теорий, в 1965 г. ученый был избран президентом Американской социологической ассоциации. В ней функционирует секция “Альтруизм, мораль и социальная солидарность”, от имени которой вручается премия Сорокина за выдающийся вклад в социологическую науку. Ныне, как считает Э. Тирикьян, идет активный процесс “осовременивания Сорокина”¹².

Таким образом, суть сорокинской теории нелинейной социальной и культурной динамики сводится к следующим положениям: 1) развитие социума флуктуирует под влиянием сложных, внешне-внутренних причин; 2) осуществлено “переоткрытие” прогресса как исключительно восходящего развития; 3) прагматически ориентированное развитие Истины и Красоты при умалении производства Добра ведет к нелинейным деформациям демократии, права, семьи.

Современные подходы к интерпретации нелинейности

В настоящее время идет становление *нелинейно развивающейся глобальной сложности*, включающей в себя социо-природные гибриды¹³. Соответственно, осуществляется переход от Ньютонской к

¹² Tiryakian E.A. Updating Sorokin. Introduction to the transaction edition.

¹³ Urry J. Global complexity. Cambridge, 2003.

Эйнштейновской картине мира, что востребовало разработку новых подходов к интерпретации нелинейности, среди которых следующие.

1. *Становление.* По мнению П. Штомпки, социальное изменение ныне происходит в форме становления, квинтэссенция которого выражается в перманентной незавершенности развития структур и их функций, что воспроизводит эффект “общества в действии”, производящего огромные разнообразия и разноликости форм социальной жизни¹⁴. Становление — нелинейный процесс, обусловленный агентством, под которым понимается сложное, синтетическое качество человеческой коллективности, позволяющее осуществлять самотрансформацию. Люди вынуждены постоянно рефлексировать становящиеся реалии, осуществляя переоценку ценностей и стимулируя процесс “излечения” травм и разрывов. В итоге формируется “новая культурная консолидация”¹⁵, которая, не успев зародиться, начинает подвергаться эффектам становления. Как нам видится, атрибутом становления является “нормальная аномия” — расширяющаяся совокупность перманентно воспроизводимых уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека¹⁶.

2. *Ризомное развитие.* Ж. Делёз и Ф. Гваттари предложили теорию нелинейных трансформаций, суть которой выражена посредством метафоры ризомы: реалии подобно “скрытому стеблю”, обладающему способностью развиваться в любом направлении, принимают произвольную, “некорневую” конфигурацию¹⁷. Современные структуры обретают неопределенную тенденцию развития в разноречивых направлениях, создавая постоянно обновляющиеся принципы и нормы разной временной степени существования. Вместе с тем, эти структуры определенным образом саморганизуются, образуя дисперсионные реалии без рельефно выраженного стержня и четких границ.

3. *Гибридизация.* Дж. Урри предложил теорию нелинейного образования социоприродных гибридных реалий. Если прежде гибриды выражались в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое живое, то ныне, считает социолог, возникли вполне реальные гибри-

¹⁴ Sztompka P. Society in action: a theory of social becoming. Cambridge, 1991.

¹⁵ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001а. № 2.

¹⁶ Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 3–10.

¹⁷ Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома // Тысяча плато. Онлайн-альманах “Восток”. 2005. № 2.

ды живого и неживого, физических и социальных отношений. «Через анализ их динамичных взаимозависимостей в контексте комплексности их эмерджентные характеристики могут быть эффективно поняты. Само по себе разделение между “физическим” и “социальным” является социоисторическим продуктом, который, как явствует, разрушается». Гибридные сложные реалии эмерджентно зарождаются и получают распространение на глобальном уровне. “Глобальное, — замечает Дж. Урри, — несомненно, характеризуется эмерджентной и необратимой сложностью, процессами, которые одновременно являются социальными и естественными”. Гибридные реалии по-своему, нелинейно организовываются. «Сложность утверждает “научные” основания неопределенности, но, тем не менее, она необычным образом организована... нет простого роста беспорядка... Например, турбулентные потоки воды и воздуха, кажущиеся хаотичными, являются высоко организованными»¹⁸. Управление нелинейными тенденциями организации может, в частности, осуществляться за счет движения к знаковым, информационным и коммуникационным регуляторам¹⁹.

4. *Метаморфозное развитие мира.* Теория У. Бека о нелинейном изменении природы человеческого существования, предполагающая дальнейшие радикальные инновации в социальных науках. Социология с момента своего зарождения изучала социальные изменения главным образом в виде эволюций и революций. Однако метаморфозы современного мира не могут быть интерпретированы с помощью таких понятий, как “изменение”, “эволюция”, “революция” или “трансформация”. У. Бек даже критичен к самому себе: “Теория метаморфозы выходит за пределы теории мирового общества риска: она не о негативных побочных эффектах хорошего, а о позитивных побочных эффектах плохого”. Метаморфоза мира есть “эпохальное изменение видений мира, переоформление национального взгляда на мир”. Социолог так поясняет свою мысль: это не означает, что нации и национальные государства растворяются и исчезают, речь идет о том, что “они метаморфозируются”. Прежние “определенности”, основанные на национальных мировоззрениях, “исчезли”, они «теряют свою очевидность, как верования целой эпохи... Что значит “исчезли”? Многие из них, скорее всего, даже все картины мира еще существуют сегодня одновременно и рядом друг с другом. “Исчезновение” означает две вещи: во-первых, картины мира потеряли свою определенность, свое господство. Во-вторых, никто не может

¹⁸ Urry J. Global complexity. P. 13, 18, 19, 21.

¹⁹ Lash S., Urry J. Economies of signs and space. L., 1994.

избежать глобального. Это происходит потому, что глобальное — т.е. космополитизированная реальность — это не просто “где-то там”, а представляет собой стратегическую живую реальность каждого». По мысли социолога, космополитизация востребовала принципиально новую космополитическую методологию. Социолог так определяет “принципиальное различие” между его нелинейным подходом и теориями, которые ориентированы на “традиционное” изучение социального изменения. «Их подход исключает возможность метаморфозы мира. В противоположность этому, моя отправная точка в том, что только в контексте метаморфозы мира мы можем исследовать отношения между метаморфозой, изменением, воспроизводством и их разнонаправленными движениями. Относительный учет каждого из этих факторов является тем, что должно быть исследовано эмпирически. Короче говоря, мое намерение состоит в том, чтобы, вводя понятие “метаморфоза мира”, не изменить существующую типологию исторического изменения в обществе и политике на совершенно другую. Моя цель в том, чтобы *дополнить* эту типологию новой, которая до сих пор прошла незамеченной. И самое главное: будущее человечества в контексте “метаморфизации” мира зависит от самих людей — характера принимаемых ими “значимых политических решений”»²⁰.

5. *Травматическое развитие* обосновывается в целом ряде теорий. Как считает П. Штомпка, социальные травмы, будучи атрибутом нелинейного развития в виде становления, являются “активной, движущей силой социального изменения, присущей человеческим коллективам”. “Травматическая последовательность” предполагает ряд стадий: “структурная благоприятность” в виде среды, способствующей возникновению травмы; собственно травматические события; особые способы их интерпретации; возникновение “травматических симптомов”, выраженных в разделяемых всеми образцами поведения в контексте общепринятых мнениях; посттравматическая адаптация; амбивалентное преодоление травмы — завершающая фаза или начало нового цикла травматической последовательности. Вместе с тем, часть травм возникает в результате “патологического агентства” — “деструктивного воздействия на социальное тело непредвиденных, отчасти неопределяемых, имеющих непредсказуемый финал процессов”. Влияние травм носит амбивалентный характер: “...несмотря на непосредственно негативные болезненные последствия, демонстрирует позитивный, функциональный потенциал как сила социального становления. Вопреки вызванным ею раз-

²⁰ Beck U. The metamorphosis of the world. Cambridge, 2016. P. 4, 5, 6, 7, 8, 19–20.

рушениям и дезорганизации культурного порядка, ее можно рассматривать как семя новой культурной системы, стимул культурной консолидации”²¹.

Дж. Александер сделал акцент на изучении культурного конструирования травм. Травма трактуется им не как реально существующий социальный факт, а как результат кодирования, означения зла через призму определенных культурных ценностей и норм. «Для того чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его становление злом. Это вопрос того, как травма входит в знание, как она кодируется... Я бы хотел предложить не рассматривать само существование категории “зла” как нечто существующее, а как атрибутивное конструирование, продукт культуральной и социологической работы». Ценным в его теории является раскрытие механизма формирования специфического символического смысла: он производится посредством определенных бинарных представлений и бинарных дискурсов, что позволяет идентифицировать “степени зла”, которые “имеют большие смысловые значения, касающиеся ответственности, наказания, корректирующего действия и будущего поведения. Нормальное зло и радикальное зло не может быть одним и тем же”²². Особо социолог подчеркивает, что травма не состояние, а нелинейная трансформация, наносящая ущерб функционированию коллективности²³. В книге “Драма социальной жизни” травма предстает в форме “драматизации сознания” — процесса, приводящего к ломке прежних и нелинейному образованию новых солидарностей, основанных на мистифицированных представлениях. Посредством спектакля формируется “рациональный нарратив”, чья “драматургия пуста и цель которого — чистая мистификация. В спектаклизированных обществах модерна все перевернуто с ног на голову, ничто не приходит снизу вверх... Мы никогда не сможем быть активными, будучи драмопроизводящими агентами”. При этом победа одной из сторон не завершение процесса — возможны “контр-перформансы”, предполагающие нелинейные зигзаги и повороты вспять: “Прошлое становится золотым веком; настоящее фреймируется как падение в подавленность, нигилизм или аномию”²⁴. Некоторые индивиды могут и не осознавать, что их сознание травмируется — они принимают деформированные ценности, проявляя готовность к жизни в

²¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 5–7, 16.

²² Alexander J.C. The meaning of social life. A cultural sociology. Oxford, 2003. P. 31–33.

²³ Alexander J.C. Trauma. A social theory. Cambridge, 2012.

²⁴ Alexander J.C. The drama of social life. Cambridge, 2017. P. 2, 3, 107.

новой мистифицированной солидарности и с мистифицированными представлениями, разумеется, о будущем счастье, будущей свободе, которые вряд ли будут материализованы без необходимых для этого материальных, социальных, правовых оснований.

Ж.Т. Тощенко рассматривает общество травмы как *“третью модальность наряду с эволюцией и революцией*. А это значит, что при этом надо применить новые методы анализа, прибегнуть к использованию иного понятийного аппарата и попытаться найти обобщающие и особенные характеристики этих обществ”. Автором впервые предпринята попытка классификации стран, находящихся в состоянии травмы, среди которых: 1) общества с “нарушенной логикой объективного и последовательного развития”; 2) общества, создававшиеся посредством “насильственного, в том числе и военного, давления со стороны внешних сил”; 3) общества, возникшие под влиянием цветных революций; 4) общества, в которых длительным травмирующим фактором стали этнические и конфессиональные противоречия; 5) страны, не ориентированные на целенаправленное экономическое, социальное и политическое развитие; 6) Россия и ряд стран Восточной Европы, оказавшиеся в состоянии травмы “в результате ошибочного курса по изменению общественного строя”. Такая классификация позволяет критически взглянуть и на существующие трактовки прогресса, и на сами критерии “развитости” стран, которые, как предсказывал Сорокин, флуктуируют.

Пожалуй, самое главное в том, что обосновываются *средства выхода из общества травмы*, предлагается “лечение” его патологий и уязвимостей. Отправное положение автор формулирует следующим образом: “общество травмы не вечно, оно не может продолжаться бесконечно. Эта форма его существования обязательно прервется или очередным революционным взрывом или найдет в себе силы и возможности для ненасильственной реализации логики развития и успешного существования общества”. Для преодоления травмированности общества конкретно предлагается четкое и однозначное “определение стратегической цели развития и средств ее достижения”. Такая стратегия должна найти отражение в государственных документах и стать частью общественного сознания, понимания людьми, к чему в перспективе стремится и чего желает добиться (получить) население страны. Эта цель неминуемо призвана приобрести форму идеологии, чтобы, по крайней мере, большинству населения страны было ясно, какое общество его ожидает в будущем. Данная стратегия востребует возрастающую роль науки, реальное вовлечение народа в управление государственными и общественными делами, развитие политической конкуренции, неотложное

совершенствование управления, устранения все возрастающего социального неравенства²⁵.

Со своей стороны, мы предложили исследовать проявления нелинейной социальной и культурной динамики через призму учета “естественного”, “нормального” травмирования реалий в контексте становления глобальной сложности и доминирования нелинейного развития, что получило обоснование в соответствующей концепции “нормальной травмы”²⁶, суть которой в следующем. Причины “нормальных травм” сложные: ими могут быть как ненамеренные последствия человеческой деятельности людей, нацеленной на прагматическую эффективность, рост благ вне контекста Добра, разного рода меркантильные соображения, так и рефлексивность не-человеческих актантов, способных проявлять как бы собственную “волю”, выходя из-под контроля человека. Многие виды современной деятельности людей (прагматическое вторжение в микромир бактерий и вирусов, цифровизация, развитие виртуальной реальности в отрыве от жизненных миров людей), фактически, “нормально травмируют” *природу человека* (по существу, у современного индивида наряду с биологическим телом формируется “цифровое тело”, последствия чего амбивалентны: открываются немыслимые ранее возможности для жизнедеятельности; осуществляется лечение ранее неизлечимых недугов; стало возможным “цифровое бессмертие”, однако начался процесс дегуманизации собственно человеческих отношений). Создание генетически измененных продуктов питания “нормально травмирует” природу, последствия чего амбивалентны: уменьшается глобальная проблема голода, но возникают эффекты увеличения “мертвой” почвы и “мертвой” воды²⁷. “Нормально травмируется” климат, еще недавно относившийся к константам, что, в свою очередь, “нормально травмирует” экономику, туризм, места благоприятные для жизни и т.д. Глобальная сложность и нелинейность “нормально травмируют” научное знание. Еще недавно развитие научного знания, по Т. Куну, мыслилось как переход от одной к другой *доминирующей* парадигме. Ныне же в условиях глобальной сложности и нелинейности ситуация радикально изменяется, динамика вызовов знанию становится, соответственно, все более ускоряющейся, чем это было даже сравнительно недавно

²⁵ Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020. С. 27, 30–36, 301–311.

²⁶ Kravchenko S.A. The birth of “normal trauma”: the effect of non-linear development // Economics and Sociology. 2020. N 2. P. 150–159.

²⁷ Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge; Harvard, 2014.

во времена П.А. Сорокина и Т. Куна. По нашему мнению, возник переход к *“стреле времени”* знания, который предполагает динамично усложняющийся синтез наук. Научная революция, по существу, обрела *перманентный* характер, из чего следует одновременное сосуществование целого ряда значимых парадигм. Ориентация на одну *“правильную”* парадигму более не отвечает критерию валидности знания, сводит сложность истины к ее отдельным проявлениям. Зачастую это выражается в отсутствии должного учета нелинейных последствий научных и технологических инноваций. Сам плюрализм парадигм, их короткоживучесть практически исключает *“доминирующую”* теорию, что способствует образованию прерывистости, *“нормальных травм”* в научном творчестве. *“Стрела времени”* научного знания предполагает нелинейность развития составляющих его сфер: становится все более очевидным отсутствие синхронности в производстве научной истины и адекватного гуманизма. Полагаем, сегодня ученым необходимо ориентироваться не только на производство самого знания, но и на *гуманистическую составляющую* в этом знании. Сформировалось *научное незнание*: *“То, что принято считать знанием становится незнанием, — пишет У. Бек, — тем самым незнание приобретает статус знания”*: чернбыльский *“ядерный взрыв сопровождался взрывом незнания”*²⁸. Полагаем, как проявление *“нормальной травмы”* можно трактовать постулат социолога о естественности *“взрывов”* научного знания, что ведет к становлению *“научного незнания”*. В контексте *“нормальных травм”* необходимо критически подойти к постулату *“Знание — сила”*. Сегодня фактически производится сложное знание с нелинейными побочными эффектами. Одна из сущностных *“нормальных травм”* современного научного знания проявляется в парадоксальном сочетании самого разного *“традиционного”* научного знания и научного незнания нелинейного типа. Современный ученый поставлен в условия, когда постоянно необходимо выбирать теоретико-методологический инструментарий из разного знания и незнания, просто нельзя не выбирать с учетом фактора немедленного или отложенного риска оказаться на периферии своего научного поля.

COVID-19 выявил очевидную дисперсию научного знания/незнания, в котором есть и *“нормальные травмы”* с амбивалентными последствиями. Мы выдвинули следующую гипотезу: риски и уязвимости, обусловленные пандемией, могут проявить себя как *“положительные побочные эффекты плохого”* (У. Бек), способствуя появлению более гуманного сознания и соответствующей научной деятельности в интересах всего человечества. Практическое исполь-

²⁸ Beck U. World at risk. Cambridge, 2010. P. 116.

зование этой гипотезы может создать интеллектуальные предпосылки для перехода к космополитическому устойчивому развитию²⁹.

Таким образом, подходы к интерпретации нелинейности, впервые обоснованные Сорокиным, ныне получают развитие. В обозримом будущем человечеству придется жить с доминированием нелинейных трендов. Соответственно, нужен новый научный инструментарий управления реалиями нелинейности. На наш взгляд, этот тип управления должен иметь гуманистический стержень, что соответствует содержанию и духу теории Сорокина. Компоненты методологического инструментария гуманистического управления нелинейными процессами нами видятся в переходе к гуманистическому цифровому повороту³⁰ и междисциплинарности с гуманистическим стержнем³¹. Как видно, Сорокин “осовременивается” (Э. Тирикьян), а его идеи о нелинейной социальной и культурной динамике ныне все более актуализируются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Тысяча плато. Онлайн-альманах “Восток”. 2005. № 2.

Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.

Кравченко С.А. Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота (на англ. яз.) Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. Т. 19. № 3. С. 397–405.

Кравченко С.А. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 16–26.

Сорокин П. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М., 1993.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.

²⁹ Kravchenko S.A. Complex risks of COVID-19 Pandemic: possible metamorphization of national into cosmopolitan sustainable development // Sustainability. 2021. N 13. P. 2976. <https://doi.org/10.3390/su13052976>

³⁰ Кравченко С.А. Социология в движении: востребованность гуманистического цифрового поворота (на англ. яз.) Sociology on the move: The demand for humanistic digital turn // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. Т. 19. № 3. С. 397–405.

³¹ Кравченко С.А. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 16–26.

Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001а. № 2.

REFERENCES

- Alexander J.C. The meaning of social life. A cultural sociology. Oxford, 2003.
- Alexander J.C. Trauma. A social theory. Cambridge, 2012.
- Alexander J.C. The drama of social life. Cambridge, 2017.
- Beck U. World at risk. Cambridge, 2010.
- Beck U. The metamorphosis of the world. Cambridge, 2016.
- Deleuze G., Guattari F. Rhizome // A Thousand Plateau. The Online Almanac "Vostok". 2005. N 2 (in Russian).
- Kravchenko S.A. Re-discovery of social reality as an indicator of sociological knowledge validity // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. N 5. P. 27–37 (in Russian).
- Kravchenko S.A. Sociology on the move: the demand for humanistic digital turn // RUDN Journal of Sociology. 2019. Vol. 19. N 3. P. 397–405.
- Kravchenko S.A. The birth of "normal trauma": The effect of non-linear development // Economics and Sociology. 2020a. N 2. P. 150–159.
- Kravchenko S.A. Development of the subject of sociology: from monodisciplinarity to inter- and post-disciplinarity // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020b. N 3. P. 16–26 (in Russian).
- Kravchenko S.A. Complex risks of COVID-19 Pandemic: possible metamorphization of national into cosmopolitan sustainable development // Sustainability. 2021. N 13. P. 2976. DOI.org/10.3390/su13052976.
- Lash S., Urry J. Economies of signs and space. L., 1994.
- Sassen S. Expulsions: brutality and complexity in the global economy. Cambridge; Harvard, 2014.
- Sorokin P. The mysterious energy of love // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. N 8. P. 121–137 (in Russian).
- Sorokin P. Man. Civilization. Society. M., 1992 (in Russian).
- Sorokin P. The Basic Trends of our Time. M., 1993 (in Russian).
- Sorokin P. Social and cultural dynamics: a study of change in major systems of art, truth, ethics, law and social relationships. SPb., 2000 (in Russian).
- Sztompka P. Society in action: a theory of social becoming. Cambridge, 1991.
- Sztompka P. Social change as trauma // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001a. N 1. P. 6–16 (in Russian).
- Sztompka P. Cultural trauma in a post-communist society // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001b. N 2. P. 3–12 (in Russian).
- Tiryakian E.A. Updating Sorokin. Introduction to the transaction edition // Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change. Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin / Ed. by E.A. Tiryakian. New Brunswick; L., 2013.
- Toschenko Zh.T. The society of trauma: between evolution and revolution (the experience of theoretical and empirical analysis). M., 2020. P. 352 (in Russian).
- Urry J. Global complexity. Cambridge, 2003.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-49-77

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ — СЛОЖНЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С.А. Барков, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Человечество всегда воспринимало неопределенность как крайне негативную характеристику среды обитания. С некоторой долей условности все развитие цивилизации можно рассматривать как борьбу с неопределенностью. И к 20-м гг. ХХI в. люди обрели мощный инструмент снятия неопределенности в виде информационно-коммуникационных технологий. Они создали невиданные ранее возможности отслеживать и прогнозировать развитие огромного количества объектов (или/и субъектов).

Однако как это всегда имеет место в развитии общества, явный успех сопрягается с серьезными порожденными им проблемами. Минимизация неопределенности оборачивается тотальным контролем за людьми. Возникает новый тип тоталитаризма. Во многих своих чертах он похож на своего предшественника ХХ в., но имеет и свои особенности. Если “старый” тоталитаризм был выстроен вокруг защиты и претворения в жизнь идеологических ценностей, то новый тоталитаризм базируется на управленческих императивах и стремлении избежать неопределенности. При этом если в рамках старого тоталитаризма субъектом контроля было только государство с его специально разработанными для этого структурами, в новом тоталитаризме людей контролируют не только государственные органы, но и корпорации.

Важнейшей особенностью нового тоталитаризма является то, что современная техника начинает последовательно уничтожать лакуны свободы человека во всех сферах общественной жизни, и прежде всего в экономике. Плановая экономика ХХ столетия не могла полностью подчинить единому центру хозяйственное поведение людей. Лакунами свободы пользовались цеховики, шабашники, студенческие отряды, рационализаторы и др.

Сегодня перед человечеством стоит сложный выбор — либо и далее избавляться от неопределенности, делая общество еще более тоталитарным, либо осознать положительные аспекты неопределенности и начать бороться с новым тоталитаризмом.

Ключевые слова: тоталитаризм, неопределенность, плановая экономика, свобода, контроль, информационно-коммуникационные технологии.

* Барков Сергей Александрович, e-mail: barkserg@live.ru

UNCERTAINTY OR TOTALITARIANISM — A DIFFICULT CHOICE FOR HUMANITY

Barkov Sergey A., Doctor of Sociology, Professor, Head of Department of Economic Sociology and Management, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: barkserg@live.ru

Humanity has always perceived uncertainty as an extremely negative characteristic of the environment. With a certain degree of convention, the entire development of civilization can be viewed as a struggle against uncertainty. And by the 2020s, people had acquired a powerful weapon for this struggle — information and communication technologies. They have created unprecedented opportunities to monitor and predict the development of a huge number of objects (or/and subjects).

However, as is always the case in the development of society, clear success is coupled with serious problems generated by it. Minimizing uncertainty turns into total control over people. A new type of totalitarianism is emerging. In many of its features, it is similar to its predecessor of the twentieth century, but it also has its own characteristics. Whereas the “old” totalitarianism was built around the protection and implementation of ideological values, the new totalitarianism is based on managerial imperatives and the desire to avoid uncertainty. If within the framework of the “old” totalitarianism the subject of control was only the state with its specially designed structures, in the new totalitarianism people are controlled not only by state bodies, but also by corporations.

The most important feature of the new totalitarianism is that modern technology begins to consistently destroy the lacunae of human freedom in all spheres of social life, and above all in the economy. The planned economy of the twentieth century could not completely subordinate the people’s economic behavior to a single center. The lacunae of freedom were used by a lot of people, who managed to produce and trade independently from the state.

Today, humanity faces a difficult choice — either to continue to get rid of uncertainty, making society even more totalitarian, or to realize the positive aspects of uncertainty and begin to fight against the new totalitarianism.

Key words: totalitarianism, uncertainty, planned economy, freedom, control, information and communication technologies.

Состояние неопределенности всегда воспринималось человеком как болезненное и нежелательное, как нечто такое, от чего нужно по возможности избавиться. На избавление от неопределенности и отдельными людьми, и человечеством в целом за всю его историю были потрачены огромные усилия. С некоторой долей условности все развитие цивилизации можно рассматривать как титаническую попытку воплощения в жизнь идеала минимизации неопределенности. С древнейших времен цивилизация старалась и старается сделать природный мир подконтрольным человеку. Когда социальный мир достаточно усложнился, люди также старательно стали делать попытки избавиться от неопределенности в нем, тратя огромные

средства на построение научных моделей, способных предсказать будущее развитие общественных процессов.

Относительно неопределенности у людей сложились устойчивые стереотипы, целиком и полностью согласующиеся со здравым смыслом. Неопределенность — это опасность. Неопределенность — это угроза. Неопределенность — это неуправляемость. Неопределенность — это невозможность планирования. И, наконец, что важно не только для здравого смысла, но и для философского восприятия действительности, неопределенность — это свидетельство ограниченности разума. Исходя из этих постулатов вполне логичными, оправданными и даже возвышенными становятся попытки снять неопределенность, сделать ее воздействие на людей минимальным, а если удастся, то и “похоронить” ее вообще.

Краткая история борьбы с неопределенностью

Одна из важнейших в истории человечества революций — аграрная (переход от охоты и собирательства к земледелию) может трактоваться как первый бой, который отчасти сознательно, отчасти неосознанно человечество объявило неопределенности. При этом первые земледельцы жили и питались хуже своих постоянно кочующих предков. Они страдали от недоедания и болезней, их пища стала однообразнее, а труд утомительнее¹. И несмотря на это человечество пошло на такой шаг в надежде избавиться от неопределенности природной среды и заменить ее искусственно созданной. В этом, как и в большинстве последующих случаев, избавление от неопределенности оказалось эфемерным. Неопределенность нахождения пищи в природной среде сменилась неопределенностью погодных условий, от которых зависел урожай.

В дальнейшем человечество постоянно объявляло очередные и внеочередные бои неопределенности и почти всегда оказывалось в ситуации Пирровой победы.

Невзирая на спорные результаты борьбы с неопределенностью, сознание людей всегда сохраняло в себе идеал избавления от нее. Лучше всего об этом свидетельствуют многочисленные утопии, создававшиеся самыми разными авторами в самые разные эпохи. Если попытаться суммировать их содержание и выразить его одной сентенцией, не будет преувеличением сказать, что утопия — это экспериментальная модель снятия неопределенности. В утопическом обществе нет болезней и неурожаев, нет борьбы и конфликтов, господствует строгий порядок, подчиняющий себе как природу, так

¹ Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2021. С. 66–71, 99–107.

и людей. Начиная с платоновского государства в утопиях нет места конкуренции с ее непредсказуемыми результатами, нет места неожиданным реакциям одних социальных групп на действия других, и даже изобретения, меняющие этот искусственный мир, не создают своим появлением никаких проблем.

К концу XX в. все большему числу людей стали очевидными неоднозначные итоги многовековой войны с неопределенностью (хотя многие до сих пор верят в то, что повсеместное избавление от нее — это лейтмотив развития и безусловное благо для человечества). Показательно, что к этому времени даже простые люди, далекие от философии, социологии или экономики, начали сомневаться в том, что состояние неопределенности можно со временем уменьшить. Одна пожилая женщина, описывая свой жизненный опыт, очень точно охарактеризовала это ощущение. В начале прошлого века ей нужно было ежедневно ходить на работу и с работы на подмосковную станцию, расположенную в девяти километрах от дома. Часть пути проходила по лесу, в котором в то время водились волки. Они, что называется, и “порождали неопределенность”. При этом, если она слышала невдалеке за собой тяжелые шаги мужчины, она чувствовала себя спокойно, поскольку можно было рассчитывать на помощь. Уже в конце XX столетия, будучи в преклонном возрасте, она поняла, что если сегодня будет идти по лесу и услышит за собой мужские шаги, возникнет тягостное ощущение неопределенности и страх. Сегодня волков в Подмоскovie нет, но неопределенность никуда не делась, она просто изменилась.

Философы значительно раньше осознали тщетность и даже пагубность избавления от неопределенности. По всей видимости, первым был Эпикур с его теорией свободно и спонтанно отклоняющихся атомов. Именно он заложил основы понимания того, что неопределенность — это не только опасность, но и незыблемое основание свободы. Молодой свободолюбивый Маркс выбрал именно эту теорию для своей докторской диссертации². Именно в неопределенности он увидел поначалу возможность преобразования мира и избавления от диктата норм и правил, подавляющих свободное развитие человека и общества. Но время для развития этих мыслей еще не пришло, и в дальнейшем Маркс внес огромный вклад в общее движение по удалению неопределенности из жизни людей, предложив реальный путь осуществления на практике утопических принципов устройства общества и разработав концептуальные основы

² Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956.

перехода от капитализма к плановой экономике, уничтожающей неопределенность в хозяйственной жизни.

Сегодня мы можем видеть, что неявные и по большей части робкие философские попытки “оправдать” неопределенность делались многими мыслителями как до Маркса (прежде всего Гегелем и Кантом), так и после него. Но все эти попытки тонули в общем стремлении победить неопределенность с помощью развития науки и упорядочивания природно-социального окружения человека.

Конец XX столетия для цивилизационного отношения к неопределенности стал переломным моментом. Утопии сменились антиутопиями, а параллельно с ними стали возникать самые разные концепции, включающие в себя принятие вечности, непреодолимости и даже желательности неопределенности.

Тоталитаризм, возникший на основе попытки претворить в жизнь идеальное утопическое строение общества, стал наглядным свидетельством того, что происходит с людьми, когда они добиваются наиболее явных успехов в снятии неопределенности. В отсутствии неопределенности человек перестает быть человеком, он вынужден становиться таким же определенным и предсказуемым, как машина. Общество, состоящее из атомов-людей, не способных спонтанно менять траекторию своего движения, выглядит почти идеально и почти соответствует многовековым мечтам человечества, но это общество убивает саму природу человека, уподобляясь тюрьме с самыми жесткими правилами надзора и наказаний.

Разочарование в реализации утопий на Земле породили две очень разные концепции, содержащие в себе новое отношение к неопределенности, — постмодернизм и неолиберализм. Они интересны тем, что явно вышли за рамки рафинированных философских воззрений и стали непосредственно оказывать влияние на общественную жизнь.

Постмодернизм впустил неопределенность в саму структуру познания реальности. Он стал проповедовать знание, построенное не по традиционному иерархическому принципу (от аксиом к теоремам и отдельным вычислениям), и смирился с неизбежностью наличия противоречивых мнений о мире. Синтезируя науку и искусство, постмодернизм создал методологию познания, в рамках которой неопределенность перестала восприниматься как некомпетентность познающего. Если неопределенность непреодолима в окружающем нас мире, она непреодолима и в сознании. Если наука чего-то не может объяснить (а такое было и будет всегда), не нужно думать, что это слабость науки. Просто существуют вещи, которые лучше познавать с помощью поэзии, религии или других форм сознания, которые не

похожи на науку в ее стремлении уничтожить неопределенность³. Традиционная для постмодернизма критика преобразующего пафоса науки также ставит барьер в стремлении человека “подогнать” окружающую среду под себя, минимизируя зоны неопределенности в ней.

Как и постмодернизм, неолиберализм во многом возник из критики тоталитаризма. Один из его основоположников, Ф. Хайек, названием своей наиболее известной книги четко сформулировал главный лозунг этой идеологии: государственное регулирование экономики — это “дорога к рабству”. При этом апогеем государственного регулирования было плановое хозяйство. На Западе активно развивались его более мягкие формы, однако суть этого явления оставалась неизменной — снятие неопределенности рынка с помощью замены неуправляемых конкурентных начал организационными, созданными сообразно человеческой логике и уменьшающими неопределенность до возможного на данный момент предела. Новое отношение неолиберализма к неопределенности наиболее четко проявилось в инициированных им реформах естественных монополий. В их рамках рационально созданные и рационально управляемые организации в инфраструктурных отраслях заменялись непредсказуемыми рынками. Иными словами, от неопределенности не избавлялись, ее сознательно создавали.

Параллельно с этими влиятельными в интеллектуальном плане теориями в конце XX в. резко возрастает внимание к такому направлению исследований, как рискология. Множатся философские, социологические и экономические интерпретации рисков, выявляются десятки типов рисков, с которыми мы вынуждены сосуществовать, риск окончательно признается неизбежным спутником человеческой деятельности. При этом важнейшим лозунгом рискологии служит высказывание о том, что риск — это не только опасность, но и возможность. Не вдаваясь в специфические различия между риском и неопределенностью, можно утверждать, что и рискология пытается представить миру новое, часто воспринимающееся как противоречащее здравому смыслу понимание неопределенности.

Несмотря на все эти успехи в оправдании неопределенности социально-экономическая реальность XXI в. стала развиваться по традиционной траектории, которая получила мощную поддержку в лице информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Внезапно и во многом непредвиденно начался новый этап борьбы, новый бой, в котором человечество опять-таки льстит себя надеждой

³ См.: Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.

сделать окружающий мир и, главное, его будущее более определенным и подконтрольным.

Источники неопределенности

Прежде чем детально рассмотреть эту новую ипостась вечного стремления избавиться от неопределенности, необходимо дать некоторые разъяснения по “вводным” современной ситуации. И прежде всего стоит задаться вопросом, откуда возникает неопределенность.

Если попытаться предельно обобщить причины неопределенности в жизни человека, получится весьма странная и не вполне логически выстроенная совокупность явлений и процессов. Базовыми причинами неопределенности, непредсказуемости и неподконтрольности окружающего нас мира выступают будущее, природа, инновации и рынок.

Наиболее универсальный источник неопределенности — это будущее. Оно всегда хотя бы отчасти непредсказуемо. Попытки досконально предугадать будущее обречены на провал. Если в рамках эволюции некоего объекта еще удастся “ухватить” самую общую тенденцию его развития, то в революционные и кризисные времена прогнозы оказываются неточными и вполне сравнимыми по своей “сбываемости” с предсказаниями астрологов или шаманов. Но здравый смысл человека никак не хочет принимать этой истины. Для нас время — это некий единый поток, бегущий из прошлого в будущее. Настоящее мгновенно, по сути его вообще невозможно идентифицировать. Используя математическую аналогию, продолжительность настоящего равна площади точки, т.е. нулю (однако стоит помнить, что, как любая фигура состоит из множества точек, так и время складывается из множества настоящих моментов). Поэтому очень трудно представить, что в этой микроскопической точке происходит радикальное изменение природы.

Все образованные люди слышали об искривлениях времени и пространства, но к обыденной жизни эти рассуждения малоприменимы, и для большинства людей на планете они остаются простой “игрой ума”. И вот обычный (даже не слишком образованный) человек вдруг должен смириться с тем, что будущее, которое вот-вот станет прошлым — это господство случайности, а прошлое, которое еще совсем недавно было будущим, — это господство необходимости. Не просто искривление, а радикальная трансформация времени и самого бытия происходят в бесконечно малой точке! Принять такое положение будь то разумом, будь то душой очень сложно, почти невозможно. И человечество в большинстве своем не принимает этой истины или этой логики. Причем, не понимает в первую очередь

одну ее сторону и постоянно пытается навязать правила прошлого будущему для избегания неопределенности последнего.

Самые ранние мифологические и философские системы, созданные человечеством, исходили из цикличности развития мира. Как такого нового будущего нет, будущее — это повторение прошлого. Такую логику принять просто. И именно эта логика избавляла людей от болезненного ощущения неопределенности. Но время шло, и циклическая модель развития мира все в большей степени обнаруживала свою ограниченность. Трезвый научный взгляд на реальность поначалу столкнул людей с неопределенностью, справедливо описывая новизну массы явлений и несводимость их к прошлому. Но затем наука попыталась сгладить ту боль, которую принесла человечеству. В цивилизационном развитии возникала и стала доминировать доктрина, согласно которой все новое, а тем самым и будущее можно предсказать, только нужно дать волю ученым. И долгое время такое понимание жизни с признанием временного характера неопределенности позволяло человечеству обрести “душевный покой” в меняющихся условиях.

Способствовали утверждению единой сущности времени не только технократы с верой в свои прогностические способности, но и историки. Они делали это неким косвенным, но не менее действенным образом. История — классическая наука, хотя ее методология и носит описательный характер. Она, как и физика, стремится к однозначности своих положений. Для историка и по сей день важно выявить все причины былых событий и показать, что они были неизбежными. Даже если он и признает возможные варианты развития событий, его научная логика прямо подводит его тому, чтобы объяснить, почему из всех возможных сценариев история избрала именно этот. Такую историю учат в школе и университетах, и она вошла в культурный код современного человека. Историк, как истинный ученый, с этим ничего поделать не может, да и не хочет⁴. Скорее в непредсказуемость истории могут поверить современные философы, журналисты и литераторы⁵, но они всегда вызывают у историков

⁴ Очень точно о таком восприятии истории говорит название одной интернет-публикации: *Габович Е.Я.* Многовариантность истории как следствие продажности историков. URL: <https://history.wikireading.ru/291650> (дата обращения: 22.06.2021).

⁵ В нашей стране о пользе альтернативной истории наиболее ярко высказываются Л.М. Млечин и А.А. Вассерман. Последний выразил свое отношение к “сослагательному наклонению в истории” так: “...исторические события можно оценить только сравнением с несостоявшимися вариантами... Не зря с давних времен на стыке литературы с наукой развивается увлекательное направление исследований — альтернативная история. Ей отдали дань даже многие классики (например, А.Дж. Тойнби. — С.Б.)” (*Вассерман А.А.* Скелеты в шкафу истории. М., 2012. С. 72).

снисходительно-пренебрежительную реакцию. А если в прошлом нет неопределенности, то почему она должна быть в будущем?

Так или иначе, но именно непредсказуемое будущее составляло, составляет сегодня и будет составлять основу неопределенности в жизни людей. Другие причины просто накладываются на нее, дополняя картину неопределенности своими красками и сюжетами.

Важнейшим из этих других источников неопределенности является природа во всех ее проявлениях. Человечество не защищено от удара крупного астероида о Землю, на самой Земле человечество постоянно сталкивается с многообразными стихийными бедствиями. И как бы люди ни пытались обезопасить себя от природной неопределенности, возникают все новые и новые угрозы. Понятно, что самым наглядным тому подтверждением служит эпидемия нового коронавируса 2020–2021 гг. И даже без пандемий человек постоянно сталкивается с неопределенностью, связанной с неожиданным возникновением самого разного рода болезней.

Цивилизация на протяжении тысячелетий пыталась изобрести способы снятия природной неопределенности. И в ряде случаев она достигала в этом успеха, порождая эйфорию относительно того, что неопределенность этого вида может быть вообще когда-то преодолена. Сегодня во время эпидемии мы осознаем, что какими бы могущественными ни были средства и приемы борьбы с неопределенностью, цивилизация никогда полностью не поставит природу под свой контроль.

И для борьбы с неопределенностью, и для других целей человечество постоянно создает инновации, которые в свою очередь становятся источниками неопределенности. Сами по себе нововведения и сознательные изменения окружающей реальности в большинстве своем имеют четкую цель. Но окружающий нас мир напоминает детскую мозаичную игру или кубик Рубика — сдвигая один элемент в нужном для нас направлении, мы всегда изменяем положение других элементов. И в отличие от кубика Рубика мы чаще всего не можем изначально предсказать всех последствий целенаправленных и рациональных инноваций. В результате возникает надприродная неопределенность.

Наконец, в ряде случаев человечеству удастся создавать “живые вещи”, которые начинают жить своей собственной жизнью и отчуждаются от их создателей. Фантасты уже многие десятилетия прогнозируют появление искусственного интеллекта, который, саморазвиваясь, будет способен подчинить себе человечество. Но в реальной жизни мы постоянно сталкиваемся с такой живой сущностью, порождающей для нас неопределенность, как рынок. Он спонтанно

развивается по своим законам (или даже безо всяких законов) и постоянно подчиняет себе жизненные стратегии людей.

Рынок все время постоянно рождает новые идеи, претворяет их в жизнь, способен к постоянному творческому изменению. Причем, для производства таких изменений не нужно высшего организатора, дополнительного энергетического начала, внешнего воздействия. Рынок сам таит в себе источник развития. Пусть даже в какой-то момент для объяснения возникновения рынка понадобится некая фигура “демиурга”, после своего запуска рынок живет своей собственной жизнью. А рыночная природа современной экономики всегда и повсюду создает некоторую степень неопределенности. Практически непредсказуемые или малопредсказуемые кризисы, а также само “синусоидальное” развитие рынка уже на протяжении нескольких столетий делает жизнь людей непредсказуемой.

Таким образом, жизнь людей всегда была и будет сопряжена с неопределенностью. Однако человечество не было бы человечеством, если бы не пыталось активно бороться как с природными, так и надприродными ее видами. И именно эта борьба сегодня приобретает невиданные ранее формы и масштабы.

Инструменты борьбы с неопределенностью

Человечество пытается избавиться от состояния неопределенности с помощью двух инструментов — техники и организации. Техника в данном случае понимается очень широко — как вся совокупность искусственно созданных средств (прежде всего, материальных), с помощью которых человек меняет свое взаимодействие как с природой, так и с себе подобными. Организация подразумевает скоординированную работу масс людей. Благодаря такой координации, слаженности, согласованности по возможности достигается синергетический эффект.

Древние люди, испытывая недостаток материальных технических средств снятия природной неопределенности, прибегали к техникам психологическим — прежде всего ритуалам шаманов. Такие нематериальные техники “укрощения” неопределенности присутствуют в многочисленных квазинаучных концепциях и активно используются людьми и поныне. В Монголии в процессе трудоустройства учитывают мнения шаманов⁶. Во многих странах Юго-Восточной Азии для глав государств “элитные” астрологи со-

⁶ Барков С.А. Социологический анализ рынков труда в России и Германии (совместный проект МГУ и Университета прикладных исследований рынка труда г. Мангейма) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2. С. 39. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-36-39.

ставляют гороскопы, которые непосредственно используются для определения времени принятия решений. Этим часто грешат и западные правители, хотя чаще всего и не афишируют свои “ненаучные” пристрастия на публике. Самого разного рода экстрасенсы вне зависимости от географии постоянно возникают в социальном пространстве и приобретают авторитет как среди элит, так и среди простого народа. И главная их сила в том, что они избавляют людей от ощущения неопределенности будущего.

Западная цивилизация уже много столетий в качестве приоритетного инструмента снятия неопределенности использует материальную технику, начиная с простейших машин, придуманных древними греками, и заканчивая современными вакцинами и искусственным интеллектом.

Как свидетельствует история, в борьбе с неопределенностью техника и организация могут быть взаимозаменяемыми или взаимодополняемыми. Не создавшая мощных технических средств укрощения природы цивилизация инков создавала свой предсказуемый надприродный мир исключительно благодаря организации⁷. В империи инков грандиозные проекты по преобразованию природной среды осуществлялись без развития техники, а только на основе создания крупных организационных систем из людей. Исключительно развитая для того времени цивилизация с дворцами, дорогами, крепостями, особыми системами передачи информации возникла только благодаря организации громадных масс населения.

С точки зрения европейца (как сегодняшнего, так и вчерашнего), для строительства египетских пирамид нужно было применять особую, очень совершенную технику. Но древние египтяне решали данную задачу почти исключительно с помощью организации.

Это наиболее яркие, но отнюдь не единственные примеры взаимозаменяемости техники и организации в борьбе с неопределенностью.

Весь же современный менеджмент наглядно символизирует собой огромный потенциал не замещения, а взаимодополнения техники и организации. Начиная со времен Ф. Тейлора и Г. Форда высокая производительность обеспечивалась с помощью внедрения новой техники одновременно с разработкой особых менеджерских приемов организации работников.

Наглядным примером взаимозаменяемости и взаимодополнения техники и организации как инструментов борьбы с неопределенностью могут служить меры, предпринимаемые против эпидемии

⁷ См.: *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории. М., 2003. С. 193–208.

коронавируса. Во-первых, это технические средства — лекарства и, прежде всего, прививки. Во-вторых, это организационные меры — карантины, локдауны и тотальный контроль за перемещением людей, т.е. специфическая организация жизни. И, как это часто бывает в истории, Запад и Восток обозначили среди этих средств разные приоритеты. Для Запада вакцина была и остается главным средством борьбы с пандемией. А Китай и Вьетнам почти полностью нивелировали первую волну распространения вируса с помощью организации — тотального контроля над людьми.

Особыми средствами снятия неопределенности служат технические средства, усиливающие организацию людей. Прежде всего, это различные средства коммуникации. Например, во время Великой Отечественной войны такими средствами были рации. На момент начала войны у Советского Союза хороших раций не было, и это очень сильно осложняло, а подчас делало невозможным координацию действий тысяч людей на фронтах: «военным и впрямь зачастую было куда проще подавать флажные сигналы, командовать “делай как я”, давать самолетам указания с помощью ракет и растягивания длинных полотнищ, чем сквозь шумы и помехи объясняться устно»⁸. Считается, что это обстоятельство было одной из значимых причин неудач нашей армии в период вторжения вражеских войск на территорию страны. Первые эффективные рации были поставлены в страну союзниками по ленд-лизу, а к середине войны и отечественная промышленность освоила их производство. С распространением раций армия стала воевать на порядок лучше.

С развитием современных средств коммуникаций появились невиданные возможности снятия неопределенности. Интернет и смартфоны предоставляют возможность тотального контроля над людьми. “Формируется очевидный тренд на практически полное искоренение того, что в прошлом было принято называть частной жизнью (*privacy*). Футурологи любят говорить об увеличении в мире числа компьютеров (в 14 раз с 1993-го по 2018 г.), ноутбуков или смартфонов (в 9 раз с 2009-го по 2019 г.), но не следует забывать и о процессе, который развивается не менее стремительно: о взрывном росте числа разного рода видеокамер и видеофиксаторов, подключенных к глобальной или локальным сетям”⁹. Современные ИКТ создают невиданный ранее синтез организации и техники, который существенно сокращает неопределенность одновременно со свободой людей.

⁸ См.: Вассерман А.А. Указ. соч.. С. 106.

⁹ Иноземцев В.Л. На пороге иных времен. Что ждет человечество в наступающем десятилетии // Сноб. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (дата обращения: 20.06.2021).

Рождение нового тоталитаризма

В самое последнее время мыслящие люди по всей планете стали осознавать, что развитие технологий в очередной раз самым существенным образом меняет институциональный контекст существования человечества. В 1980–1990 гг. существенные изменения в жизни людей были связаны с массовым распространением персональных компьютеров и интернета. Философами, социологами, психологами и футурологами создавались множественные концепции, связанные с осмыслением этого процесса. В какой-то момент показалось, что воздействию ИКТ на жизнь людей уже в целом дана оценка, а само это воздействие оказалось не столь радикальным, как об этом принято было говорить ранее. Лучше всего эту мысль выразил в своей книге “Блеск и нищета информационных технологий”¹⁰ Николас Карр. Он пришел к выводу, что ИКТ в начале XXI в. встали в один ряд с другими инфраструктурами современного мира — электроэнергетикой, железными дорогами и др. Люди включают компьютер с той же легкостью, с какой включают свет в квартире. В большинстве организаций используют очень небольшой набор программ, прежде всего, *Microsoft Office*.

Казалось, что в дальнейшем будут нарастать только количественные изменения: повышаться скорость передачи данных с помощью сетей N-G, увеличиваться память и быстродействие компьютеров. Но количественные изменения в какой-то момент привели к изменениям качественным. Из всеобщей радости по поводу использования социальных сетей, компьютерных игр, приложений банков и магазинов возникла возможность тотального контроля над людьми, тотального обсчета их потребления и всех иных жизненных проявлений.

Здесь следует сделать одно важное отступление, которое отделит предмет этой статьи от того, что писалось и пишется по аналогичному поводу, исходя из политической (или политологической) перспективы. Блокирование аккаунта Д. Трампа в *Twitter*, осознание того, что данные о жителях одной страны беспрепятственно передаются телекоммуникационными компаниями заинтересованным лицам из других стран, политика по сдерживанию проникновения российской точки зрения на политические события в социальных сетях, контролируемых западными компаниями, заставили слова “тоталитаризм” и “тоталитарный” прочно войти в современный политический дискурс. Но, как мы увидим чуть позже, все эти и многие другие процессы и явления представляют собой скорее экс-

¹⁰ Карр Н.Дж. Блеск и нищета информационных технологий. М., 2005.

цесс старого идеологического тоталитаризма. В настоящей статье речь идет о другом — о тоталитаризме как эффективном средстве избавления от неопределенности во всех сферах жизни, и прежде всего в экономике.

Неопределенность в жизни людей предстает в двух видах. Образно их можно обозначить как “неопределенность шахмат” и “неопределенность покера”. Первая заключается в колоссальной трудности обсчета всех вариантов будущего, притом что в принципе такой обсчет возможен. Неопределенность покера — это невозможность просчитать все варианты из-за наличия случайного набора переменных. С развитием ИКТ в прошлое уходит первый вариант неопределенности. Сегодня с помощью суперкомпьютеров можно просчитать почти все — и логистику одной бутылки водки, и посещения врачей всем населением России, и траты на путешествия всего населения Земли.

Тем самым рождается новый тип тоталитаризма. Если в XX в. тоталитаризм имел в первую очередь идеологическую основу, но был лишен технических средств контроля над людьми, то в XXI в. человечество обретает возможность практически полностью нивелировать неопределенность, связанную с частной жизнью людей и определяющую их свободу. Это уже не идеологический, а управленческий, “калькулятивный” тоталитаризм. Дополнив фразу Маркса, современное состояние социальной системы можно описать так: “Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом, суперкомпьютеры, технология *big data* и искусственный интеллект — общество с тотальным организатором (или диктатором — кому какое понятие ближе)”.

Рождение этого тоталитаризма напрямую связано со стремлением избежать неопределенности. Сколько людей в России погибло от “паленой” водки! Открываешь бутылку — а там неопределенность. Так давайте проследим путь каждой бутылки от момента розлива до момента потребления. Еще несколько лет назад такое было попросту невозможно. А сегодня это и возможно, и желательно. Сколько браконьеров работает на рынке пушнины! Так давайте проследим путь каждой шкурки норки от момента смерти животного и до момента покупки потребителем шубы, на пошив которой она пошла! Для налоговой инспекции доходы малого бизнеса — это всегда неопределенность. Так давайте сделаем так, чтобы сведения об изготовлении каждого ключа в металлоремонте, починки каждого ботинка обувщиком, продаже каждой чашечки кофе в кофейне были доступны фискальным органам! Ведь от этого зависят доходы государства и тем самым зарплаты врачей, учителей, полицейских и самих чиновников. Как можно не осуществить все эти гуманные начинания?!

Благие намерения избавиться от неопределенности создают управленческий тоталитаризм. Он рождается исподволь, неявно и оправдывает себя самыми благородными целями. Нужно следить за всеми водителями, чтобы они не разговаривали по сотовому телефону в поездке, — от этого зависит безопасность миллионов людей на дорогах страны. Нужно следить за тем, сколько времени тратит врач на прием пациента, — от этого зависит доступность здравоохранения. Нужно следить за учеником школы или студентом, чтобы в означенное время он находился в здании учебного заведения, — ведь в противном случае он может попасть во всяческие неприятности. При этом родитель должен мгновенно оповещаться о том, какую оценку получило его чадо, — а иначе как он его будет воспитывать. Новый тоталитаризм, как это было предсказано в свое время фантастами, всегда оправдывал и будет оправдывать свое существование соображениями безопасности. Некоторые ученые ставят усиление безопасности в один ряд с индивидуализацией потребления и рассматривают эти явления как несомненные достижения постиндустриальной цивилизации: “Общество создаст невиданную систему контроля за человеком и невиданные механизмы немедленного удовлетворения его новых потребностей и интересов. Этот тренд революционизирует мировую экономику, на корню убивая стандарты массового производства, сегментируя производство и потребление и, наконец, повышая (а не снижая, как сейчас часто кажется) уровень личной безопасности человека”¹¹.

Как будет показано ниже, этот управленческий тоталитаризм уже за недолгое время своего существования смог сократить изрядное количество “лакун” свободы любого гражданина — начиная от малолетки и кончая пенсионером. Но прежде чем более детально разобраться в сложившейся ситуации и попробовать передоложить хотя бы какие-то меры защиты личной жизни граждан, стоит обратиться к сравнению традиционного тоталитаризма, известного нам со времен Советского Союза, и его нового проявления.

Старый и новый тоталитаризм

Тоталитаризм XX в. принадлежит эпохе модерна и является продуктом рационализации всех сфер общественной жизни. Рационализация, по словам М. Вебера, — “расколдовывание мира”, составляет квинтэссенцию преобразований, которым подверглось общество в Новое время. Ученые хотели перестроить мир на разумных началах.

¹¹ *Иноземцев В.Л.* На пороге иных времен. Что ждет человечество в наступающем десятилетии // Сноб. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (дата обращения: 20.06.2021).

Они старались, где это возможно, снизить проявления спонтанного, неконтролируемого разумом развития событий. Для такого контроля открывались законы, и человечество, действуя сообразно им, могло существенно снизить природную неопределенность. Законы физики и химии не зависели от сознания людей. И те, создавая лекарства против болезней, строя дамбы против наводнений, перебрасывая водные ресурсы с места на место от неурожаев, могли рассчитывать на то, что ряд природных процессов, чреватых болезненной неопределенностью, будут взяты под разумный контроль.

Аналогичным образом в эпоху модерна попытались отнестись и к общественной реальности — надприродной неопределенности. Ученые были уверены, что найдут здесь законы, которые будут действовать вне воли и сознания людей, что поможет создать новый счастливый мир. Но открыть такие законы не получилось. Закон построения коммунистического общества (или общего движения всех народов к коммунизму) совсем не похож на закон гравитации. Для его претворения в жизнь требуется контроль масс населения, причем тотальный контроль как за их поведением, так и за их сознанием. Миллионы людей в одночасье должны стать единомышленниками, а такое возможно только при применении жесточайших репрессивных мер.

Именно своей рациональной природой тоталитаризм отличается от традиционных авторитарных режимов. При авторитарных режимах человечество прожило большую часть своей истории. Короли и шейхи, цари и военные диктаторы заботились о том, чтобы у них не отняли власть. Они не пытались воплотить какую-либо теорию в жизнь. Поэтому при авторитарном правлении важно было ограничить политическую свободу и ряд смежных с ней свобод, но не перекраивать сознание людей. Нельзя критиковать правителя, нельзя издавать провокационные книги и призывать к бунту, нельзя создавать независимые общественные организации, партии и профсоюзы, почти нельзя (хотя все-таки можно) выезжать за границу и привозить оттуда “сведения со стороны” — вот те ограничения, которые традиционно существуют в авторитарных государствах. Но здесь никто не предписывает людям, как работать, как вести себя дома, как воспитывать детей, даже в большинстве случаев, кому и как молиться. Семья, религия, профессиональная деятельность и многие иные сферы общественной жизни в рамках авторитарного режима развиваются спонтанно и относительно свободно.

Но таких ограничений явно недостаточно, когда государство, якобы следуя научным законам, ставит перед собой цель создать абсолютно новый социальный мир, множество элементов которого

прямо или косвенно противоречат природе человека. Лучше всего разницу между авторитаризмом и тоталитаризмом символизирует фраза: “При авторитаризме важно не ругать правителя, а при тоталитаризме важно сделать так, чтобы сама критическая мысль о правителе не рождалась в умах граждан”. Действительно, сверхзадачей традиционного тоталитаризма является предотвращение появления чуждых мыслей, а не просто действий.

Для авторитарного государства характерны и тайная полиция, и пытки, и ссылки, и массовые репрессии, но это государство не стремится уничтожить или даже сколько-нибудь серьезно деформировать естественную социальную жизнь с ее естественными институтами. “Что придает историческое своеобразие тоталитарному государству, — писал известный американский социолог Р. Нисбет, — так это не абсолютная власть одного человека, клики или даже класса, а беспредельное вторжение государственных структур в социальные и психологические сферы, где ранее господствовали частные объединения. Тоталитаризм подразумевает разрушение автономных связей человека с человеком и одновременно и отнюдь не в меньшей степени — их замену другими связями, каждая из которых приобретает свое значение и санкцию на существование от центральной власти”¹².

В силу вышесказанного традиционный тоталитаризм может быть с определенной долей условности назван идеологическим. Нарождающийся тоталитаризм XXI в. — это управленческий тоталитаризм. Сегодня чиновникам и менеджерам в принципе все рано, какую идеологию исповедуют граждане. Но поскольку они создают ситуации непредсказуемости, с помощью ИКТ их нужно всецело контролировать и тем самым снижать надприродную неопределенность до минимума.

Из идеологической природы тоталитаризма XX в. и управленческой природы тоталитаризма XXI в. можно вывести ряд следствий, они же будут представлять собой сущностные характеристики этих двух общественных явлений (см. табл.).

Если старый тоталитаризм видел свою задачу в том, чтобы на основе контроля поведения и сознания людей вести их к единой цели, то новый тоталитаризм досконально отслеживает поведение и общение граждан для обеспечения безопасности и легкости управления ими. При этом главным субъектом контроля в старом тоталитаризме было государство. В рамках мощного государственного аппарата выделялись и особые органы, — спецслужбы, органы партийного контроля и др., — которые концентрировали в себе контрольную

¹² Nisbet R.A. Quest for community. N.Y., 1953. P. 205.

Сравнение тоталитаризма XX и XXI вв.

Критерии	Старый тоталитаризм	Новый тоталитаризм
Социальная основа и оправдание тотального контроля	Оправдывается требованиями разделять единые идеологические ценности и постулаты	Оправдывается требованиями безопасности, стремлением избежать неопределенности
Объекты контроля	Политические пристрастия и мировоззрение человека	Потребление и общение человека
Субъекты контроля	Государство в лице спецслужб	Государство во всех его проявлениях, коммерческие и некоммерческие организации
Профессионализм контроля	В значительном количестве случаев осуществляется квалифицированными людьми	Осуществляется неквалифицированными людьми, использующими ИКТ (вплоть до искусственного интеллекта)
Наличие лакун свободы	В силу несовершенства техники наличествует множество лакун для реализации экономических и некоторых других свобод	Последовательно уничтожаются все лакуны, где человек мог быть ненаблюдаемым, частная жизнь становится полностью прозрачной

функцию. В рамках нового тоталитаризма за гражданами следят не только государственные органы, но и корпорации. Новый тоталитаризм, как двуликий Янус, имеет как государственное, так и корпоративное лицо. О корпоративном лице современного тоталитаризма очень удачно высказалась американская социолог и футуролог С. Робинсон, сравнивая корпоративные центры власти с всемогущим Политбюро ЦК КПСС в Советском Союзе: корпорации «серьезно ограничили наш выбор: что покупать, где работать, как жить, какими правами обладать. Наше будущее перестает нам принадлежать. Все больше и больше решений, больших и малых, определяющих качество нашей жизни, принимают аппаратчики из Политбюро Верховного Корпоративного Совета, находящегося где-то вдалеке от нас. Сейчас этими аппаратчиками являются пиарщики, маркетологи, финансисты, лоббисты, ратующие за интересы транснациональных корпораций, а также менеджеры-учетчики, пытающиеся увеличить корпоративную прибыль за счет наших свобод»¹³.

¹³ Robinson S. How corporations make America like the USSR // Salon. 2012.17.07. URL: https://www.salon.com/2012/07/17/the_new_totalitarianism_how_american_corporations_have_made_america_like_the_soviet_union_salpart (accessed: 02.11.2020).

Особое внимание следует обратить на профессионализм контроля. В рамках традиционных организационных структур контрольная функция возлагалась прежде всего на тех, кто занимал более высокие позиции в управленческой иерархии. Для того чтобы занять такие позиции, в большинстве случаев нужно было обладать большим профессионализмом в сравнении с подчиненными. Такой контроль по природе своей был закономерен: более знающие контролировали менее знающих. Понятно, что в реальной жизни были множественные исключения¹⁴, но по большей части система старого тоталитаризма работала именно так.

Новый тоталитаризм радикально изменил ситуацию. Существует одно неформальное и одновременно парадоксальное определение искусственного интеллекта: он представляет собой нечто, что позволяет непрофессионалам делать профессиональные вещи. И во многих случаях это действительно так, что подтверждает начавшееся в постиндустриальную эпоху массовое исчезновение некоторых профессий и изменение требований к осуществлению соответствующей деятельности. Это как раз и произошло с контрольными функциями. Сегодня, чтобы контролировать людей, не нужно быть более одаренными, чем они. Не обученные почти ничему офисные менеджеры, имея большую плазменную панель с множеством зеленых и красных клеточек, могут контролировать ученых, профессиональных строителей, врачей, преподавателей, чиновников... Деквалификация (*deskilling*) контролеров стала важнейшей чертой нового тоталитаризма. Во многом именно отсюда берет начало жесткость и несправедливость современного контроля. В рамках старого тоталитаризма контролер, который хорошо понимал особенности профессиональной деятельности, мог, что называется, «войти в положение». Он по своему опыту знал, что существуют ситуации, когда невозможно и даже вредно следовать предписаниям, что отклонения от нормы — вещь неизбежная, важно только понять причины таких отклонений. Контролер от нового тоталитаризма в принципе не может понять, с какими трудностями сталкиваются люди, за которыми он следит. Он просто видит, что на экране зажглась красная клеточка, и в этом случае нужно наложить санкцию или сделать еще что-то предписанное, никоим образом не вникая в сущность происходящего.

¹⁴ Наиболее известным и «вопиющим» исключением был контроль за деятелями искусства (в Союзе писателей, Академии художеств, Министерстве культуры и др.). Именно здесь можно было почти постоянно наблюдать ситуации, когда менее профессиональные «художники», получившие высокие посты, контролировали своих более профессиональных и талантливых коллег. Неслучайно, именно деятели искусства сыграли столь значимую роль в крушении старого тоталитаризма.

Но самое главное отличие нового тоталитаризма все же не в том, что контроль сегодня могут осуществлять непрофессионалы, а в многократно усилившихся с помощью ИКТ средствах контроля. Тоталитаризм XX в. при всей своей жестокости и репрессивной мощи постоянно сталкивался с тем, что у него отсутствовали технические средства тотального контроля населения. Даже в самой контролируемой идеологической сфере существовали “прорехи” контроля, создающие лакуны свободы. Один из известных отечественных социологов, критикуя само понятие советского тоталитаризма, приводил яркий пример из своей жизни. В 1970-е гг. он как-то очень поздно вечером ехал в метро. Людей в вагоне было мало, и по установившейся в то время традиции все что-то читали. Так как шел уже двенадцатый час и нарваться на “государственных контролеров” было практически невозможно, читали то, что хотели. Понятно, что социолог решил посмотреть, что читают люди. Он подсел к одному и увидел распечатку какой-то книги Солженицына, не привлекая внимания, перешел к другому и увидел машинописные страницы с повестью Войновича, а у двери стояла девушка, которая пролистывала какие-то материалы хельсинской группы. “И это вы называете тоталитаризмом?!” — задавал в финале своего рассказа риторический вопрос социолог. Не было смартфонов, и контроль не мог быть тотальным; тоталитаризм повсюду был, что называется, “дырявым”.

Используя терминологию уже не раз упомянутого Маркса, тоталитаризм XX в. как политическая надстройка был лишен технико-экономического базиса. Особенно это было заметно в хозяйственной сфере, т.е. в той сфере, которую сегодня с помощью мощных ИКТ стало возможным контролировать тотально. Видимым признаком неудач в построении тотально контролируемого нерыночного хозяйства была якобы научная дисциплина “Политэкономия социализма”. По своей сути она была не в меньшей степени мифологична, чем “Научный коммунизм”. То, что она являла собой некоторую смесь желаемого, выдаваемого за действительное, и идеологических догматов, становилось особенно очевидным при сравнении ее с политэкономией капитализма, разработанной опять же Марксом и в методологическом плане представлявшей собой рафинированную научную концепцию.

В реальной же экономике сплошь и рядом существовали лакуны для независимой хозяйственной деятельности. Интересно то, что ряд таких лакун “осуждался” тоталитарным порядком, с ними по возможности боролись, но были и такие, которые прямо или косвенно поддерживались коммунистической партией и государством. К первым “осуждаемым” лакунам можно отнести цеховиков и ша-

башников. Они явно действовали вопреки законам, установленным свыше, и пользовались невозможностью тотально контролировать материальные и финансовые потоки в многомиллионной стране для своего обогащения. При этом они выполняли очень важные социальные функции — снабжали народ дефицитными товарами и осуществляли работы (прежде всего строительство и ремонт), без которых официальные организации не смогли бы работать нормально. Но наряду с этими прорехами планового хозяйства были и студенческие отряды, деятельность которых прямо поддерживалась государством. Но как можно было планировать их деятельность, если она по природе своей была добровольной?! Если бы контроль был тотальным и позволял создавать абсолютно реалистические планы, нужно было бы на пять лет вперед планировать численность строительных отрядов и заранее производить для них все необходимое. Этого не было, и осуществляемые студентами работы (часто хорошо оплачиваемые) определялись на месте директорами колхозов и других предприятий, причем сырье и другие необходимые материалы для этих незапланированных работ так или иначе находились.

Существование огромной армии снабженцев — людей одаренных и обладающих особыми компетенциями — также может служить косвенным доказательством невозможности тотального контроля материальных потоков в советское время. В соответствии с рациональной идеей, заложенной в плановое хозяйство, в начале, например, стройки для нее уже должны были быть завезены все необходимые материалы. Их в теории не нужно было “выбивать”, чем занимались талантливые снабженцы.

Таких примеров можно привести очень много. Отсутствие суперкомпьютеров превращало плановую экономику из основы тоталитарного строя в его проблему. В середине XX в. Ф. Хайек в своей знаменитой книге “Дорога к рабству” очень точно описал ту неопределенность, которая делала централизованное планирование неэффективным: “Когда правительство должно определить, сколько выращивать свиней или сколько автобусов должно ездить по дорогам страны, какие угольные шахты целесообразно оставить действующими или почем продавать в магазинах ботинки, — все такие решения нельзя вывести из формальных правил или принять раз и навсегда или на длительный период. Они неизбежно зависят от обстоятельств, меняющихся очень быстро. И, принимая такого рода решения, приходится все время иметь в виду сложный баланс интересов различных индивидов и групп”¹⁵. Сегодня мы можем не только посчитать все пары ботинок, но и чипировать их, чтобы точно

¹⁵ Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005. С. 91.

понимать, когда они были куплены и когда выкинуты на помойку. Не нужно использовать усредненные показатели типа “усушки-утруски”, создававшие возможности для воровства и осложнявшие управление материальными потоками, появляется возможность точно знать, существует ли сейчас та или иная единица продукции и в каком месте она находится.

Новый тоталитаризм, избавившись от идеологии, обрел технические средства тотального контроля. Он естественным образом вызрел в лоне технического прогресса, поэтому с ним очень сложно бороться. И все же на некоторых мерах борьбы необходимо остановиться.

Меры борьбы с новым тоталитаризмом

Почему следует бороться с новыми тоталитарными тенденциями в развитии общества? Вопрос кажется праздным, но это не так. Если у старого тоталитаризма всегда были оппоненты, придерживающиеся других идеологий, то новый тоталитаризм позиционирует себя как “благородный” инструмент избавления от неопределенности, т.е. от боли и страданий людей. Однако античеловеческая сущность тоталитаризма в обоих случаях остается неизменной.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих те эксцессы, которые в обязательном порядке будут давать о себе знать, если тенденция к управленческому тоталитаризму в современных обществах будет усиливаться.

Представим себе ситуацию, которая часто попадала в анекдоты и заключалась в том, что сильно превысивший скорость водитель объясняет свое правонарушение какими-то форс-мажорными жизненными обстоятельствами: жена рождает, отвожу родственника в больницу, у меня в доме пожар и т.п. Превышение скорости — это опасность для множества людей, оно порождает неопределенность на дороге, ведь участники дорожного движения рассчитывают на то, что все будут соблюдать скоростной режим. Но можно предположить, что реальные ситуации, заставляющие водителя превысить скорость, все же имеют место не только в анекдотах, но и в реальности. Тогда в условиях тотального контроля какой-то человек реально может погибнуть из-за того, что его не довезли до больницы вовремя. В условиях старого тоталитаризма ситуацию “разруливал” страж порядка: он мог оценить ситуацию, “войти в положение” и в конце концов “сжалиться”. И эта была та лакуна свободы, которая в некоторых случаях спасала жизни людей. При тотальном контроле камерами не только за водителями, но и за теми же стражами порядка, нивелируется сама возможность “гуманных” отклонений от столь вожажденной определенности.

Другой пример. Очень точное время, которое сегодня отведено врачу на прием пациента, вносит определенность для всех других пациентов и для самого врача. Но иногда нужно потратить чуть больше времени на конкретного больного — от этого зависит правильность и эффективность лечения. Сделать такое в условиях нового тоталитаризма не представляется возможным. Определенность и в этом случае будет находить своих жертв.

Если отвлечься от ситуаций с возможностью летального исхода и просто посмотреть на жизнь человека в условиях нового тоталитаризма, станет понятным, что сама эта жизнь становится менее интересной, что определенность внешней среды провоцирует исчезновение важных и притягательных личных качеств, которые еще не так давно естественно вырабатывались благодаря лакунам свободы. Так, тотальный контроль за ребенком снижает неопределенность и избавляет родителей от боязни за то, что с их чадом может произойти какая-то неприятность. При этом сам ученик в условиях тотального контроля за его пребыванием в школе и наличия электронного дневника, не позволяющего скрывать плохие оценки, становится инфантильным и не способным принимать самостоятельные решения.

Миф о послушном народе — один из самых древних. С незапамятных времен все управленцы хотели бы видеть свой народ, четко выполняющим все их предписания. По всей видимости, наиболее точно этот миф выразили древние китайцы, сравнивая хороший народ с податливой глиной в руках умелого гончара¹⁶. Но развивая мысль о послушном народе, мы всегда сталкиваемся с философским вопросом: а почему тот или иной человек не нарушает законы и правила. На этот вопрос можно предложить три варианта ответа. И только первый из этих ответов способен удовлетворить и власть предержащих, и само общество. Он заключается в том, что человек по природе своей законопослушен и нравственен, он считает, что исполнение законов идет на благо ему лично и обществу в целом. Второй ответ отсылает нас к глупости этого человека — он настолько глуп, что не может придумать способ нарушить закон без того, чтобы не подвергнуться наказанию. Третий ответ делает акцент на его трусости. Так какой он, послушный человек — нравственный, глупый или трусливый? Определить это только по его поведению невозможно. Однако можно утверждать, что при всем стремлении уничтожить неопределенность, управленцы в большинстве своем не хотели бы иметь дело с глупым и трусливым народом. Создавая мир, в котором всякое нарушение правил становится невозможным, управленцы сталкиваются с невозможностью отличить добро от зла.

¹⁶ См.: *Шан Ян*. Книга правителя области Шан. М., 2020.

После того, как выявлены негативные стороны избегания неопределенности любой ценой, можно поговорить о способах противостояния новому тоталитаризму. Описать их все сегодня не представляется возможным, так как новый тоталитаризм только начинает свое шествие по планете, и его дальнейшее развитие неминуемо приведет к появлению все новых методов и средств борьбы с ним. Важно и то, что эти методы и средства по определению должны быть неожиданными, непредсказуемыми заранее, только тогда они будут действенными.

Сегодня просматриваются три пути сопротивления — один абстрактный и два конкретных. Абстрактное решение связано с изменением мировоззрения людей, оно не предполагает конкретных действий, но служит ментальным базисом для них. По большей части это задача социальной философии и социологии, а также системы образования и воспитания. Во-первых, нужно дать людям четкое представление о неоднозначности и негативных сторонах преодоления неопределенности. Однако изменения мышления недостаточно, поскольку люди испытывают удовольствие, а иногда и счастье при избавлении от опасностей и угроз. Противостоять эмоциям очень сложно, но развитие человечества сплошь и рядом дает нам примеры их сознательного укрощения. Видимо, в случае с неопределенностью, предстоит сделать то же самое.

Практические действия по борьбе с новым тоталитаризмом распадаются на два вида — регрессивные и прогрессивные по своей природе. Первые, повторяющие в новых условиях некие “луддистские мотивы”, заключаются в том, чтобы по возможности не пользоваться теми современными изобретениями, которые предполагают тотальный контроль. Это очень сложно, ведь новый тоталитаризм имеет колоссальную PR-поддержку, а предлагаемые им технические средства обладают явными удобствами и во многом облегчают жизнь людей. И все же некоторые действия в этом направлении возможны. Так, в Германии в последние годы многие граждане сознательно не отказываются от наличных денег, чтобы хотя бы часть своих покупок “не делать достоянием гласности”. Многие преподаватели, чиновники и другие люди, что называется, “публичных профессий” не ведут аккаунты в социальных сетях. В ряде случаев для своей конфиденциальности можно пользоваться кнопочным телефоном вместо смартфона. Вполне возможно, что в недалеком будущем, когда пройдет всеобщая радость от низких цен у агрегаторов такси, возродятся традиционные службы, которые будут позиционировать себя как сознательно не сохраняющие маршруты клиентов. При этом “технический откат” может стоить не так уж дорого, но способен сохранить лакуны свободы.

Альтернативные действия связаны с тем, что новейшие изобретения станут создаваться таким образом, чтобы избежать самой возможности тотального контроля. В основе такого рода действий лежит изменение мировоззрения ученых и менеджеров, и описанный выше мировоззренческий подход к борьбе с новым тоталитаризмом при всей своей абстрактности в этом случае может быть достаточно действенным. Если население будет готово платить приличные деньги за свою неподконтрольность, появятся и те, кто претворит это желание в жизнь, каким бы несбыточным сегодня оно ни казалось. Техническая основа для этого создана уже достаточно давно. Это даркнет — темная зона интернета. Уже сегодня она насчитывает миллионы пользователей, почти полностью зашифровавших возможность отследить их действия на компьютере. Понятно, что на сегодняшний момент даркнет используется прежде всего в преступных целях неглупыми и нетрусливыми людьми. Но если тотальный контроль начнет искажать жизненные намерения и приоритеты большого количества людей, в даркнет хлынут миллиарды пользователей, и тогда вполне возможно сама идея их контролировать сойдет на нет. Если же управленцам и здесь удастся наладить отслеживание своих подчиненных, возникнет дарк-даркнет и так далее по цепочке. Так как сегодня невозможно предугадать все технические изобретения будущего, нельзя четко представить себе успешную техническую конфигурацию харда и софта, которые бы позволили поставить заслон всеобщему контролю.

Существуют и более легальные технические решения, хотя по понятным причинам они имеют очевидные недостатки — родимые пятна нового тоталитаризма. Постоянно возникают мессенджеры и социальные сети, которые пытаются гарантировать анонимность участников. Копания *Apple* в 2021 г. запустила новую версию своей операционной программы *iOS*. Теперь разного рода приложения не смогут получать доступ к пользовательской информации. Как заявляет *Apple*, таким образом она хочет обезопасить владельцев *iPhone* от чрезмерного сбора данных, которым грешат *Facebook* и другие интернет-корпорации. “Сейчас самое подходящее время для того, чтобы заявить, что из-за растущего объема персональных данных, которые пользователи хранят на своих устройствах, их уязвимость к возрастающим рискам конфиденциальности также многократно возрастает”, — объяснил главный инженер *Apple* по конфиденциальности Эрик Нойеншвандер в интервью агентству *Associated Press*¹⁷.

¹⁷ Цит. по: Gazeta.ru. 2021.27.04. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/04/27/13573898/apple_fb.shtml (дата обращения: 20.06.2021).

Такое мнение как нельзя лучше отражает изменение мировоззрения разработчиков ИКТ и дает надежду на то, что усилия по противодействию тотальному контролю будут прилагаться и в дальнейшем.

Очевидно, что подобные инновации всегда уязвимы, так как подразумевают очень высокий уровень доверия к некоей компании, которая (якобы или на самом деле?) будет гарантировать конфиденциальность. Кроме того, по всей вероятности, в недалеком будущем может возникнуть некоторый новый тип цифрового неравенства между людьми — неравенство в конфиденциальности. Например, пользователи продукции *Apple* не самые бедные люди на Земле. Как и в рамках старого идеологического тоталитаризма, элита в новых условиях будет стремиться к тому, чтобы самые болезненные проблемы тотального контроля не касались бы ее представителей.

Новый тоталитаризм только начинает развиваться. Однако очень скоро многие люди на планете почувствуют, что их жизнь изменилась. В своей профессиональной деятельности и личной жизни они столкнутся с невиданной ранее степенью контроля. Управленцы же, анализируя огромные массивы информации и используя искусственный интеллект, смогут предугадывать не только действия, но и в какой-то степени чувства и мысли людей. Народ все в большей степени будет напоминать им мягкую глину, из которой можно слепить любой предмет по задумке автора.

Уничтожив неопределенность шахмат, связанную с невозможностью обработать гигантские массивы информации, современные ИКТ с особым усердием будут работать над избавлением от неопределенности покера, основанной на существовании случайных событий. И эта работа будет подаваться как движение к светлому будущему, лишенному катаклизмов, угроз и болезней.

И руководители государств, и руководители корпораций получают очень высокие дивиденды от снятия неопределенности в рамках нового тоталитаризма. Впервые в истории они могут контролировать и предугадывать действия масс населения. Наконец-то в их руках оказался инструмент реализации всех их мечтаний по преобразованию мира. Но только простой народ, не получив таких дивидендов, может осознать всю пагубность отсутствия лакун свободы в новом социальном устройстве. Поэтому вполне вероятно наступит новый этап в развитии гражданского общества. Парадоксом этого этапа может стать стремление не громко заявить о себе, а быть незаметным для властей, не влиять на их решения, а стать невидимым, неосязаемым, ускользающим от технических средств, стоящих на службе у управленческой элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барков С.А. Социологический анализ рынков труда в России и Германии (совместный проект МГУ и Университета прикладных исследований рынка труда г. Мангейма) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 2. С. 36–39. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-2-36-39.

Барков С.А., Зубков В.И. Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме. М., 2019.

Бурькин А.Н. Тоталитарное управление как комплекс отчужденно-бюрократических методов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия философские науки. 2009. № 2. С. 35–43.

Вассерман А.А. Скелеты в шкафу истории. М., 2012.

Вехорев Ю.А. Собственность, политическая власть и тоталитарное государство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 172–177.

Габович Е.Я. Многовариантность истории как следствие продажности историков. URL: <https://history.wikireading.ru/291650> (дата обращения: 22.06.2021).

Егунова М.В. Тоталитарное мышление: деконструкция реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1. С. 4–7.

Иноземцев В.Л. На пороге иных времен. Что ждет человечество в наступающем десятилетии // Сноб. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (дата обращения: 20.06.2021).

Карр Н.Дж. Блеск и нищета информационных технологий. М., 2005.

Мажирина А.А. Тоталитаризм: некоторые вопросы теории и истории // Военно-юридический журнал. 2010. № 4. С. 30–32.

Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956.

Расторгуев В.Н. Единодержавие: новые лики тоталитаризма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 1. С. 43–50.

Тимофеев И. Сумерки Запада? Новый тоталитаризм, рефлексия и свободная мысль // Сайт Российского совета по международным делам (НП РСМД). 2019.17.09. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sumerki-zapada-novyy-totalitarizm-refleksiya-i-svobodnaya-mysl> (дата обращения: 20.06.2021).

Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005.

Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М., 2021.

Шан Ян. Книга правителя области Шан. М., 2020.

Шанин А.А. Новый тоталитаризм (обзор классических трактовок тоталитаризма с позиций современности) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Исследования молодых ученых. 2007. С. 90–92.

Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. М., 2003.

Юрченко Н. Новый американский тоталитаризм. Почему США похоронили свою мечту? // Life. 2020.09.06. URL: <https://life.ru/p/1328208> (дата обращения: 20.06.2021).

REFERENCES

Baehr P. Totalitarianism in America? Robert Nisbet on the “Wilson war state” and beyond // The American Sociologist. A Conservative in Academe: Robert Nisbet and American Sociology. 2014. Vol. 45. N 1. P. 84–102.

Barkov S.A. Sotsiologicheskii analiz rynkov truda v Rossii i Germanii (sovmestnyi proekt MGU i Universiteta prikladnykh issledovaniy rynka truda g. Mangeima) [Sociological analysis of labor markets in Russia and Germany (joint project MSU and Mannheim university of applied labor market studies)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2019. Vol. 25. N 2. P. 36–39. DOI:10.24290/1029-3736-2019-25-2-36-39 (in Russian).

Barkov S.A., Zubkov V.I. Monologi i dialogi o postmoderne i postmodernizme [Monologues and Dialogues on Postmodernism and Postmodernism]. M., 2019 (in Russian).

Burykin A.N. Totalitarnoe upravlenie kak kompleks otchuzhdenno-byurokraticheskikh metodov [Totalitarian Management as a Complex of Alienation-Bureaucratic Methods] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya filosofskie nauki. 2009. Vol. 2. P. 35–43 (in Russian).

Carr N.J. Blesk i nishcheta informatsionnykh tekhnologii [The splendour and misery of information technology]. M., 2005 (in Russian).

Eguneva M.V. Totalitarnoe myshlenie: dekonstruktsiya real'nosti [Totalitarian Thinking: Deconstruction of Reality] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. N 1. P. 4–7 (in Russian).

Gabovich E.Ya. Mnogovariantnost' istorii kak sledstvie prodazhnosti istorikov [Multiple versions of history as a consequence of venality of historians]. URL: <https://history.wikireading.ru/291650> (accessed: 22.06.2021) (in Russian).

Harari Y.N. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens. A Brief History of Humanity]. M., 2021 (in Russian).

Hayek F. Doroga k rabstvu [The road to slavery]. M., 2005 (in Russian).

Inozemtsev V.L. Na poroge inykh vremen. Chto zhdet chelovechestvo v nastupayushchem desyatiletii [On the Threshold of Other Times. What awaits humanity in the coming decade] // Snob. 2019.26.12. URL: <https://snob.ru/entry/186876> (accessed: 20.06.2021) (in Russian).

Marx K. Razlichie mezhdru naturfilosofiei Demokrita i naturfilosofiei Ehpikura [The Difference Between the Natural Philosophy of Democritus and the Natural Philosophy of Epicurus] // Marx K. Iz rannikh proizvedenii. M., 1956 (in Russian).

Mazhirina A.A. Totalitarizm: nekotorye voprosy teorii i istorii [Totalitarianism: Some Issues of Theory and History] // Voennno-yuridicheskii zhurnal. 2010. N 4. P. 30–32 (in Russian).

Nisbet R.A. Quest for Community. N.Y., 1953.

Rastorguev V.N. Edinoderzhavie: novye liki totalitarizma [The Uniform Power: New Faces of Totalitarianism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2009. N 1. P. 43–50 (in Russian).

Robinson S. How corporations make America like the USSR // Salon. 2012.17.07. URL: https://www.salon.com/2012/07/17/the_new_totalitarianism_how_american_corporations_have_made_america_like_the_soviet_union_salpart (accessed: 02.11.2020).

Shafarevich I.R. Sotsializm kak yavlenie mirovoi istorii [Socialism as phenomenon of the world history]. M., 2003 (in Russian).

Shang Yang. Kniga pravatelya oblasti Shan [Book of the ruler of the Shan State]. M., 2020 (in Russian).

Shanin A.A. Novyi totalitarizm (obzor klassicheskikh traktovok totalitarizma s pozitsii sovremennosti) [New totalitarianism (review of classical interpretations of totalitarianism from the perspective of modernity)] // Vestnik VoLGU. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh. 2007. P. 90–92 (in Russian).

Timofeev I. Sumerki Zapada? Novyi totalitarizm, refleksiya i svobodnaya mysl' [Twilight of the West? New totalitarianism, reflexivity and free thought] // Sait Rossiiskogo soveta po mezhdunarodnym delam. 2019.17.09. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sumerki-zapada-novyy-totalitarizm-refleksiya-i-svobodnaya-mysl> (accessed: 20.06.2021) (in Russian).

Vasserman A.A. Skelety v shkafu istorii [Skeletons in the wardrobe of history]. M., 2012 (in Russian).

Vekhorev Yu.A. Sobstvennost', politicheskaya vlast' i totalitarnoe gosudarstvo [Property, political power and totalitarian state] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. 2003. N 2. P. 172–177 (in Russian).

Yurchenko N. Novyi amerikanskii totalitarizm. Pochemu SSHA pokhoronili svoyu mechtu? [New American Totalitarianism. Why did USA buried their dream?] // Life. 2020.09.06. URL: <https://life.ru/p/1328208> (accessed: 20.06.2021) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-78-88

CONSEQUENCES OF THE COVID 19-PANDEMIC FOR THE GERMAN LABOUR MARKET

Bernd-Joachim Ertelt, University of Mannheim, School of Social Sciences, A 5, 6,
Building B, Room 311, Mannheim, German, 68159, e-mail: Prof.Ertelt@gmx.net

Michael Scharpf, Gottfried Wilhelm Leibniz Universität Hannover, Welfengarten 1,
Hannover, Germany, 30167, e-mail: michael.scharpf@arbeitsagentur.de

The article focuses on selected aspects regarding the consequences of the COVID 19-Pandemic for the german labour market.

1. The COVID 19-Pandemic (“corona crisis”) has different characteristics than previous economic crises. Therefore, special labour market-related instruments must be developed

The corona crisis had an evident impact on the German economy and labour market. However, this type of crisis cannot be compared with economic crises in former time. Money alone can not manage the crisis in Germany: since March 2020, shutdowns and health protection dominate the daily life. The most important goal is to contain the pandemic. In a global economic and financial crises, for example in 2009 in Germany, there is a big crash and a quick recovery of the economy, but the recovery process in the corona crisis is much longer. Germany had a strong boom phase in 2009, but in 2020 there was already a light recessive trend, also as a result of Brexit and trade conflicts with the United States. Furthermore, the sectoral impact is different: the financial crisis in 2009 focused on the industrial sector. But in the corona crisis a lot of sectors are involved, e. g. hotels, restaurants, trades and cultural institutions. In addition, structural factors were not so relevant in the financial crisis, but in the corona crisis the transformation plays a very important role; digitalization, but also climate protection are more relevant. With regards of these new challenges, innovative and effective labour market policy instruments have to be developed to manage the crisis in Germany.

2. The focus of labour market policy is currently on reducing negative employment effects, which goes hand in hand with high risks for public finances. However, Germany has effective labour market policy instruments to cope with the crisis

The gross domestic product (GDP) in Germany shows an interesting development. In the second quarter of 2020, the economic output decreased by 4,9%¹. This was linked to a decrease in exports (-9,9%) and imports (-8,6%) in 2020. Germany will not return to the level of March 2020 until December 2021. During the corona crisis, the economy and the labour market stagnated. In the meantime, there has been a clear recovery; the GDP will increase again in the next months. The prospect of wider availability of vaccines and an effective testing strategy will contribute to this. However, despite extensive easing, sectors directly related to tourism and big events still remain significantly impacted by a decrease in demand. Nevertheless, a significant economic recovery is expected to occur in the coming quarters, all sectors of the economy will benefit from this².

The corona crisis has affected the sectors very differently. There are winners, for example online trade, construction, pharmacies and security. The sectors transportation, travel, hotels, restaurants, cultural and event institutions, manufacturing industry were extremely affected negative by the corona crises and the shutdowns. These sectors used very intensively the instrument of short-time working compensation.

The developments on the labour market will depend crucially on how quickly the economy can recover from the consequences of the corona-related recession in the coming months. In May 2021, the first signs of a broad improvement in the labour market were visible. The consequences of the corona crisis are still clearly evident. The unemployment rate is 5,9% (around 2,7 million unemployed); cf. Mai 2020: -126,000³. Actual unemployment will become clear at the end of the corona crisis and the support measures. To prevent job reductions, existing work was just redistributed, on a grand scale and often subsidized by the state. Companies have reduced overtime, advanced vacations and cancelled working time accounts⁴. The actual impact on the labour market depends also on the effectiveness of the policy measures. Many employers have applied to the

¹ Bauer A., Fuchs J., Gartner H., Hummel M., Hutter C., Wagner S., Weber E., Zika G. Arbeitsmarkt auf dem Weg aus der Krise // IAB-Kurzbericht. 2021. N 6. P. 1.

² Ibid. P. 2.

³ Der Arbeitsmarkt im Mai 2021. Nürnberg: Bundesagentur für Arbeit. URL: <https://www.arbeitsagentur.de/presse/2021-21-der-arbeitsmarkt-im-mai-2021> (accessed: 15.06.2021).

⁴ Die Zeit. Fünf Millionen. Hamburg: Zeitverlag Gerd Bucerius. URL: <https://www.zeit.de/2020/30/arbeitslosigkeit-corona-krise-prognose/seite-2>. P. 2 (accessed: 15.06.2021).

Federal Employment Agency for short-time working compensation for their employees. Here, companies must declare the expected loss of work. In May 2021, the German Federal Employment Agency paid short-time working compensation to 2,61 million employees (cf. March/April 2020: 10,66 million)⁵. Short-time working compensation has developed into one of the most important active labour market policy instruments with an employment-securing function. When short-term crises arise on the labour market, it is intended to help overcome this crises. This instrument avoids unemployment, the loss of income can be partially and temporarily compensated.

In addition, the corona crisis also resulted in the layoff of employees and, in the worst case, the application for insolvency. The labour market in Germany was confronted with rising unemployment at the beginning of the corona crisis. To avoid a wave of insolvencies among companies, the obligation to apply for insolvency in case of corona-related illiquidity and over-indebtedness has been suspended until April 30, 2021. The intention was to protect the employees from loss of income for a limited period⁶. It is currently unclear how many companies in Germany are actually insolvent; around 3,000 insolvent companies are expected, and 70,000 jobs are expected to be lost.

The disadvantage of these policy measures is that they hinder structural changes in the economy, i.e. companies which were already at risk of insolvency before the corona crisis may use this opportunity to “reorganize” themselves or delay an impending insolvency. Short-time working compensation and unemployment insurance should not be interpreted as a “full insurance” for companies. Furthermore, public liquidity support (e.g. KfW credits, up-skilling grants) and tax benefits have so far obscured the fact that many companies are insolvent.

3. The Corona crisis is a particular challenge for HRM in Germany

a) Measures to reduce the shortage of skilled workers

The shortage of skilled workers has been affecting large sectors of the German economy for several years. Possibilities for counteracting this are above all in-house training (apprenticeship) and recruitment via the external labour market.

⁵ Bossler M., Gürtzgen N., Kubis A., Küfner B. Mit dem Corona-Shutdown ging zuerst die Zahl der offenen Stellen zurück // IAB-Kurzbericht. 2020. N 12. P. 1.

⁶ BMAS. Arbeitsförderung. Berlin: Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: <https://www.bmas.de/DE/Themen/Arbeitsmarkt/Arbeitsfoerderung/foerderung.html> (accessed: 15.06.2021).

A study by the Federal Institute for Vocational Education and Training — BiBB (2020) states that vocational training is an investment against the shortage of skilled workers, despite the sometimes considerable costs for the training companies, although around two thirds of the gross costs are covered by the work of the apprentices themselves. But smaller companies in particular complain about the high costs of recruiting skilled workers on the external labour market. Therefore, despite increased training costs, in-house vocational training continues to offer strong financial incentives.

But more training companies can no longer fill their training places with suitable applicants or complain about the high number of prematurely terminated training contracts, such as the construction industry or the hospitality industry⁷.

The current Corona pandemic has made the situation even more difficult, with fewer training contracts signed in 2021 despite significant state support.

Both the number of training places and the number of applicants have declined in 2021 compared to the previous year (particularly strong in the hospitality sector).

But in contrast, supply has grown in some sectors, especially in health care, commerce and administration (Employers' Social Security Information Portal 2021).

Another way to meet the demand for skilled workers is through continuing education. Especially with short-time work and home office, there are expanded opportunities for online learning. However, the pandemic does not seem to have reduced the polarisation between groups with different levels of education. Despite the low-threshold nature of digital learning opportunities, the gap has widened: Employed persons with tertiary education used the home office for digital learning more often (around 30%) than those with vocational education (18%) or without vocational education (13%). This again shows the phenomenon of education accumulation, which has been known for a long time⁸.

One potential for covering skilled labour that has not yet been fully exploited is the recognition of foreign vocational qualifications. Yet only a relatively small proportion of migrants make such an application, and

⁷ *Leber U., Schwengler B.* Betriebliche Ausbildung in Deutschland — Unbesetzte Ausbildungsplätze und vorzeitig gelöste Verträge erschweren Fachkräftesicherung // IAB-Kurzbericht. 2021. N 3.

⁸ *Kleinert C., Vicari B., Zoch G., Ehlert M.* Digitale Weiterbildung erfährt durch Corona einen Schub — doch nicht alle profitieren gleichermaßen // NEPS Corona & Bildung. 2021. N 7. URL: <https://doi.org/10.5157/NEPS:Bericht:Corona:07:1.0> (accessed: 15.06.2021).

again those with HEI qualifications apply for recognition significantly more often than those with vocational training (41% to 28%). This is surprising because employment opportunities and income are significantly increased by the recognition of equivalence. To better exploit the potential of migrants, the following measures are recommended⁹:

- Higher transparency of the procedure.
- Lower fees.
- Faster processing of applications.
- Better counselling by the already existing Central Service Point for Professional Recognition so that the application can be processed before migration if possible.

From our point of view, vocational training in the Dual System is the “ideal solution” for meeting the demand for skilled workers in the long term in many occupations and sectors.

A recent study (Bertelsmann Stiftung 2021) on the educational prospects of students (in general education schools) in the second year of Corona shows that 41% of all students aspire to vocational training and 36% are still undecided. For 77%, this training is at least an option. However, 70% of the respondents say that the chances of getting an apprenticeship have worsened because of Corona.

Very important for public career guidance is the result that for 79% of the respondents, the information offered in the context of career guidance is sufficient overall, but more than half of all young people complain about difficulties in finding their way around it.

The authors of the study recommend a training guarantee to secure the prospects of young people and to strengthen the economy.

b) Challenges to the organisation of work

In the increasingly globalised economy, the Covid-19 pandemic poses the following challenges to businesses:

Use of flexible working time models and forms of work, especially home office and hybrid models:

- Greater consideration of the needs of employees in workplace design.
- Intensification of internal communication processes.
- Intensification of occupational health care, especially with regard to prevention.
- Accelerated introduction of virtual recruiting and onboarding tools.

⁹ Brücker H., Glitz A., Lerche A., Romiti A. Anerkennung ausländischer Berufsabschlüsse hat positive Arbeitsmarkteffekte // IAB-Kurzbericht. 2021. N 2.

- Intensification of operational crisis and risk management.
- Adapting leadership behaviour to the changed forms of work.

With regard to these tasks, it should be emphasised that they were already facing companies before the pandemic, but they now need to be solved at an accelerated pace. These challenges become clear when the dimensions of flexible forms of work are differentiated¹⁰:

Forms of spatial flexibilisation

Teleworking at home, alternating teleworking; Mobile working; Virtual teamwork — collaboration across multiple locations.

Forms of temporal flexibilisation

Working time accounts; Optional work schedules; Flexitime recording; Trust-based working time without time recording; Oncall duty; Shift work; Work on call; Shared service.

Flexible adjustment to/of work volume

To cushion peak loads; To take greater account performing the work; Part-time models; Marginal employment; Temporary forms of work; Flexitime arrangements; Long-term accounts.

Flexible adaption to life phases and life situations of employees:

- The younger ones: work-life balance.
- The middle aged: reconciling work and family life.
- The older once: reconciliation of work and health; voluntary work, leisure; family; time for further education; reducing stress by reducing working hours and taking longer breaks from work.

Nevertheless, the developments in the Corona crisis are not without problems, as a Survey of professional and managerial staff about the consequences of flexible work¹¹ shows:

- The more flexible the working time and place of work of the employee, the greater the disposition possibility for employers.
- 60% of respondents perceive noticeable tensions between the different employment groups: main cause “envy” (63%), because not everyone can benefit from home office, especially the under 40s.
- Managers have difficulties in dealing with flexible working hours and locations because for them performance and presence belong together.

¹⁰ Fraunhofer Institut für Arbeitswirtschaft und Organisation // IAO. 2020. N 1. Flexible Arbeitsformen.

¹¹ F.A.Z. Business Media GmbH // Flexibles Arbeiten erzeugt Unmut. 2021. N 2. URL: <https://www.personalwirtschaft.de › arbeitswelt › artikel> (accessed: 15.06.2021).

- Managers have problems (according to the employees) to give up the power of instruction and control.

How does the Corona pandemic affect our future?¹²

- The scale and speed of adoption of distance working is unexpectedly high.
- Reservations on the part of management squander potential for operational adaptability in the crisis. Slow change of mind now.
- The Corona pandemic acts as a catalyst for agilely developed, digital business models (e.g. recruitment, employee interviews, customer contacts).
- But: mixed results in terms of productivity and health impacts.
- The most important factor for success is a good corporate culture (especially “corporate identity”).

Despite some optimism about the new forms of work, limits are becoming apparent, as a recent survey of managers shows (Bertelsmann Stiftung 2021).

In the long run, working in a home office can become problematic, especially because the emotional and social contact between managers and employees is severed. “Managers are homesick for the office!”

The advantages of the home office are acknowledged, such as a better work-life balance and less travel time. However, the disadvantages mentioned are: technical problems in the home office, lack of social proximity and loss of information.

c) Recruitment challenges

In view of the shortage of skilled workers in Germany, it is existentially important for companies to know effective ways of recruiting staff. A distinction must be made between forms of personnel search and filling jobs (IAB 2021).

When looking for personnel, the company’s homepage, the search via the company’s own employees, internet job exchanges, contacts to the employment agency (Federal Employment Agency) and social media dominate.

However, job placements are mainly made via tips from their own employees and, at a distance, via internet job exchanges (excluding the employment agency) and their own homepage. Social media and private employment agencies play only a minor role.

¹² Fraunhofer Institut für Arbeitswirtschaft und Organisation // IAO. 2020. N 1. Flexible Arbeitsformen.

The following keywords characterise the most important recruiting trends in HR in 2021¹³:

1. Remote work and hybrid working models: home office, combining work in the office with home office or working from abroad.
2. Digitalisation: interviews via video, digital assessment centres, global HR system, online onboarding.
3. Automation and artificial intelligence: talent pool, pre-selection of applicants, skills analysis of application documents, scheduling of interviews.
4. Mental health and work-life balance.
5. Employee experience: taking into account the needs and expectations of the applicants with regard to the company.
6. Up-skilling: especially digital competencies.
7. Employer branding.
8. Distance leadership: specific leadership methods for remote work.
9. Multigenerational workforce.
10. Candidate experience: incorporating applicants' perceptions, experiences and emotions.

4. The Federal Employment Agency in Germany plays a key role in corona crisis management

The Federal Employment Agency is very close to the companies, especially to SMEs, to counsel them competently in the corona crisis. Their excellent infrastructure, a high staff mobility and decentralized decision-making authorities have supported to manage the crisis successfully. Nevertheless, the following implications, among others, can be identified:

- The Federal Employment Agency must focus its spectrum of tasks and its legal mandate to provide services — as in the past — even more closely on regional market requirements. The service portfolio must also be visible to companies in times of crisis; the employer service in particular must be positioned as a competent “labour market counsellor”¹⁴. The “BA-strategy 2025” provide the framework for a regional strategy that must be adapted to individual market conditions.
- It can be expected, that after the corona crisis the experiences of the employees of the Federal Employment Agency will be inte-

¹³ Workwise GmbH // Recruiting Trends 2021 — Das sind die Wichtigsten. 2021. N 3. URL: <https://hire.workwise.io/blog/recruiting-trends> (accessed: 15.06.2021).

¹⁴ BA. Handbuch für den (gemeinsamen) Arbeitgeberservice // Bundesagentur für Arbeit. 2020. URL: <https://www.baintranet.de/011/001/013/001/Documents/HEGA-01-2015-VA-Neuausrichtung-AGS-Handbuch.pdf> (accessed: 15.06.2021).

grated into a new regular working system. To this end, a survey of employees on the changed working conditions has already taken place¹⁵. Online counselling is currently being further expanded; it is planned to use and test this instrument after the end of the crisis as well — especially in the field of individual counselling. It must be clarified for which forms of counselling and counselling situations the online format is suitable. It is also necessary to find out how effective counselling — compared to face-to-face counselling — can be improved in this way. From the point of view of demand-oriented and customer-oriented counselling marketing, alternative forms of counselling and methods of communication can make a positive contributions for improving the images of the Federal Employment Agency.

- The corona crisis has shown that the professional staff of the Federal Employment Agency need additional competencies, especially in crisis management counselling. This is also necessary after the end of the crisis, as unemployment and insolvencies are expected to increase in the next months. It is important to be prepared for future incidents in order to improve the resilience of companies to potential difficult situations, for example by developing crisis management strategies.
- The Federal Employment Agency must work closely with internal and external partners. Especially after the end of the crisis, an economic recovery can be expected. There will be a high demand from companies for job placement services and to recruit new employees. Only a holistic approach to dealing with employers' needs can effectively help to ensure that the Federal Employment Agency is considered as a competent service partner. Communication within the Federal Employment Agency (e.g. between employer services, job placement, rehabilitation counselling, career guidance) must therefore be coordinated and managed. This can be promoted through joint events, company or job visits, as well as the development of a common self-perception. In addition — in line with employers' concerns — work with external network partners must be intensified (e.g. with chambers and business associations, other social insurance institutions, municipal institutions, integration offices) in order to ensure holistic counselling and support for companies. A functioning networking can also

¹⁵ BA. Vorstandsbrief an die Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter der BA vom 17.07.2020 // Bundesagentur für Arbeit. 2020. URL: <https://www.baintranet.de/011/001/013/001/Documents/HEGA-01-2015-VA-Neuausrichtung-AGS-Handbuch.pdf>

improve the competencies and image of the Federal Employment Agency.

Economic risks, and also risks for the labour market, arise from uncertainties about the further development of the corona crisis. The risks of infectious mutations in particular will remain high. But every crisis is also an opportunity (e.g. structural modifications in the economy and on the labour market, new forms of communication and working conditions in companies, increasing digitalization). Of course all labour market actors hope, that the pandemic will end soon. We should be prepared for the changes on the labour market and are looking forward to see what the future will bring.

REFERENCES

BA. Der Arbeitsmarkt im Mai 2021 // Bundesagentur für Arbeit. URL: <https://www.arbeitsagentur.de/presse/2021-21-der-arbeitsmarkt-im-mai-2021> (accessed: 15.06.2021).

BA. Handbuch für den (gemeinsamen) Arbeitgeberservice // Bundesagentur für Arbeit. URL: <https://www.baintranet.de/011/001/013/001/Documents/HEGA-01-2015-VA-Neuausrichtung-AGS-Handbuch.pdf> (accessed: 15.06.2021).

BA. Vorstandsbrief an die Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter der BA vom 17.07.2020 // Bundesagentur für Arbeit. URL: <https://www.baintranet.de/011/001/013/001/Documents/HEGA-01-2015-VA-Neuausrichtung-AGS-Handbuch.pdf>

Bauer A., Fuchs J., Gartner H., Hummel M., Hutter C., Wagner S., Weber E., Zika G. Arbeitsmarkt auf dem Weg aus der Krise // IAB-Kurzbericht. 2021. N 6.

BMAS. Arbeitsförderung. Berlin: Bundesministerium für Arbeit und Soziales. URL: <https://www.bmas.de/DE/Themen/Arbeitsmarkt/Arbeitsfoerderung/foerderung.html> (accessed: 15.06.2021).

Bossler M., Gürtzgen N., Kubis A., Küfner B. Mit dem Corona-Shutdown ging zuerst die Zahl der offenen Stellen zurück // IAB-Kurzbericht. 2020. N 12.

Brücker H., Glitz A., Lerche A., Romiti A. Anerkennung ausländischer Berufsabschlüsse hat positive Arbeitsmarkteffekte // IAB-Kurzbericht. 2021. N 2.

Die Zeit. Fünf Millionen. Hamburg: Zeitverlag Gerd Bucerius. URL: <https://www.zeit.de/2020/30/arbeitslosigkeit-corona-krise-prognose/seite-2> (accessed: 15.06.2021).

F.A.Z. Business Media GmbH. Flexibles Arbeiten erzeugt Unmut. Frankfurt. URL: <https://www.personalwirtschaft.de › arbeitswelt › artikel> (accessed: 15.06.2021).

Fraunhofer Institut für Arbeitswirtschaft und Organisation // IAO. 2020. N 1. Flexible Arbeitsformen.

Informationsportal für Arbeitgeber Sozialversicherung. Ausbildung 2021: Weniger Verträge trotz deutlicher Förderung — Informationsportal für Arbeitgeber. Heusenstamm: ITSG GmbH. URL: <https://www.informationsportal.de/aktuelles/> (accessed: 15.06.2021).

Kleinert C., Vicari B., Zoch G., Ehlert M. Digitale Weiterbildung erfährt durch Corona einen Schub — doch nicht alle profitieren gleichermaßen // NEPS. Corona & Bildung. 2021. N 7. URL: <https://doi.org/10.5157/NEPS:Bericht:Corona:07:1.0> (accessed: 15.06.2021).

Kubis A. IAB-Stellenerhebung. Betriebe sind bei Neueinstellungen weiter zurückhaltend // IAB-Forum 11. Mai 2021. 2021. N 1. URL: <https://www.iab-forum.de/iab-stellenerhebung-1-2021-betriebe-sind-bei-neueinstellungen-weiter-vorsichtig/> (accessed: 15.06.2021).

Leber U., Schwengler B. Betriebliche Ausbildung in Deutschland — Unbesetzte Ausbildungsplätze und vorzeitig gelöste Verträge erschweren Fachkräftesicherung // IAB-Kurzbericht. 2021. N 3.

Möllering G., Schuster S., Spilker M. Homeoffice — Fluch und Segen im Corona-Krisenmanagement. Ergebnisse einer repräsentativen Umfrage // Bertelsmann Stiftung. URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/de/publikationen/publikation/did/fuehrungskr...> (accessed: 15.06.2021).

Schönfeld G., Wenzelmann F., Pfeifer H., Risius P., Wehner C. Ausbildung in Deutschland — eine Investition gegen den Fachkräftemangel // BiBB-Report. 2020. N 1.

Workwise GmbH // Recruiting Trends 2021 — Das sind die Wichtigsten. Karlsruhe: Workwise GmbH. URL: <https://hire.workwise.io/blog/recruiting-trends> (accessed: 15.06.2021).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-89-92

О XV МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “СОРОКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ”

Материал представляет собой обзор XV Международной научной конференции “Сорокинские чтения”, состоявшейся 4 марта 2021 на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: *Сорокинские чтения, современное общество, экономическая неопределенность, пандемия.*

ON XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “SOROKIN READINGS: CONTEMPORARY SOCIETY UNDER CONDITION OF SOCIO-ECONOMIC UNCERTAINTY”

Current article is an overview of the XV International Scientific Conference “Sorokin Readings”, that took place on March 4, 2021 at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Key words: *Sorokin Readings, contemporary society, economic uncertainty, pandemic.*

4 марта 2021 г. на социологическом факультете МГУ состоялась XV Международная научная конференция “Сорокинские чтения”, которая в этом году была посвящена проблемам развития современного общества в условиях социально-экономической неопределенности.

Пандемия стала сильнейшим социальным и экономическим потрясением современности. Последствия коронавируса еще только предстоит осознать, однако уже сейчас понятно, что изменятся самые разные стороны человеческой жизнедеятельности. Экономика и рынок труда оказываются перед невиданными вызовами, в обществе нарастает социальная фрустрация, у людей сокращаются горизонты планирования, будущее видится в тумане. Социологическое сообщество сталкивается с необходимостью анализа абсолютно новой, быстро меняющейся социальной реальности. Работа Конференции была направлена на то, чтобы понять, каким образом новая социально-экономическая неопределенность будет влиять на развитие общества и как предотвратить усугубление кризисных тенденций.

В связи с действующими ограничениями, “Сорокинские чтения” впервые проходили в онлайн-режиме. Конференция, как всегда, привлекла широкое внимание со стороны научной общественности. Было подано более 790 заявок из более чем 10 стран и 40 вузов России, а пленарное заседание на *YouTube* канале посетили более 300 человек.

В рамках торжественного открытия Конференции с приветственным словом перед участниками выступил декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Николай Генрихович Скворцов. Он напомнил участникам о том, что “Сорокинские чтения” являются важной научной традицией социологического сообщества, которая не прерывается даже в такое непростое для страны и мира время.

С первым пленарным докладом “Российское общество после пандемии: взгляд в будущее” выступила декан социологического факультета МГУ, профессор Надежда Геннадьевна Осипова. В своем выступлении Н.Г. Осипова обозначила основные вызовы, стоящие перед российским обществом и экономикой в период пандемии. Несмотря на то что сейчас рано делать однозначные выводы, так как кризис не преодолен и все прогнозы носят предварительный характер, уже можно говорить о развитии целого ряда неблагоприятных тенденций: снижении заработной платы, росте инфляции и безработицы, снижении расходов населения, увеличении смертности, общем ухудшении состояния здоровья россиян. Помимо этого, пандемия провоцирует усиление социального неравенства — одной из главных социальных проблем современности. Н.Г. Осипова подчеркнула, что пандемия и карантин меняют экономику и социальную действительность, но о реальных очертаниях общества будущего можно будет судить только исходя из дальнейшей динамики развития нынешнего кризиса, а также способности государства и общества преодолеть те негативные тенденции, которые он вызывает.

Со следующим пленарным докладом “Последствия пандемии COVID-19 для развития рынка труда” выступили профессора Университета прикладных исследований труда Федеральной службы занятости ФРГ Михаэль Шарпф и Бернд-Йоахим Эртельт. В своем выступлении, которое во многом перекликалось с докладом Н.Г. Осиповой, коллеги из Мангейма обозначили основные характеристики коронакризиса, его последствия для немецкой экономики и механизмы преодоления негативных трендов. Данный кризис, на их взгляд, отличается от традиционных финансовых кризисов большей масштабностью и охватом, более длительным восстановлением экономики и структурными изменениями на рынке труда.

Пандемия спровоцировала нехватку квалифицированных кадров, а ускоренный переход к цифровым и дистанционным технологиям работы привел к новым технологическим разрывам. Инструменты поддержки экономики, по мнению немецких профессоров, должны включать в себя прямую финансовую поддержку пострадавшим отраслям, более гибкий подход к режиму работы предприятий, а также использование новых образовательных модулей и компетенций, которые должны способствовать ускоренной интеграции молодых специалистов на рынок труда.

В третьем пленарном докладе “Избавление от неопределенности — естественное желание и порочная стратегия человечества” заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ, профессор Сергей Александрович Барков затронул фундаментальную проблему взаимосвязи технологий, управления и свободы в условиях масштабных кризисов. С.А. Барков подчеркнул, что крупные социально-экономические кризисы приводят к чрезмерной рационализации и желанию максимально контролировать общественные процессы. Нынешняя пандемия, на его взгляд, ведет не только к увеличению использования новых технологий в повседневной жизни, но и к невиданной зависимости от данных технологий. В конечном счете, это ведет к развитию “нового тоталитаризма”, формирующегося на основе связи технологий и социального контроля, что является огромным вызовом для современного общества и ставит его перед трудным выбором.

С финальным докладом “Нелинейная социальная и культурная динамика: теория П.А. Сорокина и современные подходы” выступил профессор Сергей Александрович Кравченко, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России. С.А. Кравченко сконцентрировался на анализе нелинейности и неопределенности развития общества. С опорой на классические труды П.А. Сорокина, он высказал мнение о том, что нелинейность и многовекторность определяют культурно-историческое развитие человечества. Это лишний раз подчеркивает, что любые социальные прогнозы не могут учесть всего множества скрытых и непредвиденных факторов социального развития.

В этот же день состоялись заседания восьми секций, которые были посвящены разным и крайне актуальным вопросам: проблеме прогнозирования общества будущего, рынку труда в периоды кризисов, устойчивости развития современных организаций, социально-экономическим инновациям в процессе модернизации общества, трансформации культурно-коммуникативных структур, социально-демографическим вызовам в условиях пандемии, рискам

социально-политического развития, системе образования в условиях неопределенности.

В рамках конференции были обозначены ключевые проблемы и вызовы, которые стоят перед социологическим сообществом в условиях непредвиденного социального катаклизма. Участники Конференции смогли задать важные векторы для дальнейшего обсуждения и исследования общества в условиях новой неопределенности, а также для поиска оптимальных решений и путей выхода из еще не оконченного кризиса.

*Материал подготовлен
П.С. Каневским, Е.Н. Новосёловой*

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-93-112

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РЕЛИГИИ В РОССИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД ЕЕ ИСТОРИИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей социологического анализа религии в России в имперский период ее истории. Отечественная социологическая традиция изучения религии как социокультурного феномена и социального института, сложившаяся в этот период, имеет свой неповторимый и своеобразный облик. Она к настоящему моменту только начинает возрождаться в постсоветской России и резко отличается от той традиции, которая имела место на Западе. В этом контексте обращение к трудам классиков русской религиозной, социально-политической мысли, к сожалению, незаслуженно забытых, является очень перспективным направлением современных социологических исследований в данной области.

При изучении данной проблемы автор делает акцент на исследовании работ представителей трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли: консерватизма, либерализма и социализма, а также особенностях исторического развития российского общества и государства и тех событиях, которые оказали знаковое влияние на становление и развитие научного осмысления религии в России. К таким особенностям автор, в частности, относит формирование «антисистемы» (системной целостности людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы) в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества под определенным влиянием западничества как последствие духовного раскола XVIII в., произошедшего в образованных слоях и элите русского общества.

Автор статьи делает акцент на осмыслении религиозной проблематики представителями, прежде всего, социалистического лагеря, мечтавшими осуществить социалистическую революцию в России и крайне негативно относившимися к религии, религиозным институтам и традиционным устоям жизнедеятельности общества, анализируя воззрения А.И. Герцена, П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина. Он отмечает тот факт, что упомянутые авторы в большей степени занимались

* Продолжение. Начало статьи см. в № 3 за 2021 г.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

привнесением в науку различных идеологических штампов, а также использованием политехнологий для дискредитации в деструктивном для общества и государства ключе этой традиционно значимой для любого общества сферы жизнедеятельности и влиятельного социального института. На этом фоне своеобразным исключением из правил являлся разработанный П.А. Сорокиным взвешенный, научно обоснованный подход к социологическому анализу религии в обществе с акцентом на изучение интегрирующей роли религии в социальной стратификации общества.

Ключевые слова: религия, антисистема, “Малый народ”, социализм, марксизм, анархизм, народничество.

FEATURES OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF RELIGION IN RUSSIA DURING THE IMPERIAL PERIOD OF ITS HISTORY (CONTINUED)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The article deals with the features of sociological analysis of religion in Russia during the imperial period of its history. The national sociological tradition of study of religion as a socio-cultural phenomenon and a social institution, which was developed during this period, had its own unique and peculiar appearance and was just begun to revive again in post-Soviet Russia, is sharply different from the tradition that took place in the West. In this context, the appeal to the works of classics of Russian religious, socio-political thought, unfortunately undeservedly forgotten, is a very promising area of modern sociological research.

When studying this problem, the author emphasizes the study of the works of representatives of three ideological areas of Russian religious and socio-political thought: conservatism, liberalism and socialism, as well as the peculiarities of the historical development of Russian society and the state and those events that had a significant impact on the formation and development of scientific understanding of religion in Russia. Among such features, the author, in particular, refers to the formation of an “antisystem” (systemic integrity of people who are negative about their homeland, hate their own nation, its values and culture, history, traditional religious, political and social systems) among the Russian intelligentsia, bureaucracy and part of the elite of Russian society, under a certain influence of Westernism, as a consequence of the spiritual schism of the 18th century, which occurred in the educated strata and elite of Russian society.

The author of the article analyzing the views of A.I. Herzen, P.L. Lavrov, M.A. Bakunin, P.A. Kropotkin, G.V. Plekhanov, V.I. Lenin, emphasizes the understanding of religious issues by representatives, primarily the socialist camp, who dreamed of carrying out a socialist revolution in Russia and who were extremely negative about religion, religious institutions and the traditional life of society. He notes the fact that the authors mentioned above were more concerned with introducing various ideological stamps into science, as well as using political technologies to discredit in a destructive way for society and the State, this traditionally important sphere of life for any society and an influential social institution. Against this background, a peculiar exception to the rules was the balanced, scientifically based approach to sociological analysis of religion

in society developed by P.A. Sorokin, with an emphasis on the study of the integrating role of religion in social stratification.

Key words: religion, antisystem, “Small people”, socialism, Marxism, anarchism, “narodnichestvo” (populism).

При изучении последующих особенностей осмысления религиозной проблематики в рамках упомянутых трех идеологических направлений русской религиозной и социально-политической мысли (консерватизма, либерализма, социализма) следует однозначно учитывать к этому моменту зримо оформившиеся последствия духовного раскола XVIII в., произошедшего в образованных слоях и элите русского общества. Речь, прежде всего, идет о формировании в среде русской интеллигенции, бюрократии и части элиты русского общества под определенным влиянием западничества антисистемы (“Малого народа” в терминологии О. Кошена и И.Р. Шафаревича).

Антисистема, термин, введенный в научный оборот Л.Н. Гумилевым, — религиозно-идеологическая система с отрицательным (или негативным) мирозерцанием, способствующая сокращению жизни этноса, распаду общества, разложению и упрощению культуры. Антисистема — это системная целостность людей, негативно относящихся к своей Родине, ненавидящих свою собственную нацию, ее ценности и культуру, историю, традиционные религиозные, политические и социальные системы¹.

Адепты антисистемы, в процентном соотношении представляющие собой ничтожное меньшинство в том или ином обществе, стремятся уничтожить посредством революций, государственных переворотов или реформ столь ненавистный им миропорядок и традицию, подчинив и поработив себе изначально несогласное с ними большинство того или иного общества. Представители антисистемы выступают как профессиональные деструкторы, разрушительная энергия которых направлена на уничтожение традиционных основ своего государства и общества, традиционных для него религиозных, политических, социальных и экономических систем. Замыкаясь исключительно в своем интеллектуальном и духовном мире, они резко противопоставляют себя всей остальной части народа, образуя своеобразный “*антинарод* среди народа”², «“Малый Народ” среди

¹ См., подробнее: Елишев С.О. Молодежная политика религиозных сект и новообразований в российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118; Он же. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 247–250; Он же. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017. С. 67–78.

² Шафаревич И.Р. Русский вопрос // Шафаревич И.Р. Собр. соч. в 3-х т., Т. 2. М., 1994. С. 114.

“Большого Народа”»³, позиционируют себя как “элиту”, “креативный класс” среди “молчаливого большинства”, т.е. окружающих их людей.

При этом, как справедливо отмечал И.Р. Шафаревич, мировоззрение такого “Малого народа” “строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения”⁴ “Большого народа”, т.е. формирования и воспитания такого типа человека, “которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк”⁵. «Общества, объединявшие представителей “Малого Народа”, создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни. Механизм образования “Малого Народа” — это то, что тогда называли “освобождением от мертвого груза”, от людей, слишком подчиненных законам “Старого мира”: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят “очищения” (соответствующие “чисткам” нашей эпохи). В результате создается все более чистый “Малый Народ”, движущийся к “свободе” в смысле все большего освобождения от представлений “Большого Народа”: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним»⁶.

Подобного рода антисистемные установки хорошо описал Ф.М. Достоевский в “Дневнике писателя”, в своих размышлениях о А.И. Герцене: “Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал народа”⁷.

³ Шафаревич И.Р. Указ соч.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Там же.

⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 47.

К сожалению, начиная с 60-х гг. XIX в. вплоть до настоящего времени антисистемные мировоззренческие установки стали своеобразной визитной карточкой определенного слоя российских интеллигентов — “западников”, ориентированных на ценности западноевропейской культуры. Яркими представителями антисистемы в России в имперский период ее истории являлись русские революционеры из социалистического лагеря и радикально-реформистская интеллигенция из либерального лагеря, в среде которых к тому же особую популярность приобрели материалистические, атеистические и нигилистские воззрения и взгляды. Представители этих кругов крайне отрицательно относятся к идее самобытности, своеобразия, уникальности путей развития русской культуры, цивилизации, государственности; стремятся навязать русской нации формы западной культуры, социальной практики и политического устройства, отвергая систему ценностей и традиционных устоев жизнедеятельности русского общества. Достаточно хорошо охарактеризовал подобного рода цели и устремления представителей этих общностей в одном из своих выступлений премьер-министр П.А. Столыпин, полемизируя со своими оппонентами: “Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!”⁸

По мнению И.А. Ильина, отменно обозначившего антисистемные установки и мировоззренческую позицию этого слоя российской интеллигенции, русские революционеры — эти «“просвещенные” неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры»⁹. Анализируя нигилистские, атеистические и материалистические умонастроения, распространенные в интеллигентских кругах, И.А. Ильин отмечал, что: «В действительности первый признак ответственного и вдумчивого человека состоит в том, что он умеет различать, во что надо верить и чего нельзя принимать на веру. Именно этого русская радикальная интеллигенция никогда не умела. Ей, с самого Вольтера, все казалось, что в религии вера неуместна, а верить надо в радикальные политические лозунги. “Просвещенный” человек не может принимать всерьез Евангелие, учение Христа и традицию Церкви, если он это делает, то он или “чудак”, которому можно дать снисхождение, или

⁸ Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... М., 1991. С. 96.

⁹ Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 130.

“корыстный лицемер”, которого надо осмеять и разоблачить. “Просвещенный” человек должен прилепиться сердцем, воображением, мыслью и волею — к тезисам западного демократизма, республиканства и, конечно, социализма. Он должен благоговейно читать пошлости Писарева, наивности Чернышевского, сентиментальные вирши Некрасова, сумбуры Михайловского и Лаврова, невежественные глупости народовольческих брошюр и мертвую, абстрактную трескотню марксистской литературы. В это надо верить; и по вере — делать; а для дела — жертвовать»¹⁰.

На взгляд П.Б. Струве, одного из авторов сборника “Вехи”, авторы которого осмыслили роль русской интеллигенции в революционных событиях 1905–1907 гг., “идейной формой” этой (антисистемной) части русской интеллигенции стало “ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему”¹¹. При этом, по его мнению, для “интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность”¹². “Русская интеллигенция, — писал П.Б. Струве, — будучи безрелигиозной в том неформальном смысле, который мы отстаиваем, в то же время была мечтательна, неделовита, легкомысленна в политике. Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения, — словом, тут была и есть налицо вся форма религиозности без ее содержания”¹³.

С.Н. Булгаков, еще один из авторов сборника “Вехи”, характеризуя распространение атеистических воззрений в этой среде, подчеркивал, что «как всякая общественная среда вырабатывает свои привычки, свои особые верования, так и традиционный атеизм русской интеллигенции сделался само собою разумеющею ее особенностью, о которой даже не говорят, как бы признаком хорошего тона. Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синоним религиозного индифферентизма и отрицания. Об этом нет споров среди разных фракций, партий, “направлений”, это все их объединяет. Этим пропитана насквозь, до дна, скудная интеллигентская культура, с ее газетами, журналами, направлениями, программами, нравами, предрассудками, подобно тому как дыханием окисляется кровь, распространяющаяся потом по всему организму»¹⁴. При этом, по мнению С.Н. Булгакова, «в русском

¹⁰ Ильин И.А. Указ. соч. С. 137.

¹¹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 160.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 167.

¹⁴ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 30.

атеизме больше всего поражает его догматизм, то, можно сказать, религиозное легкомыслие, с которым он принимается. Ведь до последнего времени религиозной проблемы, во всей ее огромной и исключительной важности и жгучести, русское “образованное” общество просто не замечало и не понимало, религией же интересовалось вообще лишь постольку, поскольку это связывалось с политикой или же с проповедью атеизма. Поразительно невежество нашей интеллигенции в вопросах религии. Я говорю это не для обвинения, ибо это имеет, может быть, и достаточное историческое оправдание, но для диагноза ее духовного состояния. Наша интеллигенция по отношению к религии просто еще не вышла из отроческого возраста, она еще не думала серьезно о религии и не дала себе сознательного религиозного самоопределения, она не жила еще религиозной мыслью и остается поэтому, строго говоря, не выше религии, как думает о себе сама, но вне религии»¹⁵.

Естественно, что появление антисистемы и соответствующего мировоззрения, как уже стало ясно из приведенных высказываний авторитетных авторов, самым негативным образом сказалась на осмыслении религиозной проблематики представителями, прежде всего, социалистического лагеря, мечтавшими осуществить социалистическую революцию в России и крайне негативно относившимися к религии, религиозным институтам и традиционным устоям жизнедеятельности общества.

По их мнению, религия представляла собой один из самых эффективных институтов и средств, позволяющих эксплуататорам удерживать свои господствующие позиции в обществе, а значит и своеобразным препятствием к построению социалистического строя, которое необходимо было однозначно устранить. Революционеры и их идеологи (А.И. Герцен, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др.) развернули масштабную информационную кампанию по дискредитации религии, православной веры и Русской Православной Церкви. Как писал **Александр Иванович Герцен**, один из первых “русских социалистов”, “Религия <...> — это только крепкая узда для масс, самое страшное пугало для простаков, высокая ширма, которая мешает народу ясно видеть то, что происходит *на земле*, заставляя его возводить взор к небесам”¹⁶.

На взгляд А.И. Герцена, “Все религии основывали нравственность на покорности, т.е. на добровольном рабстве, потому они и

¹⁵ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 32.

¹⁶ Герцен А.И. Prolegomena (перевод) // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 60.

были всегда вреднее политического устройства. Там было насилие, здесь разврат воли. Покорность значит с тем вместе перенесение всей самобытности лица на всеобщие, безличные сферы, независимые от него. Христианство, религия противоречий, признавало, с одной стороны, бесконечное достоинство лица, как будто для того, чтоб еще торжественнее погубить его перед искуплением, церковью, отцом небесным. Его воззрение проникло в нравы, оно выработалось в целую систему нравственной неволи, в целую искаженную диалектику, чрезвычайно последовательную себе. Мир, становясь более светским или, лучше сказать, приметив, наконец, что он, в сущности, такой же светский, как и был, примешал свои элементы в христианское нравоучение, но основы остались те же. Лицо, истинная, действительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятию, собирательному имени, какому-нибудь знамени”¹⁷.

Поэтому, считал А.И. Герцен, необходимость в религии в будущем социалистическом обществе, полностью отпадёт, грядущая социалистическая революция в религии не будет нуждаться и “не нуждается, она сама — религия”¹⁸.

Еще один из идеологов народничества, **Петр Лаврович Лавров**, среди первоочередных целей развития революционного социалистического движения в России отмечал необходимость борьбы с институтом религии, религиозным мировосприятием и образом жизни. В частности, он писал: “Для нас в настоящую минуту, — цели, две борьбы, в которых должен участвовать всякий мыслящий человек, становясь на сторону прогресса или реакции; две борьбы, в которых индифферентным быть нельзя, отношение к которым должно определить отношение ко всем остальным вопросам как к второстепенным; две борьбы, которые должны быть девизом всякой личности, всякой партии, всякой нации, желающей участвовать в развитии человечества. Это, во-первых, борьба реального мирозерцания против мирозерцания богословского, ясно сознанных человеческих потребностей против всех идолов, богословских и метафизических, теоретических и нравственных, — короче говоря, борьба науки против религии. Это, во-вторых, борьба труда против праздного пользования благами жизни... борьба за реализацию справедливейшего строя общества”¹⁹.

¹⁷ Герцен А.И. Omnia mea mecum porto // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955. С. 125–126.

¹⁸ Герцен А.И. Prolegomena (перевод). С. 60.

¹⁹ Лавров П.Л. Вперед! — Наша программа (март 1872 — март 1873 гг.) // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. II. М., 1934. С. 24–25.

П.Л. Лавров, симпатизировавший позитивизму, в целом негативно оценивал институт религии на современном ему этапе общественного развития. Хотя, в то же время он признавал, что религия в свое время, играла в развитии человечества определенную положительную роль, ибо “именно в религиозном веровании находило страждущее человечество первого времени *единственно возможную* для него форму мысли, которая заменяла ему недостающее знание и удовлетворяла, хотя бы призрачно, протесту против зла, давившего со всех сторон на большинство”²⁰. “Религия давала надежду равенства в мучениях и наказаниях земным тиранам. Это была элементарная форма протеста против несправедливости общественного строя”²¹.

Однако в XIX в., по мнению П.Л. Лаврова, она играет роль устаревшего института, препятствия для последующего прогрессивного развития человечества. Для него и его соратников вполне очевиден тот факт, что “*Религиозный, церковный, догматический элемент* нам, безусловно, враждебен. Мы опираемся на критику, стремимся к торжеству реальной мысли, к удовлетворению реальных потребностей. Между нами и различными сектами, ортодоксальными и еретическими, опирающимися на откровение или на идеалистическую метафизику, нет ничего общего. Принцип сверхъестественного, мистического мы не признаем ни в одном из его оттенков”²².

К уничтожению института религии призывал лидер народников, идеолог анархизма, **Михаил Александрович Бакунин**, который считал религию плодом фантазии человека, при помощи которой на определенном этапе общественного развития, “человек — животное, выходя из животности, делает первый шаг к человечности”²³. Именуя Бога “абсолютной абстракцией, собственным продуктом человеческой мысли”²⁴, М.А. Бакунин, размышляя о задачах социальных революционеров, подчеркивал, что “они не ставят религиозный вопрос на первое место, убежденные в том, что суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством, не коренится, однако, столько в этом невежестве, сколько в его нищете, в его материальных страданиях и в неслыханных притеснениях всякого рода, претерпеваемых им всякий день; что религиозные представления и басни, эта фантастическая склонность к нелепому — явление еще более практическое, чем теоретическое, а именно, не столько заблуждение

²⁰ Лавров П.Л. Из истории социальных учений // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. II. М., 1934. С. 145.

²¹ Там же. С. 146.

²² Лавров П.Л. Вперед! — Наша программа (март 1872 — март 1873 гг.). С. 26.

²³ Бакунин М.А. Федерализм, социализм, антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 83.

²⁴ Там же. С. 76.

ума, сколько протест самой жизни, воли и страсти против невыносимой жизненной тесноты; что церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде — один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого. Социальные революционеры знают это и потому убеждены, что *религиозность в народе можно будет убить только социальной революцией*, отнюдь же не отвлеченной и доктринерной пропагандой так называемых свободных мыслителей”²⁵.

Другой идеолог русского анархизма, **Петр Алексеевич Кропоткин**, отмечая определенную положительную роль религии и Церкви в поддержании нравственности, считал, что «религия, равно как и некоторые другие общественные учреждения, помогает созданию идеала, в этом нет сомнения. Но, как на это указывали уже различные писатели о нравственном, главное значение в общественной нравственности имеют не столько идеалы, сколько повседневные привычки общественной жизни. Так, христианские и буддийские святые, несомненно, служат образцами и до некоторой степени стимулами нравственной жизни. Но не надо забывать, что у большинства людей есть ходячее извинение, чтобы не подражать им в жизни: “что делать, мы не святые”»²⁶. Поэтому, на его взгляд, “как только человек начинает относиться к религии критически и ищет убеждений, подтвержденных разумом, вместо слепого повиновения и страха, такое внутреннее противоречие уже не может долго продолжаться. С ним предстоит расстаться — чем скорее, тем лучше; внутреннее противоречие — смертный приговор для всякой этики и червь, подтачивающий энергию человека”²⁷.

Рассуждения П.А. Кропоткина о религии, христианстве и Церкви пропитаны антирелигиозным, антицерковным и антихристианским пафосом. Утверждая, что “религии сплошь да рядом становились источниками самой свирепой вражды, еще более усиливавшейся с развитием государств”²⁸, он крайне негативно оценивал церковный тип религиозной организации как хранительницы религиозного учения и его обрядов, именуя ее «правительством “избранных”, с неизбежными пороками всякого правительства»²⁹. Сравнивая особенности

²⁵ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. С. 512–513.

²⁶ Кропоткин П.А. Этика // Кропоткин П.А. Избранные труды. М., 1991. С. 144.

²⁷ Там же. С. 41.

²⁸ Там же. С. 78.

²⁹ Там же. С. 105.

развития христианства и буддизма, он подчеркивал, что появление в их рамках церковного типа религиозных организаций “представляло прямое отступление от воли обоих основателей религии, как бы ни старались потом оправдать это отступление ссылками на книги, написанные много лет спустя после смерти самих учителей”³⁰. В его представлении, христианство, зародившееся как протестное движение “против безобразий власти, становилось теперь орудием этой власти; благословение церкви не только прощало правителям их преступления, оно представляло эти преступления как исполнение велений Бога”³¹.

Образующее церковь духовенство как “особая, могучая каста”, по мнению П.А. Кропоткина, неизбежно шло на сближение «со светской властью. Охраняя то, что она считала чистотой веры, и преследуя то, что она считала ее искажением и преступной ересью, церковь скоро дошла в своих преследованиях “отступников” до крайней жестокости. И ради успеха в этой борьбе она сперва искала, а потом уже требовала поддержки от светских властей, которые в свою очередь требовали от церкви благосклонного к себе отношения и поддержки религией своей тиранической власти над народом»³².

Таким образом, на взгляд П.А. Кропоткина, христианская церковь, отступившая от двух основных заветов христианства (равенства и прощения обид)³³, постепенно становилась тем институтом и средством, которое в том числе сдерживало общественный и научный прогресс и позволяло эксплуататорам удерживать свои господствующие позиции в обществе. Положительно оценивая антирелигиозный пафос идеологии эпохи Просвещения и Великой Французской революции, П.А. Кропоткин подчеркивал, что христианство не стремилось и не создавало никаких “новых форм общественности”³⁴, не способствовало повышению умственного развития общества, а также уничтожению рабства и крепостничества в разных странах мира³⁵. По его мнению, именно революция и революционная борьба, а не христианская церковь, напрямую способствовали отмене или уничтожению рабства и крепостничества в разных странах мира³⁶.

³⁰ Кропоткин П.А. Этика.

³¹ Там же. С. 113–114.

³² Там же. С. 113.

³³ Там же. С. 111.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Среди представителей русского марксизма, выработавших, по мнению современного религиоведа М.Ю. Смирнова, наиболее радикальную “систему воззрений на религию”³⁷, следует отметить позиции **Георгия Валентиновича Плеханова** и **Владимира Ильича Ленина (Ульянова)**.

Г.В. Плеханов определял религию “как более или менее стройную систему представлений, настроений и действий. Представления образуют мифологический элемент религии; настроения относятся к области религиозного чувства, а действия — к области религиозного поклонения или, как говорят иначе, культа”³⁸. По мнению Г.В. Плеханова, основывающего свои рассуждения о религии на основании базового тезиса исторического материализма, — “не сознание определяет собою бытие, а бытие сознание”³⁹, религиозные представления “имеют анимистический характер и вызываются неумением человека дать себе отчет в явлениях природы. К представлениям, происходящим из этого источника, присоединяются впоследствии те анимистические представления, с помощью которых олицетворяются и объясняются людьми их отношения между собою”⁴⁰. В свою очередь, религиозные настроения “коренятся в чувствах и стремлениях людей, вырастающих на почве данных общественных отношений, и изменяются параллельно с изменением этих отношений”⁴¹.

Как подчеркивал Г.В. Плеханов, “На известной стадии культурного развития анимистические представления и связанные с ними настроения срастаются с нравственностью в широком смысле этого слова, т.е. с понятиями людей о своих взаимных обязанностях. Тогда человек начинает смотреть на эти обязанности, как на заповеди, данные богом. Но хотя представление об этих обязанностях срастается с анимистическими представлениям, однако, оно отнюдь не вызывается ими. Нравственность возникает раньше, чем начинается процесс срастания относящихся к ней представлений с верой в существование богов. Религия не создает нравственности. Она только освящает ее правила, вырастающие на почве данного общественного строя. Есть другого рода действия. Они называются не взаимными отношениями людей, а отношением людей к богам или к богу. Совокупность этих действий и называется собственно *культом*”⁴².

³⁷ Смирнов М.Ю. Очерки истории российской социологии религии. СПб., 2008. С. 19.

³⁸ Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России // Плеханов Г.В. Избранное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 330.

³⁹ Там же. С. 362.

⁴⁰ Там же. С. 361.

⁴¹ Там же. С. 362.

⁴² Там же.

По ходу социальной эволюции человечества в сторону социализма, на взгляд Г.В. Плеханова, религия должна была постепенно утрачивать свое влияние и значение в жизни человеческих обществ, а затем и полностью исчезнуть. “Благодаря прогрессу человеческого разума”, как отмечал Г.В. Плеханов, должна была исчезнуть “казавшаяся неразрывной” “связь между моралью и религией”⁴³. Особую роль в этом процессе, по его мнению, играет развитие науки, основанной на материализме⁴⁴. Как писал Г.В. Плеханов, “Пока мы ссылаемся на волю божества, мы не имеем права говорить о законосообразности явлений. Открытие же этой законосообразности и составляет задачу науки. Вот почему серьезная наука никогда не может ужиться в мире с религией. Мало-по-малу наука сбила религию со всех ее позиций, а в настоящее время уже никто из людей, имеющих хоть некоторое понятие о научном мышлении, не станет ссылаться на божью волю как на причину явлений природы или общественного развития”⁴⁵. Утверждая, что религия, утрачивая свое влияние на жизнедеятельность человеческих обществ, фактически “отживает” свое, а “прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идее, и религиозному чувству”⁴⁶, Г.В. Плеханов в то же время допускал, что еще какое-то время возможно существование альтернативной точки зрения на данный процесс, навешивая “ярлыки” на своих оппонентов и безапелляционно декларируя неизбежность своей победы: “Что касается религиозного чувства, то очевидно, что оно исчезает вместе с разложением религиозной идеи. Но в чувствах конечно больше консерватизма, чем в идеях. Могут и будут иметь место различные пережитки, нарождаются ублюдочные концепции мира, полуматериалистические, полуспиритуалистические. Но и пережитки эти осуждены на исчезновение в свой черед, в особенности, по исчезновении некоторых социальных учреждений, якобы санкционированных религией”⁴⁷.

В.И. Ленин, основываясь в своих рассуждениях на диалектическом материализме К. Маркса и Ф. Энгельса, “материализме безусловно атеистическом, решительно враждебном всякой рели-

⁴³ См.: Плеханов Г.В. Ответ на анкету о будущем религии, произведенную журналом “*Mercure de France*” // Плеханов Г.В. Избранное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 105.

⁴⁴ См.: Там же. .

⁴⁵ Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Хрестоматия по истории атеизма. М.; Л., 1931. С. 294.

⁴⁶ Плеханов Г.В. Ответ на анкету о будущем религии, произведенную журналом “*Mercure de France*”. С. 105.

⁴⁷ Там же.

гии”⁴⁸, многократно обыгрывал известное высказывание К. Маркса о социальной функции религии. По мнению В.И. Ленина, “Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса”⁴⁹.

На взгляд В.И. Ленина, “Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т.п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь”⁵⁰.

Рассуждения В.И. Ленина о религии, религиозных институтах и организациях, пропитаны ненавистью, радикальными лозунгами и призывами, направленными на бескомпромиссную борьбу с ними. Как подчеркивал В.И. Ленин, “Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничи-

⁴⁸ Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 415.

⁴⁹ Там же. С. 416.

⁵⁰ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1968. С. 142–143.

вать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии”⁵¹. По мнению В.И. Ленина, “Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах”⁵².

Единственным исключением из правил в оценке религии и религиозных институтов в рамках революционно-социалистического лагеря, является, на наш взгляд, позиция П.А. Сорокина, который, будучи социалистом-революционером, в российский период своего творчества фрагментарно обращался к изучению религии как фактора, обеспечивающего социальную интеграцию и регулирование социальные процессов. Однако в оформлении данной позиции просматривается в большей степени влияние его учителей — М.М. Ковалевского, Л.П. Петражицкого, а также увлечение П.А. Сорокина бихевиористскими идеями. Именно в этом контексте он осуществляет осмысление роли религии в своей работе “Преступление и кара, подвиг и награда”, увидевшей свет в 1914 г.

По мнению П.А. Сорокина, религия является, прежде всего, регулятором социального поведения между людьми. В его представлении, «церковь и другие религиозные предметы “святы” потому, что они суть “предметные” символы непредметных и святых психических переживаний — религиозных мыслей, представлений, чувств и т.д. Святость вторых делает святыми и первые. Оскорбление вторых есть святотатство, и отсюда святотатством является и оскорбление самих символов. Говоря коротко, все религиозные реликвии — это застывшие в вещественной форме религиозные переживания»⁵³.

П.А. Сорокин отмечает несомненное влияние “потусторонней карательно-наградной санкции” на направление и характер поведения человека⁵⁴, в зависимости “от характера и интенсивности (устойчивости) их научно-религиозно-морального мировоззрения и миропонимания”⁵⁵. На взгляд П.А. Сорокина, “Бесконечное множество поступков делалось или не делалось (воздержание от них) исключительно под влиянием потусторонней санкции. Всякая рели-

⁵¹ Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии. С. 418.

⁵² Там же. С. 419.

⁵³ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006. С. 102.

⁵⁴ Там же. С. 245.

⁵⁵ Там же. С. 244.

гиозная система предписывала до мельчайших деталей известное поведение, рекомендуя одни поступки, приказывая другие и запрещая третьи, обещая награду за послушание (рай и т.д.) и кару за нарушение (ад и пр.), и нет сомнения, что ее правила и давление ее санкций не было пустым звуком, а было могучим рычагом, управлявшим поведением человека и вызвавшим к жизни ряд поступков, предметов и институтов как добрых, так и отвратительных, которых без этой санкции не было бы”⁵⁶. При этом, как подчеркивает П.А. Сорокин, “эти награды и наказания не были пустыми словами, а действительно руководили и руководят поведением целых народов и отдельных личностей. Существование церквей, сословия шаманов, жрецов, священников, папства, существование культа, многочисленных обрядов и актов — все это продукт мотивационного влияния религиозных санкций и подтверждение этого влияния”⁵⁷.

В другой своей работе “О так называемых факторах социальной эволюции” П.А. Сорокин именует религию “миропониманием”, “трансформировавшимся миром понятий”, “мирообъемлющим синтезом”, представляющим собой “простой вывод и обобщение мира понятий”⁵⁸. По его мнению, “Какова высота знаний — такова и религия; для первобытного человека с его невежеством и не могло быть иной религии, кроме наивно-анимистической. Изменилось знание — меняется и религия. Для современного, образованного человека подобная религия немыслима и невозможна. Сделайте разрез в современном обществе по отношению к высоте знания и вы увидите, что в слое с одинаковым приблизительно уровнем знания одинакова приблизительно и религия, в слое с иным уровнем — иная. < ... > Отсюда практический вывод: если хотите изменить религию, дайте знаний — книг, микроскопов, телескопов и т.д., остальное все приложится. Эта форма мысли, как все прочее, не остается бестелесной, а выражается вовне в тех или иных формах. Церкви, пагоды, иконы, статуи, жреческие и священнические одежды, обряды, молитвы, заклинания и весь культ с этой точки зрения есть застывшая, выразившаяся вовне религиозная (а тем самым научная) мысль”⁵⁹.

В своей работе 1917 г. “К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян”, анализируя определение религии, данное Э. Дюркгеймом, П.А. Сорокин отмечает, что основной “задачей религии является установление ряда правил и обрядов, направленных

⁵⁶ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 244–245.

⁵⁷ Там же. С. 249.

⁵⁸ Сорокин П.А. О так называемых факторах социальной эволюции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 528.

⁵⁹ Там же. С. 528–529.

на то, чтобы не допускать смешения этих двух миров”⁶⁰ (выделяемых Э. Дюркгеймом мира сакрального и мира нечистого — профанного), “а если таковое совершилось, то тем или иным образом обезвредить те страшные последствия, которые вытекают из этого смешения. Такова была цель религиозных обрядов сначала, таковой же остается она в значительной степени и до сих пор”⁶¹.

В 1920 г., пережив кровавые и страшные революционные события 1917 г. и последующие события Гражданской войны в России, П.А. Сорокин, кардинальным образом пересматривает свои взгляды, в том числе в контексте осмысления религиозной проблематики, что закономерно нашло свое отображение в его работе “Система социологии”, изданной в 1920 г.

По мнению П.А. Сорокина, религиозные верования, а также “принадлежность к религии является одной из существенных координат, определяющих социальное положение и поведение индивида”⁶². Исследуя роль и влияние религиозных групп, общностей и коллективов на социальное развитие, он отмечал, что они являются одной из значимых сил, “определявших и определяющих судьбы других важных групп, с одной стороны, с другой, влиявших и влияющих на жизнь и поведение людей”⁶³, “на судьбу населения и на ход истории вообще”⁶⁴. Вступая с полемикой со многими представителями социалистического лагеря, П.А. Сорокин подчеркивал, что: «Вопреки мнению многих “рационалистов”, религия еще не изжита и религиозная группировка еще не сдана в музей древностей... Надежды многих на то, что стоит “доказать” ненаучность религии и... она исчезнет, преувеличены»⁶⁵. Задаваясь вопросом о возможном будущем исчезновении религии и религиозного расслоения, он считал, это маловероятным: “История говорит не об уменьшении числа религиозных групп, а, напротив, об его увеличении. Религиозная гетерогенность людей не уменьшилась, а скорее возросла”⁶⁶. В силу этого, даже “не приходится надеяться на исчезновение религиозного расслоения и в будущем, по крайней мере в ближайшие столетия”⁶⁷. Изменение форм верований, на его взгляд, не изменяет их суть, как

⁶⁰ Сорокин П.А. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. Вып. IV. Вологда, 2017. С. 50.

⁶¹ Там же.

⁶² Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008. С. 554.

⁶³ Там же. С. 556.

⁶⁴ Там же. С. 559.

⁶⁵ Там же. С. 560.

⁶⁶ Там же. С. 811–812.

⁶⁷ Там же. С. 813.

и антагонизм вызываемый верованиями, в том числе и в условиях становления большевистского режима в России (“современной эпохи распространения религии социализма”⁶⁸): «Различия верований “коммуниста” и “монархиста” теперь, как в прошлом различие верований католика и еретика, вызывают самый острый антагонизм и заставляют разнoverующих без угрызений совести отправлять друг друга на тот свет *ad maiorem gloriam* коммунизма или монархизма. <...> По крайней мере наблюдаемые сейчас факты говорят о том, что вековая проповедь терпимости чужих мнений и уважения чужих верований не мешала и не мешает тому, чтобы противника отправлять на тот свет, если не под звон колоколов инквизиции, то под аккомпанемент ружейных залпов»⁶⁹.

П.А. Сорокин в “Системе социологии” фактически рассматривает религию как фактор социальной интеграции, подчеркивая, что «религия человека — социальный костюм, который можно снять и переменить. Если бы этот костюм был чисто идеологическим, то такие верования менялись бы очень часто, ибо верования вообще изменчивы. Но в религии суть дела не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человеком. В последних — коренное ядро религии. Верования, догма — это только вуаль, “идеологическое оправдание” и выражение чувств — эмоций человека. Не важно, чтобы они были логичны, — важно, чтобы вера была горячей»⁷⁰.

Смена этапов истории развития религий (периодов религиозных движений, кризисов или застоев), на взгляд П.А. Сорокина, обусловлена “изменением всего социального уклада населения, меняющего его *mores*, аппетиты, стремления и чувства — эмоции”⁷¹. В то же время, появление новой веры в свою очередь также “оказывает известное воздействие на это изменение”⁷².

Таким образом, можно констатировать, что одни представители революционно-социалистического лагеря (например, Г.В. Плеханов и П.А. Кропоткин) в большей степени оценивали роль религии в прошлом, но критично относились к ее роли в современности, отрицая эту роль. Другие (А.И. Герцен, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, В.И. Ленин) призывали к искоренению религии из жизни общества, “очерняли” этот социальный институт, а их аргументация при этом носила ярко выраженный идеологический характер. Однако фак-

⁶⁸ Сорокин П.А. Система социологии. С. 811.

⁶⁹ Там же. С. 813–814.

⁷⁰ Там же. С. 809.

⁷¹ Там же. С. 811.

⁷² Там же.

тически и те, и другие при изучении религиозной проблематики в имперский период отечественной истории в большей степени занимались привнесением в науку различных идеологических штампов, а также использованием политехнологий для дискредитации в деструктивном для общества и государства ключе, этой традиционно значимой для любого общества сферы жизнедеятельности и влиятельного социального института. Непродуктивный характер подобного рода антисистемного “изучения” религиозной проблематики, в особенности в контексте осмысления последствий его воплощения на практике, в последующие 70 лет большевистского правления, в настоящее время не вызывает никаких сомнений. И только П.А. Сорокин разработал взвешенный, научно обоснованный подход к социологическому анализу религии в обществе, обозначил интегрирующую роль религии в социальной стратификации общества.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989.
Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя: В 2 т. Т. 1. М., 2011.
Елишев С.О. Молодежная политика религиозных сект и новообразований в российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 104–118.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. В 2-х кн. М., 1993.
Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М., 1991.
Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. Т. II. М., 1934.
Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12, 17. М., 1968.
Плеханов Г.В. О книге Л.И. Мечникова // Хрестоматия по истории атеизма. М.; Л., 1931. С. 294.
Плеханов Г.В. Избранное собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. М., 1957.
Смирнов М.Ю. Очерк истории российской социологии религии: Уч. пособ. СПб., 2008.
Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М., 2006.
Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.
Сорокин П.А. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян // Известия Вологодского общества изучения Северного Края. 2017. Вып. IV.
Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... М., 1991.
Шафаревич И.Р. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 2. М., 1994.

REFERENCES

- Bakunin M.A.* Filosofiya. Sociologiya. Politika [Philosophy. Sociology. Politics]. M., 1989 (in Russian).
- Dostoevskij F.M.* Dnevnik pisatelya [Diary of a writer]: V 2 t. T. 1. M., 2011 (in Russian).
- Elishev S.O.* Molodezhnaya politika religioznyh sekt i novoobrazovaniy v rossijskoj Federacii [Youth policy of religious sects and neoplasms in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2013. N 4. S. 104–118 (in Russian).
- Elishev S.O.* O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d’état]. M., 2017 (in Russian).
- Elishev S.O.* Politika. Bazovye ponyatiya [Politics. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).
- Gercen A.I.* Sobranie sochinenij [Collected works]: V 30 t. T. 6. M., 1955 (in Russian).
- Il’in I.A.* Nashi zadachi [Our tasks] // Il’in I.A. Sobr. soch.: V 10 t. T. 2 V 2-h kn. M., 1993 (in Russian).
- Kropotkin P.A.* Etika [Ethics] // Kropotkin P.A. Izbrannye trudy. M., 1991 (in Russian).
- Lavrov P.L.* Izbrannye sochineniya na social’no-politicheskie temy [Selected works on socio-political themes]: V 8 t. T. II. M., 1934 (in Russian).
- Lenin V.I.* Poln. sobr. soch. [Full Collection Op]. T. 12, 17. M., 1968 (in Russian).
- Plekhanov G.V.* Izbrannoe sobranie sochinenij [Selected collected works]: V 5 t. T. 3. M., 1957 (in Russian).
- Plekhanov G.V.* O knige L.I. Mechnikova [About the book by L.I. Mechnikov] // Hrestomatiya po istorii ateizma. M., L., 1931 (in Russian).
- Shafarevich I.R.* Sobr. soch. [Sobr. cit]: V 3-h t., T. 2. M., 1994 (in Russian).
- Smirnov M.Yu.* Ocherk istorii rossijskoj sociologii religii [Essay on the history of the Russian sociology of religion]: Uch. posob. SPb., 2008 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]. M., 1992 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Prestuplenie i kara, podvig i nagrada [Crime and punishment, feat and reward]. M., 2006 (in Russian).
- Sorokin P.A.* Sistema sociologii [Sociology system]. M., 2008 (in Russian).
- Sorokin P.A.* K voprosu o pervobytnyh religioznyh verovaniyah zyryan [On the question of the primitive religious beliefs of the Zyryans] // Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo Kraya. 2017. Vyp. IV (in Russian).
- Stolypin P.A.* Nam nuzhna Velikaya Rossiya... [We need Great Russia...]. M., 1991 (in Russian).
- Vekhi.* Sbornik statej o russkoj intelligencii [Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. M., 1909 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ БАЗИСНЫХ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

С.В. Перевезенцев, докт. ист. наук, проф. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991**

О.Е. Пучнина, канд. полит. наук, ст. науч. сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991***

А.Б. Страхов, асп. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991****

А.А. Шакирова, магистрант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119991*****

В статье анализируются теоретико-методологические проблемы и актуальные методологические подходы к исследованию ценностной структуры российского общества и ее влияния на формирование политической идентичности в истории и на современном этапе. Сделан вывод о существовании в современной российской политологической литературе как минимум двух глобальных и принципиально разных подходов к анализу исторических, социальных, политических, экономических и духовных процессов, что обуславливает значительную разницу в результатах исследования, — либерального и консервативного. Показаны ограниченные возможности либерального подхода к анализу исторического и цивилизационного своеобразия России, а также концептуального осмысления понятий “традиция”, “базисные ценности”, “идентичность”. В качестве наиболее перспективного для исследования указанной темы предлагается традиционалистско-консервативный подход, в рамках которого выбор методологических инструментов исследования обусловлен консервативными ценностными принципами. Это позволяет преодолеть односторонность и узость либеральной трактовки явлений и процессов отечественной истории и представить более широкую панораму интеллектуального развития российской цивилизации.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований по проекту № 21-011-31076 “Базисные традиционные ценности как фактор формирования российской политической идентичности: Историко-политический контекст”.

** Перевезенцев Сергей Вячеславович, e-mail: serp1380@yandex.ru

*** Пучнина Ольга Евгеньевна, e-mail: srkpdv@gmail.com

**** Страхов Александр Борисович, e-mail: falconian@yandex.ru

***** Шакирова Аделина Александровна, e-mail: t.adelina@list.ru

В рамках традиционалистско-консервативного методологического подхода основными источниками для изучения процессов внешней, формальной эволюции базисных традиционных ценностей выступают различные сочинения отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей, созданные в разное историческое время, но ставшие важнейшими элементами общенационального и общегосударственного сознания, оказав весомое влияние на формирование политической идентичности народов России. В качестве основного методологического инструмента используется политико-текстологический анализ источников, который позволяет предложить определение базисных традиционных ценностей и сделать вывод о существовании таких ценностей на протяжении всей многовековой отечественной истории, несмотря на смену политических режимов, общественно-политических и экономических укладов, коррекцию духовных ориентиров. В зависимости от изменяющихся конкретно-исторических условий те или иные базисные ценности могли эволюционировать, дополняться новым содержанием и выступать в новых формах, оставаясь при этом неизменными в сущностном отношении и продолжая сохранять свои качества как фактора формирования российской политической идентичности. На основе традиционалистско-консервативного подхода предложено выделить отдельную специфическую группу ценностей — духовно-политические ценности.

Ключевые слова: консерватизм, методология, политико-текстологический анализ, традиционные ценности, традиция, Россия, политическая идентичность, духовно-политические ценности.

ON THE QUESTION OF METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF STUDYING RUSSIAN BASIC TRADITIONAL VALUES

Perevezentsev Sergey V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru

Puchnina Olga E., Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: srkpdv@gmail.com

Strakhov Alexander B., Postgraduate of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: falconian@yandex.ru

Shakirova Adelina A., Graduate student of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: t.adelina@list.ru

The article analyzes theoretical and methodological problems and current methodological approaches to the study of the value structure of Russian society and its impact on political identity in the past and nowadays. It is concluded that modern Russian political

science includes at least two global and fundamentally different approaches to the analysis of historical, social, political, economic and spiritual processes, that determine the difference in the research results — liberal and conservative. The limited possibilities of the liberal approach to the analysis of the historical and civilizational originality of Russia, as well as the conceptual understanding of the concepts of “tradition”, “basic values”, and “identity” are shown. A traditionalist-conservative approach, which prefers conservative value principles’ conditioned choice of methodological research tools, is proposed as the most promising for the study of this topic. This provides the possibility of overcoming the one-sidedness and narrowness of liberal interpretation of the phenomena and processes of Russian history, as well as the possibility of presentation a broader panorama of the intellectual development of Russian civilization. Within the framework of the traditionalist-conservative methodological approach, the main sources for studying the processes of external, formal evolution of basic traditional values are various works of Russian thinkers, writers, poets, religious- and statesmen, created at different historical periods, but have become the prior elements of nationwide and statewide consciousness and have greatly influenced the formation of the political identity of the peoples of Russia. As the main methodological tool, the political-textual analysis of sources is used, which allows us to propose a definition of basic traditional values and draw a conclusion about the existence of such values throughout the centuries-old national history, despite the change of political regimes, socio-political and economic structures, the correction of spiritual orientations. Depending on the concrete historical conditions’ changing, certain basic values could evolve, be supplemented with new content and appear in new forms, but they remained essentially unchanged and continued to preserve their qualities as a factor in the formation of Russian political identity. On the basis of the traditionalist-conservative approach, it is proposed to distinguish a separate specific group of values — spiritual and political values.

Key words: conservatism, methodology, political textual analysis, traditional values, tradition, Russia, political identity, spiritual and political values.

Проблема ценностей является одной из старейших в социально-гуманитарных науках, в философии даже сформировалось отдельное направление осмысления природы и значения ценностей — аксиология. Духовно-нравственные ценности выступают объектом изучения этики, педагогики и антропологии, а со второй половины XIX в. тема ценностей постепенно входит в спектр исследовательских интересов социологии, психологии и политологии. При этом аксиологическое измерение всех социальных и индивидуальных процессов не теряет своей актуальности и сегодня. Более того, на фоне ускоряющихся темпов общественного развития, глобализации, виртуализации, роста экономической взаимозависимости в мировом масштабе вопросы ценностных доминант и ориентиров этих процессов выходят на первый план.

Принципиальное значение анализа и интерпретации ценностных различий между обществами, сравнительное изучение социально-политических ценностей, установок, ориентаций граждан обусловлены в том числе и обострением национально-государственных проблем все более глобализирующегося мира. В XXI в. одной

из важных тем социальной антропологии, философии культуры, социологии, политологии, истории стало понятие идентичности. При этом еще в конце XX в. А.С. Панарин указывал на проблемные точки отечественного развития, говоря о том, что главный кризис современной ему России — это кризис не социальный и не экономический, а кризис идентичности. И в дальнейшем тема кризиса идентичности станет настолько острой и распространенной в интеллектуальной мысли, что позволит Е.Б. Рашковскому назвать проблему идентичности одной “из самых навязчивых и подробно дискутируемых в сегодняшней мысли, философии, культуре”.

Очевидно, что само понятие политической, государственной, национальной, культурной идентичности напрямую связано с ценностями, идеалами, традициями того или иного общества. Так, например, политическая идентичность формируется через общественное осознание ответов на следующие вопросы: “Кто мы?”, т.е. какая совокупность политических принципов определяет нас как граждан государства; “Чем мы отличаемся от других?”, т.е. в чем заключается наша уникальность, сущность и как происходит маркирование границ; “Что нас объединяет?”, т.е. какие существуют значимые события в нашей истории, общие представления о прошлом и будущем государства.

Таким образом, само формирование политической идентичности тесно переплетено с историческим контекстом, культурой, традициями и ценностями, поскольку внутренняя целостность социума обеспечивается существованием набора общих ценностей, разделяемых обществом, и осознанием собственной ответственности за будущее страны. Между тем именно в этой сфере сегодня отмечается наибольшее количество проблем. События, происходящие в современном мире в разных странах и на разных континентах, свидетельствуют об активном насаждении “новых ценностей” человеческого существования на Земле. Эти “ценности” отрицают все существующие ныне традиционные ценности, на основе которых формировалось современное человечество — культурные, нравственные, религиозные, национальные и т.д. Центральной идеей, предлагаемой “новыми” ценностями взамен, является достижение физического бессмертия людей путем постепенного превращения естественного человека в биообъект, лишенный индивидуальных физических и половых признаков, духовных и нравственных качеств. В конечном итоге предполагается создание унифицированного, лишенного цивилизационного разнообразия и полностью управляемого мира.

В этих условиях российское общество сумеет сохранить цивилизационное своеобразие и политический суверенитет только в

том случае, если будет опираться на комплекс базисных ценностей, основанных на традиционных ценностях народов России, и вместе с тем вбирающих в себя все те положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс. Опора на базисные ценности позволит нашему обществу сохранить преемственность поколений, передать подрастающей молодежи как отрицательный, так и положительный духовный и исторический опыт жизни народа в существующих природно-климатических условиях при смене политической, экономической, социальной и идеологической обстановки.

Однако если идейные и политические лидеры современного западного мира опираются на совершенно определенные либеральные базисные ценности и потому подходят к оценке истории и текущей ситуации с четких методологических, философских, мировоззренческих и идеологических позиций, то в современной России определенность в идеологических предпочтениях зачастую отсутствует. В этом отношении можно отметить некоторую противоречивость даже основного закона государства — Российской Конституции. Так, в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 13 Конституции РФ, “В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной”. При этом статья 2-я провозглашает совершенно четкий либеральный идеологический принцип: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства”. И отсюда возникает общая и основная проблема всех граждан России — мы не понимаем, во имя чего мы должны жить, на какие базисные ценности сегодня опираться, и главное — есть ли какая-то цивилизационная специфика нашего общественного развития.

Столь же противоречива ситуация и в общественно-гуманитарных дисциплинах, специалисты которых предлагают различные подходы к определению политической идентичности, интерпретации цивилизационной специфики России, концепты, классификации и оценки как самих понятий “ценности”, “социальный идеал” и “традиция” вообще, так и российских базисных ценностей в частности. Однако большинство отечественных исследователей все же сходятся в оценке тесной взаимосвязи между идентичностью, ценностями, исторической памятью и государственной безопасностью России.

Несмотря на достаточно серьезное внимание современного научного сообщества к проблемам возникновения, содержания и функционирования традиционных ценностей, историческому и культур-

ному своеобразие цивилизационного пути России и осознанию их связи с политической идентичностью, вопросами национальной безопасности и перспективами устойчивого развития, в отечественной науке до сих пор не представлен комплексный и методологически обоснованный взгляд на эти аспекты проблемы в их взаимосвязи. Нет единства и в определении содержания феномена базисных традиционных ценностей, сущности и форм их проявления. Такая ситуация сложилась в силу нескольких причин.

Во-первых, несмотря на внутреннюю концептуальную инвариантность базисных традиционных ценностей российской цивилизации на протяжении истории они претерпевали собственную эволюцию, видоизменялись и дополнялись новыми смыслами и акцентами, отвечая потребностям и вызовам конкретной исторической ситуации. Это не могло не привести к появлению противоречий внутри ценностного комплекса, а также к тому, что на разных этапах исторического развития на первый план могли выходить те идеалы и ценности, которые были востребованы обществом в большей степени, что, однако, не означало отказа от остальных традиционных для отечественной культуры идейных доминант.

Во-вторых, на текущий момент в российской научной литературе недостаточно проработана теоретическая и методологическая база исследования феномена базисных традиционных ценностей и их влияния на формирование политической идентичности общества вообще и российского общества в частности.

Это, в свою очередь, обуславливает третью причину сложности изучения этой темы: несмотря на провозглашение принципа научной нейтральности и объективности значительная часть современных исследователей рассматривает базисные традиционные ценности с точки зрения либеральных моделей исторического развития, в рамках которых само явление традиционализма и феномен традиционных ценностей могут быть восприняты лишь критически, что значительно сужает и обедняет исследовательское поле.

Общеизвестно, что выбор методологии обладает большим идеологическим потенциалом, поскольку в основе этого выбора неизбежно лежат вполне определенные ценностные принципы. И в этой ситуации как никогда важна собственная рефлексия ученого по поводу своей деятельности. Так называемый рефлексивный поворот в науке заключается в осознании того, каким образом наука сама “создает” свой предмет в зависимости от методологических установок, формулирования проблемы исследования, выбора материала и источников, социально-политических взглядов и психологических свойств ученого, а также тенденций и логики развития самой науки.

И вот здесь сегодня обнаруживается парадоксальная ситуация. Если в публичном дискурсе либеральная идеология, которая стремится к доминированию в мировом масштабе, за последние тридцать лет уже с очевидностью показала свою тоталитарную, по сути, интенцию, то в науке ее влияние проследить гораздо сложнее, поскольку научное познание продолжает декларировать себя как ценностно-нейтральное и объективное, однако очевидно, что оно точно так же входит в общую социально-гуманитарную парадигму, а значит подвержено тем же процессам.

Классическая либеральная идеология провозглашает, что самое главное и в истории, и в современности — личность человека, его права, его свобода. С точки зрения классического либерализма, история во всех ее проявлениях существует только для того, чтобы сделать человеческую личность как можно более свободной в выборе своих жизненных принципов и своего поведения, в реализации собственных желаний. Иначе говоря, смысл истории, с либеральной точки зрения, заключается в достижении человеком полной свободы. Однако если говорить о классическом либерализме, то речь идет не только о правах, но и об обязанностях человека перед другими людьми и обществом в целом, именно поэтому в свое время либерализм и считался символом свободы.

К сожалению, к сегодняшнему дню либерализм выродился в совершенно иные, крайние, формы, в рамках которых неограниченная свобода личности и ее права приобрели абсолютную ценность, а главной обязанностью перед другими людьми и обществом стало считаться навязывание ультралиберальной идеологии всему миру, всем народам, государствам и цивилизациям. В идеале, по убеждению современных либеральных идеологов, все национальное, религиозное, культурное разнообразие мира должно исчезнуть. Именно поэтому очень большой пласт общественных деятелей и специалистов в гуманитарной сфере по всему миру говорит о кризисе либерализма сегодня. Вместо декларируемой свободы либерализм предлагает, по сути, диктатуру, единообразие и унификацию правил бытия различных народов и цивилизаций.

В научной сфере можно проследить аналогичные процессы, являющиеся, с одной стороны, закономерным следствием развития научного познания, которое не существует в отрыве от общего развития человеческой цивилизации, но, с другой стороны, очевидно обедняющие и искусственно сужающие пространство и возможности полноценного интеллектуального поиска.

Признание человеческой личности, ее прав, свобод и желаний единственным критерием и ориентиром общественного развития на

современном этапе, неизбежно приводит к использованию соответствующей исследовательской оптики как для исторического анализа, так и для оценки актуальных цивилизационных тенденций. Такой подход, разумеется, вполне допустим, однако в случае, когда такая интерпретация исходных оснований любых социальных процессов и явлений утверждается как единственно истинная и возможная, мы неизбежно приходим к ситуации безальтернативного научного поиска.

Именно поэтому, думается, сегодня принципиально важно указать на односторонность распространенного либерального подхода, и предложить альтернативный взгляд на общий предмет, что, разумеется, будет способствовать значительному взаимному обогащению и разработке истинно научного подхода к освоению пространства смыслов человеческого бытия.

Более плодотворным с точки зрения исследования российских базисных традиционных ценностей, на наш взгляд, является традиционалистско-консервативный подход, по своей сути противоположный либеральному. Разговор о специфических базисных ценностях как об основе бытия вообще в принципе возможен только в рамках консервативного духовно-политического мышления, в рамках традиционализма. Именно этот подход, с нашей точки зрения, помогает выделить и осмыслить традиционные базисные ценности российской цивилизации.

В основе консерватизма лежит принцип сохранения жизни во всем ее многообразии: не насаждение унифицированных правил существования и мысли, но сохранение мира, как, если несколько перефразировать К.Н. Леонтьева, “цветущей сложности”. Этот принцип позволяет избежать либерального “монизма” и универсализма, в том числе и в научной сфере. Консервативная методология не только дает гораздо более широкие возможности для сохранения этнического и национального многообразия и свободного выбора народами собственного пути развития, но и позволяет им осуществлять свободный интеллектуальный поиск. Консервативный подход к исследованию общественных процессов, в противовес либеральным принципам универсализма и индивидуализма, в общих чертах можно свести к следующим положениям:

- признание религии духовным фундаментом общества;
- предпочтение традиционных форм общественно-политического развития абстрактным универсальным схемам;
- признание значимой роли государства в развитии общества;
- признание традиции важнейшим источником формального права;

- признание приоритета общности над индивидом;
- отстаивание цивилизационной самобытности своего народа (группы народов, близких по своим традициям);
- признание права на свободное историческое развитие любого народа или цивилизации;
- признание идеала свободной, нравственно ответственной перед обществом личности.

Понятно, что в рамках данного методологического подхода интерпретация отечественной истории, культуры, политики, и в особенности перспектив и целей современного общественного развития России будет существенно отличаться.

В связи с этим в российской политической науке возникла насущная потребность, во-первых, в разработке новых концептуальных принципов изучения историко-политических явлений на базе традиционалистско-консервативной методологии, позволяющих отразить специфику цивилизационного развития России; во-вторых, в изучении процессов возникновения и формирования российских традиционных ценностей с позиций традиционалистско-консервативного подхода; в-третьих, в исследовании комплекса базисных ценностей как фактора формирования российской политической идентичности.

Предлагаемый традиционалистско-консервативный подход в осмыслении темы влияния феномена базисных традиционных ценностей на формирование политической идентичности в историко-политическом развитии может основываться на некоторых методологических принципах, предложенных рядом отечественных и зарубежных мыслителей. Во-первых, сюда можно отнести классический цивилизационный подход, разработанный русскими мыслителями — консерваторами XIX столетия: А.С. Хомяковым, Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, и развитый в XX в. до самостоятельной методологии историко-политического познания в работах А. Тойнби, О. Шпенглера, А.С. Панарина и др. Во-вторых, теория мифа и мифологического сознания, предложенная А.Ф. Лосевым. В-третьих, метод феноменологии, применявшийся в рамках различных культурологических, историко-политических и религиозных исследований. Комбинирование всех трех методологических принципов с учетом духовно-политической и историко-культурной специфики развития российской цивилизации позволяет говорить о полноценном традиционалистско-консервативном подходе к исследованию общественных процессов, на основе которого как раз и возможно максимально подробное изучение феномена базисных традиционных ценностей.

Основными источниками для изучения процессов внешней, формальной эволюции базисных традиционных ценностей выступают в данном случае различные сочинения отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей, созданные в разное историческое время, но ставшие важнейшими элементами общенационального и общегосударственного сознания и оказавшие весомое влияние на формирование политической идентичности народов России.

Работа с этими материалами может осуществляться на основе метода *политико-текстологического анализа*, уже доказавшего свою научную эффективность и широко применяемого в рамках научной школы кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

В этом отношении стоит напомнить, что политическая текстология — это прикладная политологическая дисциплина, изучающая приемы поиска и обработки информации, правила создания оригинальных социально-политических текстов, приемы и методы анализа текстов уже созданных социально-политических произведений (теоретико-аналитических, публицистических, программных) в целях их критики (рецензии) и издания (публикации, републикации). Метод политико-текстологического анализа предполагает, что изучение любого текста происходит, во-первых, в связи с конкретными историко-политическими условиями его возникновения; во-вторых, в связи с иными текстами, возникшими в данных историко-политических условиях; в-третьих, в связи с основными политическими теориями, концепциями и идеями, характерными для данных историко-политических условий; в-четвертых, в определении историко-политических истоков данного текста; в-пятых, в связи с идейно-политическими последствиями, вызванными возникновением и обнародованием данного текста; в-шестых, в связи с личностными характеристиками и особенностями политических взглядов автора или авторов данного текста. Результатом использования метода политико-текстологического анализа является извлечение необходимого объема политической информации, позволяющей оценить значение данного текста в качестве источника историко-политических знаний.

Исследования значительной группы источников русской духовно-политической и социально-политической мысли XI–XIX вв., осуществленные авторами данной статьи в последние годы в ходе коллективного и индивидуального научного поиска, позволяют предложить следующее определение базисных традиционных российских ценностей с точки зрения традиционалистско-консервативной методологии. *Базисные российские традиционные ценно-*

сти — это ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития российского народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся неременным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа. Опора на базисные традиционные ценности обеспечивает государству и обществу собственный, подтвержденный многовековым историческим опытом ответ на любые, в том числе новые и новейшие глобальные вызовы, что становится важнейшим условием непрерывности и стабильности дальнейшего исторического развития.

Таким образом, в рамках традиционалистско-консервативной методологии предполагается, что определенные базисные ценности существовали на протяжении всей многовековой отечественной истории несмотря на смену политических режимов, общественно-политических и экономических укладов, ту или иную коррекцию духовных ориентиров. В то же время вполне очевидно, что в зависимости от изменяющихся конкретно-исторических условий те или иные базисные ценности могли эволюционировать, дополняться новым содержанием, выступать в новых формах, оставаясь при этом неизменными в сущностном отношении и продолжая сохранять свои качества как фактора формирования российской политической идентичности.

Традиционалистско-консервативный подход вносит определенную новизну в саму трактовку базисных ценностей. Так, обычно традиционные базисные ценности рассматривают в духовно-нравственном ключе. Именно как духовно-нравственные ценности они включены в новую “Стратегию национальной безопасности Российской Федерации” (п. 91). Кроме того, в научной среде принято также рассматривать блок социально-политических ценностей, установок, ориентаций граждан. Но, с точки зрения традиционалистски-консервативного подхода, целесообразно выделить еще одну группу базисных традиционных ценностей, которую можно было обозначить как *духовно-политические ценности*.

Как известно, важнейшей особенностью отечественной социально-политической мысли является тот факт, что значимость социальных и политических идей на протяжении длительного исторического времени определялась их духовным содержанием, тем, насколько они способствовали реализации в социально-политической практике православных идеалов. Поэтому можно сказать, что традиционная русская социально-политическая мысль развивалась

в русле православной традиции и была прежде всего духовно-политической. Своеобразие *духовно-политической мысли* состоит в том, что она предлагает *политическими средствами* решать *духовные, религиозные* задачи. В этом случае сами политические ценности, учения и идеалы выстраиваются в зависимости от религиозных предпочтений, учений и идеалов, которые в свою очередь являются основополагающими для формирования собственно политической идеологии. Именно духовные, религиозные идеалы становятся критериями для оценки как конкретных политических деятелей, так и создаваемой ими политической системы общества. А политическая идеология и политическая практика направляются на то, чтобы социально-политическое состояние общества в максимально возможной степени соответствовало традиционным духовным, религиозным идеалам. Например, проблемы происхождения и сущности верховной власти рассматривались в соотношении с идеей Божьего Промысла, так же как и деловые и нравственные качества реального главы государства на протяжении многих столетий должны были соответствовать христианскому идеалу правителя. И не случайно, что многие политические идеи в истории России возникали и формировались прежде всего в церковной среде, а уже потом становились предметом обсуждения светских людей, которые их и реализовывали в политической практике. Впрочем, церковные деятели на протяжении всей отечественной истории были крупнейшими политическими фигурами, а, в свою очередь, светские мыслители нередко оставались по своей сути православными мистиками.

Ряд понятий и, одновременно, феноменов социально-политической жизни, которые можно было бы включить в группу духовно-политических ценностей, редко привлекают исследовательский интерес именно как духовные ценностные категории по той причине, что чаще всего изучаются как понятия политические, исторические, религиоведческие, культурологические и т.д. В то же время эти понятия у различных народов или в различных цивилизациях имеют свое специфическое толкование, которое иногда заметно отличается как от некоего общепринятого, так и от интерпретаций, присущих отдельным народам. К примеру, у разных народов или у разных групп народов со схожей исторической судьбой могут по-разному духовно осмысливаться (или не осмысливаться) такие понятия, как “*родина*” (“*Отечество*”), “*государство*”, “*власть*”, “*идеология*”, “*культура*”, “*история*” и т.д. В то же время многие духовно-нравственные понятия, которые обычно воспринимаются в качестве ценностей, не рассматриваются в политическом аспекте, хотя зачастую оказывают прямое влияние на формирование и политических предпочтений,

и политической идентичности. К числу таких ценностных понятий относятся *вера, религия, нравственность, семья, справедливость, личность, свобода, знание, трудолюбие* и др.

И те, и другие понятия в истории народов могут приобретать и часто приобретают ценностное как духовное, так и политическое значение, более того, являются базисными, поскольку определяют общенациональную и политическую идентичность того или иного народа. Следовательно, духовно-политические ценностные понятия представляют несомненный исследовательский интерес.

Традиционалистско-консервативный подход к анализу исторического развития человека и общества в отличие от либерального как раз и позволяет отразить и показать цивилизационную специфику России, сложность, многоаспектность и взаимозависимость тех социальных, духовных, религиозных, политических и экономических процессов, которые обусловили российскую политическую идентичность, а также предложить альтернативный, и, что самое важное, — перспективный взгляд на современное состояние и будущее нашего государства и народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков К.С. О русской истории // Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1889.

Алибегиллов Ш.А. Концептуализация понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России // Власть. 2016. Т. 24. № 11. С. 100–105.

Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007.

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Вархотова В.А., Волошин А.И., Гуторов В.А., Ермашов Д.В., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Чанышев А.А., Шириняни А.А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 110–136.

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Горохов А.А., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Шириняни А.А. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 91–127.

Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 4. Париж, 1990.

Билаонова М.Ю. Проблема идеала как общественной ценности и ее отражение в русской философии. Йошкар-Ола, 2005.

Видоевич З. Либеральный тоталитаризм // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 39–49.

- Гаджиев К.С. Кризис или закат либерализма? // Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 7–17.
- Гуторов В.А., Ширинянц А.А. О новом “историческом прочтении” либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
- Денисов Ю.П. Феномен идентичности и политические технологии ее формирования // Вестник Омского университета. Серия “Исторические науки”. 2020. Т. 7. № 1. С. 103–113.
- Евсеева М.А. Идеи общероссийской гражданской идентичности в посланиях Президента РФ Федеральному собранию: поиск консенсуса // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 201–207.
- Задонский Тихон, Святитель. Собрание сочинений: В 5 т. М., 2008.
- Иохим А.Н. Российская идентичность и гуманитарные ценности: дискурс-анализ: Монография. М., 2020.
- Истамгалин Р.С. Российское общество в поисках социального идеала (опыт историко-философской рефлексии). М., 2011.
- Князева С.Е. Свобода в либеральном прочтении или почему россияне не любят либералов // Проблемы социальной справедливости и современность / Ред. О.В. Козлова, А.В. Седов, О.Ю. Солодянкина. Череповец, 2014. С. 120–130.
- Ковалева С.В., Мастеров Д.В. Либеральная идеология как деструктивный фактор социального развития // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 12. С. 73–77.
- Когатько Д.Г. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика. СПб., 2010.
- Козин Н.Г. Россия. Что это? В поисках идентификационных сущностей. М., 2012.
- Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.07.2021).
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1990.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
- Маслобоева О.Д. Исконные ценности России в философской рефлексии // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 2. С. 171–190.
- Мельникова Л.В. Российская социокультурная идентичность в исторической перспективе. Ростов, 2012.
- Мирзоян Г.В. Российская национальная идентичность: основные факторы ее образования. М., 2015.
- Миронов В.В., Моцелков Е.Н., Аласания К.Ю., Дряева Э.Д., Никандров А.В., Туманов С.В. Национальные ценности России: исторические традиции // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. № 5–6. С. 14–28.
- Павлова Т.П. Базовые ценности современной России: философская рефлексия // Труды СПбГИК. 2015. Т. 206. С. 101–108.
- Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995.
- Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
- Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007.

Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22.

Перевезенцев С.В. Родство по истории. Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015.

Перевезенцев С.В. “По устройению дедню и отню”: К вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 243–254.

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2019.

Перевезенцев С.В. К вопросу о религиозном факторе в политике // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 154–170.

Перевезенцев С.В., Шириняни А.А. Страницы русского “хранительства”: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2016. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781>

Перевезенцев С.В., Шириняни А.А. Очерки истории русского хранительства. М., 2021.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. М., 1981.

Попов М.Е. Российская идентичность: векторы развития в контексте национальной безопасности. Ставрополь, 2009.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Пучнина О.Е. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: В.В. Розанов. М., 2018.

Рассади́на Т.А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М., 2004.

Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 33–39.

Романовская Е.В. Проблемы традиционализма в рамках историко-философского дискурса // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 4. С. 393–397.

Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.

Рыжова С.В. О социокультурных основаниях российской идентичности // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 188–194.

Селиванов А.И. Ценностно-целевые “культурные матрицы” россиян как необходимое основание стратегического планирования и прогнозирования // Власть. 2020. Т. 28. № 6. С. 305–308.

Сказание о князьях Владимирских // БЛДР. Т. 9. СПб., 2000. С. 278–289.

Скоробогатько А.В. Общественный идеал в русской философии: Монография. СПб., 2003.

“Слово о Законе и Благодати” митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 26–61.

Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. М., 1985.

Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М., 2016.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 31.07.2021).

Страхов А.Б. “О начале славяно-русского народа”: происхождение русской цивилизации в представлениях отечественных мыслителей XVI–XVII веков // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 437–443.

Сургуладзе В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика: Монография. М., 2019.

Татищев В.Н. Избранные произведения. М., 1979.

Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М., 2008.

Тимошина Н.В. Понимание русской (российской) идентичности в XX–XXI веках. Ульяновск, 2019.

Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 1. С. 6–30.

Тишков В.А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа. СПб., 2010.

Тойнби А.Дж. Исследование истории: В 3 т. / Вступ. ст. и коммент. К.Я. Кожурина. СПб., 2006.

Трофимов А.В. Либеральная концепция российской истории // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 3. С. 11–19.

Тыртова (Шакирова) А.А. Традиционализм как феномен современной общественной мысли // SCHOLA-2017: политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2017. С. 538–541.

Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. М., 1994.

Хранители России. Антология. Т. 1. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. М., 2015.

Хранители России. Антология. Т. 2. XVIII в. / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2015.

Хранители России. Антология. Т. 3. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М., 2016.

Хранители России. Антология. Т. 4. 1800–1850 гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. М., 2016.

Хранители России. Антология. Т. 5. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2018.

Хранители России. Антология. Т. 6. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М., 2018.

Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме (Начало) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 27–49.

Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.

Шебзухова Т.А., Бондаренко Н.Г., Бабаян И.Р., Чирков А.Н. Традиция как механизм социальной трансляции ценностей: Монография. М., 2015.

Ширинянец А.А. Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 92–95.

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

Щипков А.В. Концепт традиции в российском идеологическом пространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5. С. 344–345.

Щипков А.В. Переосмысление феномена традиции в современных социогуманитарных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 3. С. 38–43.

REFERENCES

Aksakov K.S. О русской истории [About Russian history] / Полное собрание сочинений К. С. Аксакова. Vol. 1. М. 1889 (in Russian).

Alibegilov Sh.A. Концептуализация понятиja политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России [The concept of Political Identity in the context of Russia's Civilization Identity] // *Vlast'*. 2016. Vol. 24. N 11. P. 100–105 (in Russian).

Amin S. Virus либерализма: перманентная война и американизация мира [The liberal virus: permanent war and Americanization of the world]. М., 2007 (in Russian).

Anderson K.M., Bojcova O.Ju., Gorohov A.A., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezentsev S.V., Prokudin B.A., Puchnina O.E., Chanyshhev A.A., Shirinyants A.A. Aktual'nye voprosy istorii social'no-politicheskikh uchenij i politicheskoy tekstologii: materialy kruglogo stola [Topical issues of the history of socio-political doctrines and political textual study: materials from a Moscow university round table] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2016. N 4. P. 91–127 (in Russian).

Anderson K.M., Bojcova O.Ju., Varhotova V.A., Voloshin A.I., Gutorov V.A., Ermashov D.V., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezentsev S.V., Prokudin B.A., Setov N.R., Sorokopudova O.E., Chanyshhev A.A., Shirinyants A.A. Politicheskaja tekstologija kak nauka i uchebnaja disciplina: materialy kruglogo stola [Political textology as a scholarly and educational discipline: round table discussion] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2014. N 4. P. 110–136 (in Russian).

Berdyaev N.A. Duhovnye osnovy russkoj revoljucii [Spirits of the Russian revolution] / Berdyaev N.A. Sbornik sochinenij. Vol. 4. Paris, 1990 (in Russian).

Bilaonova M.Ju. Problema ideala kak obshhestvennoj cennosti i ee otrazhenie v russkoj filosofii [The problem of the ideal as a social value and its reflection in Russian philosophy]. Yoshkar-Ola, 2005 (in Russian).

Chelischev V.I. Liberalizm — neoliberalizm — rynochnyj fundamentalizm: ot koncepcii svobody k totalitarnoj dogme (nachalo) [Liberalism — Neoliberalism — Market fundamentalism: from the concept of freedom to the totalitarian dogma] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija*. 2015. N 4. P. 27–49 (in Russian).

Chicherin B.N. Neskol'ko sovremennykh voprosov [Several contemporary questions]. М., 1862 (in Russian).

Danilevskiy N.Ja. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. SPb., 1995 (in Russian).

Deneen P.J. Why liberalism failed. New Haven; Yale, 2018.

Denisov Ju.P. Fenomen identichnosti i politicheskie tehnologii ee formirovanija [The phenomenon of identity and political technology of its formation] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 2020. Vol. 7. N 1. P. 103–113 (in Russian).

Evseeva M.A. Idei obshherossijskoj grazhdanskoj identichnosti v poslanijah Prezidenta RF Federal'nomu sobraniju: poisk konsensusa [Ideas of the Russia's civil identity in the Presidential address to the Federal Assembly of the Russian Federation: the research for consensus] // *Vlast'*. 2020. Vol. 28. N 6. P. 201–207 (in Russian).

- Gadzhiev K.S.* Krizis ili zakat liberalizma? [The crisis or a sunset of liberalism?] // *Vlast'*. 2017. T. 25. N 3. P. 7–17 (in Russian).
- Gutorov V.A., Shirinyants A.A.* O novom “istoricheskom prochtenii” liberal’noj tradicii [On the new “historical reading” of the liberal tradition] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. 2021. N 74. P. 398–406 (in Russian).
- Hraniteli Rossii. Antologija. Vol. 1. XI–XVII vv.* [The Hraniteli of Russia. Vol. 1. The 11th–17th centuries] / Pod red. S.V. Perevezentseva. M., 2015 (in Russian).
- Hraniteli Rossii. Antologija. Vol. 2. XVIII v.* [The Hraniteli of Russia. Vol. 2. The 18th century] / Pod red. A.A. Shirinyantsa, S.V. Perevezentseva. M., 2015 (in Russian).
- Hraniteli Rossii. Antologija. Vol. 3. 1800–1850 gg.* [The Hraniteli of Russia. Vol. 3. 1800–1850] / Pod red. A.Ju. Minakova, S.V. Perevezentseva, A.A. Shirinyantsa. M., 2016 (in Russian).
- Hraniteli Rossii. Antologija. Vol. 4. 1800–1850 gg.* [The Hraniteli of Russia. Vol. 4. 1800–1850] / Pod red. S.V. Perevezentseva, A.A. Shirinyantsa. M., 2016 (in Russian).
- Hraniteli Rossii. Antologija. Vol. 5. 1840-e — nachalo 1860-h gg.* [The Hraniteli of Russia. Vol. 5. 1840s — early 1860s] / Pod red. A.A. Shirinyantsa, S.V. Perevezentseva. M., 2018 (in Russian).
- Hraniteli Rossii. Antologija. Vol. 6. 1840-e — nachalo 1860-h gg.* [The Hraniteli of Russia. Vol. 5. 1840s — early 1860s] / Pod red. A.A. Shirinyantsa, S.V. Perevezentseva. M., 2018 (in Russian).
- Iohim A.N.* Rossijskaja identichnost’ i gumanitarnye cennosti: diskurs-analiz: monografija [The Russian identity and humanitarian values: discourse-analysis: monograph]. M., 2020 (in Russian).
- Istamgalin R.S.* Rossijskoe obshhestvo v poiskah social’nogo ideala (opyt istoriko-filosofskoj refleksii) [Russian society in search of social ideal (the experience of historical and philosophical reflection)]. M., 2011 (in Russian).
- Khomyakov A.S.* Sochinenija: V 2 t [Works: in 2 volumes]. M., 1994 (in Russian).
- Knjazeva S.E.* Svoboda v liberal’nom prochtenii ili pochemu rossijane ne ljubjat liberalov [Freedom in liberal reading or why Russians dislike liberals] // *Problemy social’noj spravedlivosti i sovremennost’* / Red. O.V. Kozlova, A.V. Sedov, O.Ju. Solodjankina. Cherepovec, 2014. P. 120–130 (in Russian).
- Kogat’ko D.G.* Rossijskaja identichnost’: kul’turno-civilizacionnaja specifika [Russian Identity: cultural and civilizational specificity]. SPb., 2010 (in Russian).
- Konstitucija Rossijskoj Federacii: [prinjata vsenarodnym golosovanijem 12 dekabnja 1993 g. s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01 ijulja 2020 g.] [The Constitution of the Russian Federation] // Oficial’nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 05.07.2021) (in Russian).
- Kovaleva S.V., Masterov D.V.* Liberal’naja ideologija kak destruktivnyj faktor social’nogo razvitija [Liberal ideology as a destructive factor in social development] // *Evrazijskij Sojuz Uchenyh.* 2015. N 12. P. 73–77 (in Russian).
- Kozin N.G.* Rossija. Chto jeto? V poiskah identifikacionnyh sushhnostej [Russia. What is it? In search of identities]. M., 2012 (in Russian).
- Leont’ev K.N.* Vostok, Rossija i Slavjanstvo: Filosofskaja i politicheskaja publicistika. Duhovnaja proza (1872–1891) [East, Russia and the Slavs: A philosophical and political journalism. The spiritual prose (1872–1891)]. M., 1996 (in Russian).
- Losev A.F.* Dialektika mifa [The Dialectics of Myth]. M., 1990 (in Russian).
- Malinova O.Ju.* Aktual’noe proshloe: simvolicheskaja politika vlastvujushhej jelity i dilemmy rossijskoj identichnosti [The usable past: Symbolic politics of the governing elites and dilemmas of the Russian Identity]. M., 2015 (in Russian).

Masloboeva O.D. Iskonnye cennosti Rossii v filosofskoj refleksii [Native values of Russia in philosophical reflection] // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. N 2. P. 171–190 (in Russian).

Mel'nikova L.V. Rossijskaja sociokul'turnaja identichnost' v istoricheskoj perspective [Russian Sociocultural Identity in a historical perspective]. Rostov, 2012 (in Russian).

Mironov V.V., Moschelkov E.N., Alasania K.Yu., Dryaeva E.D., Nikandrov A.V., Tumanov S.V. Nacional'nye cennosti Rossii: istoricheskie tradicii [National values of Russia: Historical traditions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija. 2019. N 5–6. P. 14–28 (in Russian).

Mirzozjan G.V. Rossijskaja nacional'naja identichnost': osnovnye faktory ee obrazovaniya [Russian National Identity: the main factors of its formation]. M., 2015 (in Russian).

Panarin A.S. Pravoslavnaja civilizacija v global'nom mire [Orthodox civilization in the global world]. M., 2003 (in Russian).

Panarin A.S. Rossija v civilizacionnom processe [Russia in the civilizational process]. M., 1995 (in Russian).

Pavlova T.P. Bazovye cennosti sovremennoj Rossii: filosofskaja refleksija [Basic values of modern Russia: philosophical reflection] // Trudy SPBGIK. Vol. 2006. 2015. P. 101–108 (in Russian).

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence of Tsar Ivan Groznyi with Prince Andrey Kurbsky] / Podg. teksta Ja.S. Luže i Ju.D. Rykova. M., 1981 (in Russian).

Perevezentsev S.V. Russkij vybor: Oчерki nacional'nogo samosoznaniya [Russian choice: Essays on National Identity]. M., 2007 (in Russian).

Perevezentsev S.V. K voprosu o specifikе russkoj politicheskoy mysli XI–XVII vv. [On the question of specifics of Russian political thought of the 12th–17th centuries] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2008. N 4. P. 11–22 (in Russian).

Perevezentsev S.V. Rodstvo po istorii. Stat'i. Oчерki. Besedy [Kinship based on history. Articles. Essays. Conversations]. M., 2015 (in Russian).

Perevezentsev S.V. “Po ustroeniju dednju i otnju”: K voprosu o znachenii tradicionalizma v russkoj istorii [On the question of the meaning of traditionalism in Russian history] // Tetradi po konservatizmu [Essays on conservatism]. 2018. N 1. P. 243–254 (in Russian).

Perevezentsev S.V. Russkie smysly: Duhovno-politicheskie ucheniya Rossii X–XVII vv. v ih istoricheskom razvitii [Russian Senses: Spiritual and Political Doctrines of Russia in the 10th–17th centuries in their historical development]. M., 2019 (in Russian).

Perevezentsev S.V. K voprosu o religioznom faktore v politike [On the question of the religious factor in politics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2021. Vol. 27. N 2. P. 154–170 (in Russian).

Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A. Stranicy russkogo “hranitel'stva”: literatura i politika [Pages of history of the Russian “Hranitel'stvo”: literature and politics] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Jelektronnyj zhurnal) [Online journal]. 2016. N 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781> (in Russian).

Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A. Oчерki istorii russkogo hranitel'stva [Essays on the history of Russian “Hranitel'stvo”]. M., 2021 (in Russian).

Popov M.E. Rossijskaja identichnost': vektory razvitija v kontekste nacional'noj bezopasnosti [Russian Identity: vectors of development in the context of national security]. Stavropol', 2009 (in Russian).

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaja letopis' [Laurentian Chronicle]. M., 1997 (in Russian).

Puchnina O.E. Russkaja social'no-politicheskaja mysl' XIX — nachala XX veka: V.V. Rozanov [Russian Social and Political Doctrines of the 19th — the early 20th century: V.V. Rozanov]. M., 2018 (in Russian).

Rashkovskiy E.B. Mnogoznachnyj fenomen identichnosti: arhaika, modern, postmodern... [Many-valued phenomenon of identity: antiquity, modernism, postmodern] // Voprosy filosofii. 2011. N 6. P. 33–39 (in Russian).

Rassadina T.A. Transformacii tradicionnyh russkih cennostej v npravstvennyh orientacijah rossijan [Transformations of Russian values in the moral orientations of Russians]. M., 2004 (in Russian).

Rohrmoser G. Krizis liberalizma [The Crisis of Liberalism] / Per. A.A. Frenkin. M., 1996 (in Russian).

Romanovskaya E.V. Problemy tradicionalizma v ramkah istoriko-filosofskogo diskursa [Problems of Traditionalism in the Framework of Historical and Philosophical Discourse] // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2019. N 4. P. 393–397 (in Russian).

Ryzhova S.V. O sociokul'turnyh osnovanijah rossijskoj identichnosti [About socio-cultural foundations of the Russia's Civil Identity] // Vlast'. 2020. Vol. 28. N 6. P. 188–194 (in Russian).

Selivanov A.I. Cennostno-celevye "kul'turnye matricy" rossijan kak neobhodimoe osnovanie strategicheskogo planirovanija i prognozirovanija [Value-targeted "cultural matrixes" of the Russia's citizens as a necessary basis for strategic planning and forecasting] // Vlast'. 2020. Vol. 28. N 6. P. 305–308 (in Russian).

Shchipkov A.V. Koncept tradicii v rossijskom ideologicheskom prostranstve [The concept of tradition in Russian ideological space] // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2014. N 5. P. 344–345 (in Russian).

Shchipkov A.V. Pereosmyslenie fenomena tradicii v sovremennyh sociogumanitarnyh issledovanijah [Rethinking the phenomenon of Tradition in modern social science and humanities studies] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2017. N 3. P. 38–43 (in Russian).

Shebzuхова T.A., Bondarenko N.G., Babajan I.R., Chirkov A.N. Tradicija kak mehanizm social'noj transljicii cennostej: monografija [Tradition as a mechanism of social transmission of values: monograph]. M., 2015 (in Russian).

Shirinyants A.A. Politicheskaja tekstologija na kafedre istorii social'no-politicheskikh uchenij [Political textology at the Department of History of Social and Political Doctrines] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2016. N 4. P. 92–95 (in Russian).

Skazanie o knjaz'jah Vladimirskih [Legend of the princes of Vladimir] // BLDR. Vol. 9. SPb., 2000. P. 278–289 (in Russian).

Skorobogat'ko A.V. Obshhestvennyj ideal v ruskoj filosofii: monografija [The Social Ideal in Russian Philosophy: Monograph]. SPb., 2003 (in Russian).

"Slovo o Zakone i Blagodati" mitropolita Kievskogo Ilariona ["The Word about Law and Grace" by Metropolitan Hilarion of Kiev] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. Vol. 1. SPb., 1997. P. 26–61 (in Russian).

Sobornoe ulozhenie 1649 goda [Council Code of 1649] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. Vol. 3. M., 1985 (in Russian).

Spengler O. Zakat Evropy [The Decline of the West]. M., 1993 (in Russian).

Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. Rossiya kak gosudarstvo-civilizacija: filosofsko-politicheskij analiz [Russia as a state-civilization: a philosophical-political dimension of the analysis]. M., 2016 (in Russian).

Strakhov A.B. "O nachale slavjano-rossijskogo naroda": Proishozhdenie russkoj civilizacii v predstavlenijah otechestvennyh myslitelej XVI–XVII vekov ["About the Beginning of the Slavic-Russian People": the Views of the Russian Thinkers of the 16–17 Centuries on the Origin of Russian Civilization] // Tetradi po konservatizmu [Essays on conservatism]. 2020. N 3. P. 437–443 (in Russian).

Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [National Security Strategy of the Russian Federation] // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (accessed: 31.07.2021) (in Russian).

Surguladze V.Sh. Politika identichnosti v realijah obespechenija nacional'noj bezopasnosti: strategija, teorija, praktika: monografija [Identity Policy in the Reality of National Security Providing: Strategy, Theory, Practice: Monograph]. M., 2019 (in Russian).

Tatishhev V.N. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. M., 1979 (in Russian).

Tikhonova N.E. Osobennosti identichnostej i mirovozzrenija osnovnyh strat sovremenogo rossijskogo obshhestva [The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society] // Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija. 2020. N 1. P. 6–30 (in Russian).

Timofeev I.N. Politicheskaja identichnost' Rossii v postsovetskij period: al'ternativy i tendencii [Russian Political Identity in the post-Soviet period: alternatives and tendencies]. M., 2008 (in Russian).

Timoshina N.V. Ponimanie russkoj (rossijskoj) identichnosti v XX–XXI vekah [Understanding of Russian Identity in the 20th–21st centuries]. Ul'janovsk, 2019 (in Russian).

Tishkov V.A. Nacional'naja identichnost' i duhovno-kul'turnye cennosti rossijskogo naroda [National identity and spiritual and cultural values of the Russian people]. SPb., 2010 (in Russian).

Toynbee A.J. Issledovanie istorii: V 3 t. [A study of history: in 3 volumes] / Vstup. Stat'ja i kommentarii K.Ja. Kozhurina. SPb., 2006 (in Russian).

Trofimov A.V. Liberal'naja koncepcija rossijskoj istorii [The liberal concept of Russian history] // Istorija i sovremennoe mirovozzrenie. 2020. Vol. 2. N 3. P. 11–19 (in Russian).

Tyrtova (Shakirova) A.A. Tradicionalizm kak fenomen sovremennoj obshhestvennoj mysli [Traditionalism as a phenomenon of modern public thought] // SCHOLA-2017: Politicheskaja tekstologija i istorija idej / Pod red. A.Ju. Shutova, A.A. Shirinyantsa. M., 2017. P. 538–541 (in Russian).

Vidoevich Z. Liberal'nyj totalitarizm [Liberal totalitarianism] // Sociologicheskie issledovanija. 2007. N 12. P. 39–49 (in Russian).

Yanakova V.R. Politicheskaja identichnost': konceptualizacija ponjatija [Political Identity: conceptualization of the notion] // Social'no-politicheskie nauki. 2017. N 5. P. 18–23 (in Russian).

Zadonskij Tihon, Svjatitel'. Sobranie sochinenij: V 5 t [Collected works in 5 volumes]. M., 2008 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-134-156

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье дается анализ социальных детерминант, оказывающих влияние на состояние здоровья в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Автор указывает, что хотя изучение воздействия различных факторов на здоровье общества и индивида достаточно широко представлено в научно-исследовательском дискурсе, тем не менее, в текущей ситуации пандемии данная тема вновь становится актуальной, что обусловлено различиями в уровнях заболеваемости, смертности среди населения стран мира. В этой связи автор, анализируя основные социальные детерминанты здоровья, включая те, которые связаны с проблемой социального неравенства, выделяет факторы, играющие определяющую роль в ситуации распространения новой коронавирусной инфекции. Это: особенности организации и функционирования национальных систем здравоохранения, уровень доступности ресурсов для сохранения своего здоровья, включая доступ к медицинским услугам, уровень информирования населения о рисках нового заболевания, возможностях защиты и профилактики здоровья, степень социального доверия, уровень социальной солидарности, степень цифровой социализации, включающей уровень цифровой грамотности, уровень санитарной грамотности населения, национально-культурные особенности, оказывающие влияние на степень комплаентности индивида, включая восприятие профилактических мер, в частности, вакцинирование. По мнению автора, данные факторы включают как объективные, так и субъективные особенности. Тем не менее, очевидно, что в условиях такого экзистенциального кризиса, каковым можно считать ситуацию, сложившуюся вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции, здоровье индивида и общества превращается в феномен социального конструирования, в основе которого лежат факторы внешнего влияния.

Ключевые слова: здоровье как социальный феномен, факторы, детерминирующие здоровье, пандемия новой коронавирусной инфекции.

* Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

SOCIAL INEQUALITY AND HEALTH: THE HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL STUDY

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article examines social determinants, which affect health under the context of the spread of a new coronavirus infection. The author points out that the study of the impact of various factors on the health of society and individual has been quite widely represented in scientific research discourse. There are also different classifications of them. However, in the current situation of a pandemic, this question is again actual because of the differences in the levels of morbidity and mortality among the population around the world. In this regard, based on the analysis of the main social determinants of health, the author defines the factors, which play a determining role in the spread of the new coronavirus infection. They are the following: the features of the organization and functioning of national health systems; the possibility of protecting and preventing health; the degree of social trust; the level of social solidarity; the degree of digital socialization, including the level of digital literacy; the level of health literacy of the population, national and cultural characteristics, which affect a compliance, the perception of preventive measures, in particular, vaccination. According to the author, these factors include both objective and subjective characteristics. But, no less that under the conditions of such a phenomenon, how can one characterize the situation, the current system of a pandemic of a new coronavirus infection, the health of an individual and society turns into a phenomenon of social construction, the mechanism of which is based on factors of external influence.

Key words: health as a social phenomenon, factors that determine health, pandemic of a new coronavirus infection.

Пандемия новой коронавирусной инфекции стала глобальным вызовом в новейшей истории человечества. Начавшись в декабре 2019 г. в китайском городе Ухань, эпидемия коронавируса уже к началу весны 2020 г. “перешла границы”, став настоящим бедствием для многих стран на разных континентах. По данным мониторинга Всемирной организации здравоохранения, по состоянию на 27 июня 2021 г. всего в мире выявлено 181 732 108 случаев заболевания коронавирусом, среди которых 166 239 182 человек — выздоровевших, 3 936 216 умерших, 11 556 710 еще остаются в статусе зараженных¹. В топ-лист стран, среди населения которых насчитывается наибольшее число пострадавших (включая общее количество летальных исходов), вошли такие государства, как США, Индия, Бразилия².

Из анализа данных статистики заболеваемости новой коронавирусной инфекцией по странам очевидны различия и в численности

¹ World Health Organization. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard Overview Data Table. URL: <https://covid19.who.int/> (accessed: 27.06.2021).

² Ibid.

заболевших и выздоровевших, и в уровне смертности. Так, при достаточно высоком уровне распространения заболевания в Бразилии и США соотношение случаев летальных исходов к общему числу заболевших там не превысило 2,8 и 1,8%, соответственно, в то время, как в Перу, Мексике при значительно меньшем числе заболевших уровень смертности составляет более 9%³.

Закономерно возникает вопрос о причинах этих различий. В этой связи в научном и публичном дискурсе актуализировалась тема обусловленности здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции.

Как известно, для обозначения факторов, оказывающих влияние на здоровье индивида и общества, исследователями применяется термин “детерминанты здоровья”. Согласно определению английских исследователей М. Уайтхед и Дж. Дальгрена, основные детерминанты здоровья представляют совокупность факторов, формирующих среду человека на разных уровнях: на микроуровне — это индивидуальные характеристики: пол, возраст, телосложение, наследственность; на мезоуровне — это влияние социального капитала (социальные и общественные связи), социально-экономических условий жизнедеятельности; и на макроуровне — средовые факторы, включая экологическую обстановку⁴.

Наряду с данным подходом детерминанты здоровья также различают в зависимости от природы их возникновения (на эндогенные (имеющие биологическую природу как порождаемые внутренним состоянием организма) и экзогенные (социально-экономические, средовые, экологические)) и степени управляемости. Если эндогенные факторы имеют объективный характер, то экзогенные, как отмечает российский социолог Н.Г. Осипова, “оказывая прямое воздействие на общественное здоровье, формируются под влиянием и в процессе жизнедеятельности людей, поэтому являются социально конструируемыми”⁵.

Также исследователи, фиксируя различия в воздействии на состояние здоровья, выделяют факторы здоровья и факторы риска⁶. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения,

³ Ibid.

⁴ Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health. Stockholm, 1991.

⁵ Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 124.

⁶ Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Монография. Вологда, 2010. С. 104, 124–125.

под понятием риска здоровью подразумеваются факторы, повышающие вероятность неблагоприятных последствий для здоровья⁷. К ним относятся биологические, химические, физические, психические и социальные условия.

По мнению канадского исследователя Д. Оффорда, степень воздействия негативных факторов на здоровье различна по странам и социальным группам, на основании чего их можно разделить на неизменные или “фиксированные”, переменные и причинные⁸. Например, возраст рассматривается как объективный, независимый, эндогенный фактор, обусловленный биологической природой. Однако в зависимости от влияния других условий, социальных, экономических или экологических, возраст может стать как причиной возникновения угрозы здоровью, так и, наоборот, не оказывать значительного воздействия на его состояние, выступая как переменный маркер.

По мнению ряда ученых, в современном социуме существенным становится воздействие экологических факторов риска здоровья, которые способны “активировать” и усиливать роль других негативных причин, например, генетических заболеваний⁹.

Наряду с экологическими факторами риска здоровью для современного социума с повышенным уровнем нестабильности и риска особую актуальность приобретают различного рода стрессоры, оказывающие негативное воздействие на состояние психического здоровья человека¹⁰.

В целом, согласно классификации, разработанной экспертами Всемирной организации здравоохранения, на состояние здоровья оказывают влияние четыре группы факторов:

- 1) генетические (наследственные);
- 2) образ жизни;
- 3) доступность медицинских услуг;
- 4) состояние окружающей среды¹¹.

Рассматривая здоровье как комплексный феномен, формирующийся в процессе взаимодействия человека и окружающей его среды

⁷ Global health risks: mortality and burden of disease attributable to selected major risks. WHO. Geneva, 2015. P. 5.

⁸ Offord D.R., Kraemer H. Risk factors and prevention // Evidence-Based Mental Health. 2000. N 3. P. 70–71.

⁹ Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М. Статистический анализ влияния факторов риска на ухудшение общественного здоровья // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 112.

¹⁰ Психология здоровья: новое научное направление / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2003. С. 31–37.

¹¹ Solar O., Irwin A. A conceptual framework for action on the social determinants of health. Geneva, 2007.

обитания, ученые указывают на связанность всех факторов, участвующих в этом процессе. Так, отношение индивида к своему здоровью является не только отражением его субъективного восприятия, но и формируется под влиянием моделей поведения и установок референтных ему групп, например, семьи, друзей. В то же время и личный опыт, и социальный капитал, в рамках терминологии П. Бурдьё, есть результат воздействия габитуса, который, в свою очередь, отражает особенности общества, его культуры, социально-экономического статуса индивида.

Наряду с этим, рассматривая здоровье не только как комплексную характеристику, но и динамичную конструкцию, следует иметь в виду, что оно подвержено влиянию различных факторов в зависимости от этапов и особенностей развития общества и индивида, отражая их характерные черты в конкретный исторический период. Так, если до первой половины XX столетия ключевым фактором, оказывающим прежде всего негативное влияние, по мнению экспертов, были инфекции, порождаемые как антисанитарными условиями жизни, так и самой средой обитания, то со второй половины прошлого века в процессе улучшения качества жизни, сопровождаемого бурным ростом технологий, мобильности, становлением глобального социума, на “приоритетных позициях” оказались так называемые социальные детерминанты здоровья.

Анализ представленных в литературе определений социальных детерминант здоровья показывает неоднозначность позиций исследователей при их трактовке, что позволило провести типологизацию существующих точек зрения и выделить следующие подходы:

- а) интегративный¹²;
- 2) социально-психологический¹³;
- 3) социально-экономический¹⁴;
- 4) психологический¹⁵;
- 5) средовой¹⁶;

¹² *Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health. Stockholm, 1991.*

¹³ *Brunner E., Marmot M. Social organization, stress, and health // Social Determinants of Health / Ed. by M. Marmot, R.G. Wilkinson. Oxford, 1999.*

¹⁴ *Raphael D. Social determinants of health: Canadian perspectives. Toronto, 2009.*

¹⁵ *Najman J.M. A general model of the social origins of health and wellbeing // The Social Origins of Health and Well-Being / Ed. by R. Eckersley, J. Dixon, B. Douglas. Cambridge, 2001. P. 73–82.*

¹⁶ *Hamilton P. The environment & social stress in a traditionally oriented aboriginal society // Cultures in Collision, Australian National Association for Mental Health. Adelaide, 1975.*

- 6) поведенческий¹⁷;
- 7) концепция жизненных шансов¹⁸;
- 8) социокультурный¹⁹.

В рамках каждого из указанных подходов исследователи выделяют наиболее значимые в аспекте влияния на здоровье социальные факторы. Например, в рамках социально-экономической концепции особое внимание уделяется уровню дохода. С позиции социально-психологического подхода наибольшее значение имеет уровень психологического комфорта. Социокультурная теория обращает внимание на значимость вероисповедования, обычаев, ценностных ориентаций как определяющих паттерны поведения в сфере здоровья. В рамках средового подхода указывается важность жилищных условий, условий труда, социального окружения, состояния окружающей среды²⁰. Концепция жизненных шансов предлагает в качестве ключевой детерминанты здоровья субъективные особенности поведения в отношении здоровья, определяемые существующими условиями жизни и деятельности индивида. С позиции поведенческого подхода особую значимость приобретает отношение индивида к своему здоровью, что находит отражение в выборе той или иной стратегии в поведении в сфере здоровья, формируя самосохранительную или деструктивную модели²¹. Так, по мнению исследователей, среди базовых факторов здоровья наибольшее значение имеют условия и образ жизни (50–57%)²².

¹⁷ Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986; Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М., 2006.

¹⁸ Cockerham W.C. Health lifestyle theory // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory / Ed. by B.S. Turner. N.Y., 2017.

¹⁹ Смолина Т.Л., Мельникова А.А. Представления о здоровье: специфика культурной детерминации // Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде / Под науч. ред. В.М. Голянича. СПб., 2019. С. 263–280; Клейман А. Понятия и модель для сравнения медицинских систем как культурных систем // Социология власти. 2016. Т. 28 (1). С. 208–232.

²⁰ Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И. и др. Общественное здоровье и экономика / Отв. ред. Б.Б. Прохоров. М., 2007.

²¹ Кашуркина С.С. Самосохранительное поведение детей и молодежи как социальная проблема. Казань, 2006; Назарова И.Б. Здоровье занятого населения: Монография. М., 2007; Сочнев А.В. Поведенческие факторы здоровья молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 113–117.

²² Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М., 2010; Donkin A., Goldblatt P., Allen J. Global action on social determinants of health // British Medical Journal. 2017. N 4.

В целом, несмотря на имеющиеся различия в рассмотренных подходах к определению тех или иных причин, оказывающих воздействие на здоровье, все они определяют здоровье как социальный конструкт, результат влияния в первую очередь социальных, а не биологических факторов. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, под социальными детерминантами здоровья понимаются “условия, при которых люди рождаются, растут, живут, работают и стареют, включая систему здравоохранения”²³.

Глобальные исследования воздействия социальных детерминант на здоровье индивида, проведенные в первом десятилетии XXI в. под эгидой Всемирной организации здравоохранения, дали основания считать, что те же факторы, варьируемые в зависимости от социально-экономической и политической конъюнктуры в разных государствах или при сравнении социальных групп внутри одной страны, лежат в основе социального неравенства в отношении здоровья, поскольку они по-разному распределены в обществе²⁴. По результатам исследований, проведенных по инициативе Всемирной организации здравоохранения в разных странах в начале XXI в., были выделены следующие факторы, оказывающие определяющую роль при формировании социального неравенства в отношении здоровья: социально-экономические условия (доход, образование, профессия, профессиональная и жилищная среда); глобализация; структурообразующие факторы (неэффективные социальные мероприятия и программы, несправедливые экономические механизмы и нездоровый политический климат); неравномерное распределение медицинской помощи; состояние окружающей среды²⁵.

Влияние указанных факторов также различно и обусловлено конкретными условиями функционирования и развития данного общества и государства, что позволяет выделить несколько подходов к их классификации:

а) институциональный, в рамках которого в качестве основного источника социального неравенства в сфере здоровья рассматрива-

²³ *Wilkinson R., Marmot M. Social determinants of health: the solid facts. Copenhagen, 2003.*

²⁴ *Mackenbach J., Bos V., Andersen O., et al. Widening socioeconomic inequalities in mortality in six Western European countries // International Journal of Epidemiology. 2003. Vol. 32. P. 830–837; Graham H. Social determinants and their unequal distribution: clarifying policy understandings // The Milbank Quarterly. 2004. Vol. 82. N 1. P. 101–124.*

²⁵ *World Health Organization. Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. URL: http://www.who.int/social_determinants/thecommission/finalreport/en/ (accessed: 02.05.2021).*

ется роль отдельных институтов общества, включая здравоохранение²⁶;

б) стратификационный подход, согласно которому социальная стратификация является базовой причиной витального неравенства, так как имеет комплексное и множественное воздействие на состояние здоровья индивида в течение всей его жизни, определяя дифференцированное воздействие рисков на здоровье индивида и уровень доступности необходимых для сохранения здоровья ресурсов²⁷;

в) ресурсный подход, в рамках которого в качестве основной причины рассматривается доступность индивиду различных ресурсов для реализации своего потенциала в отношении здоровья²⁸;

г) культурно-поведенческий, согласно которому ключевым фактором становится поведение, формируемое на основе отношения к своему здоровью и под влиянием принимаемых индивидом культурных паттернов²⁹;

д) психосоциальный подход, согласно которому главным фактором различий в уровне здоровья выступает стресс: сильные эмоциональные переживания могут возникать как ответная реакция при переживании существующих материальных проблем, из-за отсутствия социальной поддержки, ограниченности личностной автономии в профессиональной сфере и других жизненных обстоятельств³⁰;

²⁶ Baru R.V., Mohan M. Globalization and neoliberalism as structural drivers of health inequities // Health Resource and Policy System. 2018. N 9. P. 16–91; Mooney G. Neoliberalism is bad for our health // International Journal of Health Service. 2012. N 2 (3). P. 383–401; Navarro V. Neoliberalism and its consequences: the world health situation since Alma Ata // Global Social Policy. 2008. N 8 (2). P. 152–155; Vågerö D. Do health inequalities persist in the new global order? A European perspective // Inequalities of the World: [new theoretical frameworks, multiple empirical approaches]. L., 2006. P. 61–92; Курбанов А.Р., Лядова А.В. Здравоохранение Бразилии: трудный путь к преодолению неравенства // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 56–68; Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть — XXI век. 2018. № 5–6. С. 1–12; Язбек Абдо С. Борьба с неравенством в здравоохранении: синтез опыта и инструментов. М., 2010.

²⁷ Marmot M. et al. Fair society, healthy lives: strategic review of health inequalities in England Post 2010 // The Marmot Review. 2010. N 3.

²⁸ Christopher B., McLeod C., Hall P., Siddiqi A., Hertzman C. How society shapes the health gradient: work-related health inequalities in a comparative perspective // The Annual Review of Public Health. 2012. N 33. P. 59–73; Willson A. Fundamental causes' of health disparities: a comparative analysis of Canada and the United States // International Sociology. 2009. Vol. 24. N 1. P. 93–113.

²⁹ Morrison H., Power T.G., Nicklas T., Hughes S.O. Exploring the effects of maternal eating patterns on maternal feeding and child eating // Appetite. 2013. Vol. 63. N 1. P. 77–83.

³⁰ Siegrist J., Marmot M. Health inequalities and the psychosocial environment — two scientific challenges // Social Science & Medicine. 2004. N 58. P. 1463–1473.

е) инвайронментальный подход, в рамках которого подчеркивается, что в современном мире усиливается степень влияния экологических детерминант³¹; так, согласно результатам изучения социального неравенства в отношении здоровья в странах Европейского Союза, около 20% выявленных различий обусловлены именно влиянием экологических условий (уровень загрязнения воздуха, отсутствие зеленых насаждений)³².

В целом, из анализа представленных подходов становится очевидно, что предложенные ранее концепции, в рамках которых обосновывается приоритетность среди социальных детерминант здоровья образа жизни индивида, на современном этапе функционирования социума, особенно в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, требуют уточнения.

Анализ статистических данных распространения новой коронавирусной инфекции в мире, исследований о ситуации в связи с пандемией в разных странах, на наш взгляд, позволяет выявить следующие приоритетные социальные факторы, оказывавшие влияние на состояние здоровья в текущей ситуации: а) особенности организации и функционирования национальных систем здравоохранения, б) уровень доступности ресурсов для сохранения своего здоровья, включая доступ к медицинским услугам, в) уровень информирования населения о рисках нового заболевания, возможностях защиты и профилактики здоровья, г) степень социального доверия, д) уровень социальной солидарности, е) степень цифровой социализации, включающей уровень цифровой грамотности, ж) уровень санитарной грамотности населения, з) национально-культурные особенности, оказывающие влияние на степень комплаентности индивида, включая восприятие профилактических мер, в частности, вакцинирование.

Анализ статистики распространения коронавирусной инфекции в разных странах показывает, что степень распространения вируса является отражением особенностей (сильных и слабых сторон) национальных систем здравоохранения, для которых пандемия, действительно, стала серьезным испытанием.

Очевидно, что в текущих условиях массового распространения ранее неизученной болезни наличие системы охраны здоровья,

³¹ Jackson R., Dannenberg A., Frumkin H. Health and the built environment: 10 years after // *American Journal of Public Health*. 2013. Sept. N 103 (9). P. 1542–1544; Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // *Экология и промышленность России*. 2017. Т. 21. № 10. С. 55–61.

³² Healthy environments: why do they matter, and what can we do? Geneva, 2019.

предлагающей всеобщий охват населения медицинской помощью, что подразумевает обеспечение персоналом и коечным фондом, высокий уровень оснащённости самих клиник, в том числе, внедрение цифровых услуг (телемедицины), что позволяет проводить точное картирование эпидемиологической ситуации в целях прогнозирования и своевременного принятия превентивных мер, даёт явные преимущества тем государствам, в которых национальное здравоохранение функционирует по данному принципу.

В этой связи заслуживают внимания примеры Германии и России. Становление страховой медицины в Германии связано с именем канцлера Германии Отто фон Бисмарка и проведенными под его руководством в 1880-х гг. социальными преобразованиями (1883 г. — “Закон о страховании рабочих на случай болезни” (нем. “Gesetz betreffend die Krankenversicherung der Arbeiter”)), согласно которым работники большинства предприятий в случае травм на производстве или при развитии профессионального заболевания получали страховые выплаты по нетрудоспособности, финансирование которых осуществлялось совместно как из взносов самих трудящихся, так и их работодателей. Безусловно, современная система здравоохранения Германии претерпела определенные изменения с тех времен, однако суть ее осталась прежней: страхование как источник финансирования. В современной Германии национальная система здравоохранения является всеобщей, что обеспечивает возможность охвата всего населения медицинской помощью. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по состоянию на 2019 г. практически 98% населения Германии покрыто системой медицинского страхования³³. Необходимость обслуживания такого числа потребителей медицинских услуг требует соответствующего уровня обеспеченности системы и ее оснащённости. Поэтому в Германии достаточно высоки расходы на здравоохранение на душу населения по сравнению с другими странами Европейского Союза. Однако это позволяет государству обеспечивать потребности своих граждан. Так, по показателям обеспеченности медицинскими кадрами и госпитальным фондом Германия лидирует по сравнению с другими европейскими странами такими, как Италия, Франция, Испания. Также следует обратить внимание на организацию системы управления в сфере охраны здоровья, которая имеет трехчленную структуру: на федеральном уровне Министерство здравоохранения отвечает за разработку законов, основных принципов и правил оказания помощи населению; в землях соответствующие структуры

³³ European observatory on health systems and policies, Germany: country health profile 2019. P.; Brussels, 2019.

занимаются вопросами планирования и распределения финансов; органы самоуправления, формируемые из участников страховых касс и непосредственно представителей поставщиков медицинских услуг, учитывают потребности данной группы и территории при распределении средств и ресурсов. Также следует отметить настойчивость Германии на пути к цифровизации здравоохранения, в частности, создание сети электронных медицинских карт и баз данных, внедрение телемедицины для мониторинга состояния больных с хроническими заболеваниями.

В России основы национальной системы здравоохранения были заложены еще в начале XX в. в результате реформирования после революции 1917 г. существовавшей в Российской империи системы социального страхования по модели, разработанной Н. Семашко, основанной на принципах всеобщности, равенства, общедоступности, универсальности, которые закреплены и в действующем Законе “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 21.11.2011 N 323–ФЗ³⁴. Несмотря на активную коммерциализацию российской сферы здравоохранения и внедрение рыночных основ в ее функционирование, в рамках системы обязательного медицинского страхования население обеспечено на бесплатной основе достаточно широким перечнем медицинских услуг, в том числе и высокотехнологичных. В целом, несмотря на имеющиеся недостатки в работе действующей системы здравоохранения в России, она покрывает потребности граждан по поддержанию и сохранению их здоровья. И ситуация с пандемией убедительно это показывает. Как отметил в своем выступлении Президент Российской Федерации В.В. Путин, “наша система может гораздо лучше мобилизоваться для решения общенациональных задач... это касается и лекарственных препаратов, и техники”³⁵.

Очевидно, что в условиях пандемии коронавируса социальная страховая система организации охраны и профилактики здоровья населения дает Германии и России явные преимущества по сравнению с европейскими “соседями”.

Особенно этот контраст отмечается при сопоставлении с Италией, где, как видно по данным ВОЗ, ситуация с распространением коронавируса в 2020 г. оказалась гораздо более критичной. В отличие

³⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323–ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”; Здравоохранение: современное состояние и возможные сценарии развития. М., 2017.

³⁵ Российская газета. 2020.02.11. URL: <https://rg.ru/2020/11/02/putin-sravnil-effektivnost-rossijskoj-sistemy-zdravoohraneniia-s-inostrannymi.html> (дата обращения: 15.05.2021).

от Германии, система здравоохранения Италии субсидируется государством. Созданная в 1978 г. Национальная служба здравоохранения Италии, Servizio Sanitario Nazionale, так же как и классический английский вариант государственной модели здравоохранения в рамках проекта, предложенного в 1942 г. бароном У. Бевериджем, была основана на принципе равенства каждого в охране своего здоровья. Однако дальнейшее развитие обусловило ее специфику. Итальянская система здравоохранения хотя и имеет преимущественно государственную основу финансирования, тем не менее, характеризуется децентрализацией управления и разделена на три уровня: национальный, региональный и локальный³⁶. Министерство здравоохранения выполняет общую функцию контроля и надзора в сфере соблюдения прав всех граждан на получение медицинской помощи. Кроме того, на национальном уровне определяется бюджет системы, формируемый в рамках целевого налогообложения, и “пакет” государственных медицинских услуг, предоставляемых населению бесплатно. Оказание медицинских услуг курируют региональные и местные службы через локальные медицинские учреждения, как государственные, так и частные. Если в рамках первых население обслуживается бесплатно на основе пакета обязательного медицинского страхования, то обращения в частные медицинские центры финансируются из нескольких источников: средств региона, местных налогов и самих пациентов в зависимости от экономического развития данной территории. В этой связи в рамках единой системы возникает существенный дисбаланс в обеспечении и оснащенности клиник и, как следствие, возможностях населения данного региона получить необходимую помощь. Кроме того, именно местные органы, исходя из потребностей населения, определяют необходимость числа соответствующих специалистов и специализированных отделений. Вследствие чего одна из характерных особенностей здравоохранения Италии — это невысокая численность врачей и среднего медицинского персонала (3,6 и 5,8, соответственно, на 1000 человек в 2017 г.). Данная ситуация объясняется несколькими причинами: а) снижением спроса; б) “утечкой” кадров из-за слабой профессиональной и финансовой мотивации; в) аккумуляцией “хронических” больных, нуждающихся в постоянном наблюдении, в соответствующих центрах (хосписы, дома престарелых); г) общим высоким индексом здоровья населения, в том числе у пожилых итальянцев; д) использованием цифровых технологий для проведения консультаций

³⁶ OECD/European observatory on health systems and policies (2019), Italy: country health profile 2019. P.; Brussels, 2020. URL: <https://doi.org/10.1787/cef1e5cb-en> (accessed: 03.04.2021).

и общих осмотров (внедрение телемедицины). В целом, несмотря на высокий рейтинг системы здравоохранения Италии очевидны ее слабые стороны, обусловленные наличием социального неравенства в обеспеченности населения отдельных регионов медицинской помощью, несбалансированностью в распределении финансов на развитие системы, что мешает широкому внедрению высокотехнологичной медицины, а также нехваткой медицинских ресурсов (как кадров, так и самих учреждений)³⁷. Поэтому при таком скоротечном, практически одномоментном, потоке “острых” больных система здравоохранения страны оказалась в состоянии коллапса.

Подобная ситуация сложилась и в соседней Испании, национальная система здравоохранения которой (*Sistema Nacional de Salude, SNS*), во многом схожа с итальянской³⁸. В частности, основываясь на общих принципах универсальности, доступности, справедливости, она также предоставляет всеобщее покрытие в рамках системы государственного страхования. Однако наряду с центральным управлением, осуществляемым через Министерство здравоохранения и Межрегиональный Совет, значительную роль в организации системы играют региональные ведомства, участвующие в планировании и распределении медицинских ресурсов. Поэтому уровень обеспеченности и качества медицинских услуг варьируется по регионам. Также сопоставима с итальянской и ситуация по обеспеченности медицинскими кадрами и клиниками, хотя их нехватка и объясняется другими причинами. В частности, в связи с заметным возрастанием среди населения Испании доли пожилых граждан в реформировании системы приоритетным стал отход от стационарной к амбулаторной деятельности или сопровождению “на дому”, что привело к сокращению коечного фонда и, соответственно, учреждений и медицинского персонала³⁹. Возможно, именно эти особенности организации медицинской помощи населению наряду с региональным обособлением стали “слабым звеном” в цепочке, приведшей к столь быстрой и критической ситуации с распространением коронавирусной инфекции в Испании в 2020 г.

Рассматривая влияние особенностей организации системы здравоохранения, безусловно, следует отметить и опыт Китая, ко-

³⁷ *Armocida B., Formenti B., Ussai S., Palestra F., Missoni E.* The Italian health system and the COVID-19 challenge // *The Lancet Public Health*. 2020. 25 March.

³⁸ OECD. Spain: country health profile 2019. P.; Brussels, 2020. URL: <https://doi.org/10.1787/8f834636-en> (accessed: 03.04.2021).

³⁹ *Legido-Quigley H., Mateos-García J., Campos V., Gea-Sánchez M., Muntaner C., McKee M.* The resilience of the Spanish health system against the COVID-19 pandemic // *Lancet Public Health*. 2020. 18 March.

торый несмотря на высокую долю заболевших и низкую степень исследованности нового вируса, сумел остановить рост смертности и саму эпидемию. Система здравоохранения Китая носит смешанный характер по причине того, что находится в процессе активного реформирования, вызванного крайне неравномерным распределением медицинских ресурсов в рамках существовавшей ранее преимущественно рыночной медицины. Так, по состоянию на 2006 г. только 45% населения Китая было охвачено системой медицинского страхования. Поэтому модернизация системы, предпринятая в 2000-х гг.⁴⁰, была нацелена, прежде всего, на обеспечение равного доступа к услугам здравоохранения. И ее ключевым элементом стало создание сети государственных стационаров за счет бюджетных средств, призванных обеспечить первичной медицинской помощью население всей страны⁴¹. Безусловно, система этих учреждений недостаточна для охвата потребностей всех граждан. Поэтому наряду с государственными к оказанию медицинских услуг привлекаются и частные предприятия на основе системы кооперативного страхования. Однако государство оставляет за собой контроль не только за качеством оказываемых услуг, но и за ценами на них, а также стоимостью продукции фармацевтических компаний, при этом через систему субсидий сохраняя и экономический интерес частного бизнеса. Особое внимание в рамках реформирования национальной системы здравоохранения было уделено подготовке медицинских кадров, что позволило в три раза увеличить численность персонала, в частности, в первичном звене. Наряду с этим следует отметить ранний переход китайского здравоохранения в цифровую среду, и первым этапом на этом пути стало внедрение электронных медицинских карт, что позволило создать крупнейшую электронную систему эпидемиологического надзора — основу оперативного реагирования и перераспределения ресурсов в соответствии с потребностями⁴². Таким образом, сочетание централизованного управления и контроля с системой гибкого распределения ресурсов можно рассматривать как преимущество системы здравоохранения Китая, что наряду с другими факторами оказалось их силой в борьбе с эпидемией COVID-19.

⁴⁰ Королев А. Поиски модели медицинского страхования в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 98–117.

⁴¹ Ma X., Wang H., Yang L., Shi L., Liu X. Realigning the incentive system for China's primary healthcare providers // British Medical Journal. 2019. Vol. 365. N 12406. URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.l2406> (accessed: 03.04.2021).

⁴² Растущий вклад Китая в здравоохранение внутри страны и на мировой арене. Всемирная Организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/dg/speeches/2016/china-contribution-health/ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

В результате анализа опыта борьбы с новым заболеванием в Соединенных Штатах Америки, становится очевидно, что одна из причин высокой численности заболевших среди населения — особенность организации оказания медицинской помощи в данной стране. Как известно, система здравоохранения США представляет собой рыночную модель, базирующуюся на добровольном страховании в зависимости от дохода и потребностей⁴³. В этой связи даже в условиях эпидемии на весах оказывается жизнь или разорение от счетов страховых кампаний за лечение от коронавирусной инфекции. Так, ресурсы для борьбы с новым заболеванием оказались недоступны расовым меньшинствам: согласно исследованиям уровня смертности среди населения одного из крупнейших городов США, Чикаго, доля заболевших и умерших среди населения сегрегированных кварталов гораздо выше, чем в других районах города. По мнению авторов, причин этому несколько: во-первых, общий низкий уровень состояния здоровья афроамериканцев, преобладание среди них хронических заболеваний. Во-вторых, повышенная уязвимость расовых меньшинств, проживающих в городе, обусловлена их низким материальным статусом, некачественными условиями жизни, распространенностью среди них негативных практик в сфере здоровья⁴⁴. В-третьих, отсутствие центрального управления затрудняет эффективное распределение ресурсов, поэтому возникает дисбаланс в обеспеченности между штатами как медицинским персоналом, так и коечным фондом. Поэтому уже на первых этапах развития эпидемии в Нью-Йорке, крупнейшем мегаполисе страны, возникла острая нехватка всех необходимых для борьбы с эпидемией ресурсов.

В целом, очевидно, что в условиях массовой заболеваемости населения централизованная государственная система здравоохранения имеет неоспоримые преимущества, важнейшими из которых являются единое финансирование и управление. Также, принимая во внимание рост затрат на содержание доступной и качественной медицины, становится очевидной эффективность от участия бизнеса в процессе создания всеобщей системы здравоохранения. Однако государство, привлекая частный капитал как на уровне оказания медицинских услуг, так и на уровне разработки и внедрения новых технологий и создания соответствующих ресурсов, включая фармацевтические, должно осуществлять контроль их качества и стоимости.

⁴³ Gaffney A. America's extreme neoliberal healthcare system is putting the country at risk // The Guardian. 2020. 21 March.

⁴⁴ Kim S.J., Bostwick W. Social vulnerability and racial inequality in COVID-19 deaths in Chicago // Health Education & Behavior. 2020. Vol. 47. N 4. P. 509–513.

Следующий важнейший фактор, оказывающий приоритетное воздействие на поведение человека в условиях массового распространения болезни, — это уровень информирования о рисках нового заболевания, возможностях защиты и профилактики здоровья. Учитывая современные возможности коммуникации посредством цифровых технологий, в условиях пандемии КОВИД-19 распространение ложной информации о новом заболевании во многом способствовало росту паники и зачастую необоснованных опасений среди населения. В этой связи в научном и публичном информационном пространстве появился специальный термин “инфодемия”, который означает “переизбыток как онлайн, так и офлайн информации, включающей намеренные попытки распространения ложных сведений в целях срыва ответных мер общественного здравоохранения и продвижения альтернативных групповых или индивидуальных целей”⁴⁵.

Как отмечают исследователи, дезинформация, особенно в социальных сетях, может нанести значительный вред здоровью людей, усиливает стигматизацию⁴⁶. Недостоверные, так называемые “псевдоэкспертные” сведения о возможных рисках способны значительно усилить последствия кризиса, порождают протестные настроения среди населения по отношению к мерам, направленным на борьбу с болезнями, в том числе, вакцинации. Известно, что вакцинация относится к методам вакцинопрофилактики инфекционных заболеваний и иммунизации населения. Начиная со второй половины XX в. антипрививочные движения стали достаточно популярны. В условиях цифровизации общества они получили еще более широкую поддержку среди населения. Наглядным подтверждением этого может выступать тот факт, что в 2019 г. ВОЗ назвала отказ от прививок одной из десяти глобальных угроз общественному и индивидуальному здоровью⁴⁷. Однако, как показывают исследования

⁴⁵ Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН “Глобальный пульс” и МФКК. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 15.05.2021).

⁴⁶ Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Инфодемия COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция “Сорокинские чтения”: Сб. мат.-в. М., 2021. С. 543–545; Прончев Г.Б., Шишарина Е.В., Прончева Н.Г. Киберугрозы для современной России в контексте пандемии коронавирусной инфекции // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65). С. 74–83.

⁴⁷ Десять проблем здравоохранения, над которыми ВОЗ будет работать в 2019 году. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/ten-threats-to-global-health-in-2019> (дата обращения: 05.05.2021).

особенностей протестных настроений в разных странах, зачастую в их основе лежит не страх перед возможными рисками вакцин для здоровья, а риторика представителей неолиберальных и других социально-политических течений об ущемлении гражданских прав и свобод⁴⁸. Иными словами, происходит подмена смыслов, что имеет серьезные негативные социальные последствия и риски здоровью, в том числе, и для их участников.

Дезинформация оказывает влияние и на уровень социального доверия, и на степень социальной солидарности — еще два фактора, которые детерминируют состояние здоровья в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Вследствие пандемии COVID-19 произошла трансформация существующих социальных институтов и отношений и, как результат, четко проявились признаки системного кризиса в управлении современными обществами и в их развитии. На наш взгляд, одним из таковых является падение уровня социального доверия населения к ключевым социальным институтам и структурам, что подтверждается данными исследования общественного мнения в разных странах. Согласно ежегодному исследованию международного аналитического центра *Edelman*, в 2021 г. в США и Китае выявлено существенное падение социального доверия к институтам власти и медиа⁴⁹.

Исследователи отмечают, что в условиях современного общества, характеризуемого повышенной неопределенностью и рискогенностью (примечание: в этом аспекте пандемия коронавирусной инфекции несет глобальные экзистенциальные риски), социальное доверие выступает и как форма контроля за участниками социального взаимодействия, и как способ редукции социальной сложности и поддержания социетальной функциональности общества⁵⁰, и как “своеобразная смазка общественного механизма”⁵¹.

Рассматривая социальное доверие как комплексный феномен, формирующийся под влиянием разных факторов, приходишь к выводу, что в условиях современного информационного общества важнейшей предпосылкой поддержания социального доверия ста-

⁴⁸ Doustmohammadi S., Cherry J.D. The sociology of the antivaccine movement // *Emerging Topics Life Sciences*. 2020. 8 Sep. N 2. P. 241–245.

⁴⁹ 2021 Edelman Trust Barometer. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf>

⁵⁰ Luhman N. Trust and power. N.Y., 1979; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

⁵¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

новится консонанс реализуемых социальными институтами мер по преодолению различных кризисных явлений в развитии социума с уровнем и содержанием распространяемой среди населения информации о них, о чем уже говорилось в аспекте инфодемии.

Если рассматривать пандемию как глобальную экзистенциальную угрозу, то становится очевидно, что ее преодоление также зависит от уровня социальной солидарности. Согласно мерам, разработанным Всемирной организацией здравоохранения по предотвращению распространения новой инфекции, необходимы ношение средств индивидуальной защиты (масок и перчаток), соблюдение социальной дистанции в общественных местах, своевременное информирование соответствующих служб о признаках заболеваемости, самоизоляция, а также для дальнейшей профилактики — вакцинирование. Очевидно, что данные меры предусматривают активную вовлеченность каждого участника социальных действий в борьбу с COVID-19, что, на наш взгляд, предполагает социальную солидарность. В этой связи становится очевидным, что проживая в современном глобальном коллективе, каждый, по сути, становится участником социального контракта. Как любой договор, он предполагает и соответствующий круг возможностей и обязанностей. Важной представляется необходимость их четкого определения во избежание дискриминации и неравенства.

Следует отметить и влияние степени цифровой социализации индивида, включающей уровень цифровой и санитарной грамотности, на возможности получения доступа к необходимым ресурсам, что особенно актуально для молодежи⁵². Санитарная грамотность — это уровень знаний индивида, определяющий его возможности по поиску и пониманию информации, связанной со здоровьем, необходимой в том числе для принятия решений в отношении здоровья⁵³. Цифровая медицинская грамотность требует уникального набора навыков, включая способность находить, анализировать, интегрировать и применять медицинскую информацию в виртуальном пространстве⁵⁴. Как уже отмечалось ранее, пандемия COVID-19 вызвала огромный информационный бум, в первую очередь, в цифровом

⁵² *Patil U., Kostareva U., Hadley M. et all.* Health literacy, digital health literacy, and COVID-19. Pandemic attitudes and behaviors in U.S. College Students: implications for interventions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. 23 Mar. Vol. 18. N 6 (3301).

⁵³ *Berkman N.D., Davis T.C., McCormack L.* Health literacy: what is it? // *Journal of Health Communication*. 2010. Vol. 15. P. 9–19.

⁵⁴ *Norman C.D., Skinner H.A.* eHealth literacy: essential skills for consumer health in a networked world // *Journal of Medical Internet Research*. 2006. Vol. 8. N 9.

пространстве. Тем не менее, онлайн-каналы коммуникации стали путями распространения различной информации, в том числе фейков и мистификаций. И если люди старшего возраста склонны доверять традиционным формам информирования через телевидение, радио и газеты, то для молодежи центральным источником информации сегодня являются различные цифровые каналы. При этом необходимо иметь в виду, что зачастую эти источники не являются компетентными, отличаются субъективностью. Исследования показывают, что при низком уровне санитарной грамотности обращение к различным цифровым источникам имело негативное влияние на восприятие мер по борьбе с коронавирусной инфекцией среди молодежи⁵⁵.

Также для отдельных социальных групп сохраняют актуальность национально-культурные особенности, оказывающие влияние на степень комплаентности индивида, включая восприятие профилактических мер, в частности, вакцинирование. Так, особенности распространения новой коронавирусной инфекции указывают на необходимость введения ограничений на проведение массовых мероприятий в целях минимизации контактов. Тем не менее, данное требование в ряде стран, к сожалению, оказывается второстепенным по сравнению с правилами религиозных движений, предусматривающих регулярное посещение храмов и участие в службах⁵⁶.

Таким образом, в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции изучение социальных детерминант здоровья приобретает особую актуальность. Их анализ позволяет сделать вывод, что в условиях такого экзистенциального кризиса, каким можно назвать ситуацию, сложившуюся вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции, здоровье индивида и общества превращается в феномен социального конструирования, в основе механизма которого лежат такие факторы, как особенности организации и функционирования национальных систем здравоохранения, уровень доступности ресурсов для сохранения своего здоровья, включая доступ к медицинским услугам, уровень информирования населения о рисках нового заболевания, возможностях защиты и профилактики здоровья, степень социального доверия, уровень социальной солидарности, степень цифровой социализации, включающей уровень цифровой грамотности, уровень санитарной грамотности населения, нацио-

⁵⁵ *Patil U., Kostareva U., Hadley M. et all.* Health literacy, digital health literacy, and COVID-19...

⁵⁶ Why Sub-Saharan Africa needs a unique response to COVID-19. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/why-sub-saharan-africa-needs-a-unique-response-to-covid-19/> (accessed: 16.05.2021); Religion and culture plague Africa's fight against COVID-19. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-04-26/Religion-and-culture-plague-Africa-s-fight-against-COVID-19-PZNaKEiRFe/index.html> (accessed: 16.05.2021).

нально-культурные особенности, оказывающие влияние на степень комплаентности индивида, включая восприятие профилактических мер, в частности, вакцинирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Инфодемия COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция “Сорокинские чтения”: Сб. мат-в. М., 2021. С. 543–545.

Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида. М., 2006.

Здравоохранение: современное состояние и возможные сценарии развития. М., 2017.

Кашуркина С.С. Самосохранительное поведение детей и молодежи как социальная проблема. Казань, 2006.

Клейман А. Понятия и модель для сравнения медицинских систем как культурных систем // Социология власти. 2016. Т. 28 (1). С. 208–232.

Королев А. Поиски модели медицинского страхования в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 98–117.

Курбанов А.Р., Лядова А.В. Здравоохранение Бразилии: трудный путь к преодолению неравенства // Латинская Америка. 2018. № 9. С. 56–68.

Лядова А.В., Новоселова Е.Н. Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 10. С. 55–61.

Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. М., 2007.

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 119–141.

Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть — XXI век. 2018. № 5–6. С. 1–12.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

Прончев Г.Б., Шишарина Е.В., Прончева Н.Г. Киберугрозы для современной России в контексте пандемии коронавирусной инфекции // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 1 (65). С. 74–83.

Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И. и др. Общественное здоровье и экономика. М., 2007.

Психология здоровья: новое научное направление / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2003. С. 31–37.

Смолина Т.Л., Мельникова А.А. Представления о здоровье: специфика культурной детерминации // Психологическое здоровье и технологии здоровьесбережения в современной образовательной среде / Под науч. ред. В.М. Голянича. СПб., 2019. С. 263–280.

Сочнев А.В. Поведенческие факторы здоровья молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 113–117.

Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М. Статистический анализ влияния факторов риска на ухудшение общественного здоровья // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 105–118.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

Шабунцова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Монография. Вологда, 2010.

Язбек Абдо С. Борьба с неравенством в здравоохранении: синтез опыта и инструментов. М., 2010.

REFERENCES

Antonov A.I. Problemy izucheniya samosohranitel'nogo povedeniya naseleniya v demografii [Problems of Studying the Self-Preservation Behavior of the Population in Demography] // Demograficheskoe povedenie i vozmozhnosti social'nogo vozdeystviya na nego v usloviyah socializma. M., 1986 (in Russian).

Armocida B., Formenti B., Ussai S., Palestra F., Missoni E. The Italian health system and the COVID-19 challenge // The Lancet Public Health. 2020. 25 March.

Baru R.V., Mohan M. Globalization and neoliberalism as structural drivers of health inequities // Health Resource and Policy System. 2018. N 9. P. 16–91.

Berkman N.D., Davis T.C., McCormack L. Health literacy: what is it? // Journal of Health Communication. 2010. N 15. P. 9–19.

Brunner E., Marmot M. Social organization, stress, and health // Social Determinants of Health / Ed. by M. Marmot, R.G. Wilkinson. Oxford, 1999.

Christopher B., McLeod C., Hall P., Siddiqi A., Hertzman C. How society shapes the health gradient: work-related health inequalities in a comparative perspective // The Annual Review of Public Health. 2012. N 33. P. 59–73.

Cockerham W.C. Health lifestyle theory // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social Theory / Ed. by B.S. Turner. N.Y., 2017.

Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health. Stockholm, 1991.

Doustmohammadi S., Cherry J. The sociology of the antivaccine movement // Emerging Topics in Life Sciences. 2020. Vol. 8. N 4 (2). P. 241–245.

Fukuyama F. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. M., 2004 (in Russian).

Gaffney A. America's extreme neoliberal healthcare system is putting the country at risk // The Guardian. 2020. 21 Mar.

Global health risks: mortality and burden of disease attributable to selected major risks. WHO. 2015. N 3.

Graham H. Social determinants and their unequal distribution: clarifying policy understandings // The Milbank Quarterly. 2004. Vol. 82. N 1. P. 101–124.

Healthy environments: why do they matter, and what can we do? Geneva, 2019.

Jackson R., Dannenberg A., Frumkin H. Health and the built environment: 10 years after // American Journal of Public Health. 2013. N 103 (9). P. 1542–1544.

Kashurkina S.S. Samosohranitel'noe povedenie detej i molodezhi kak social'naya problema [Self-preservation behavior of children and youth as a social problem]. Kazan', 2006 (in Russian).

Kim S.J., Bostwick W. Social vulnerability and racial inequality in COVID-19 deaths in Chicago // Health Education & Behavior. 2020. N 47 (4). P. 509–513.

Klejman A. Ponyatiya i model' dlya sravneniya medicinskih sistem kak kul'turnyh system [Concepts and model for comparing medical systems as cultural systems] // Sociologiya vlasti. 2016. T. 28 (1). S. 208–232 (in Russian).

Korolev A. Poiski modeli medicinskogo strahovaniya v Kitae [Search for a model of health insurance in China] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2011. N 6. S. 98–117 (in Russian).

Kurbanov A.R., Lyadova A.V. Zdravoohranenie Brazili: trudnyj put' k preodoleniyu neravenstva [Healthcare in Brazil: The Difficult Path to Overcoming Inequality] // *Latinskaya Amerika*. 2018. N 9. S. 56–68 (in Russian).

Legido-Quigley H., Mateos-García J., Campos V., Gea-Sánchez M., Muntaner C., McKee M. The resilience of the Spanish health system against the COVID-19 pandemic // *Lancet Public Health*. 2020. 18 March.

Luhman N. Trust and power. N.Y., 1979.

Lyadova A.V., Novoselova E.N. Social'no-ekologicheskie riski urbanizacii i razvitiye moskovskoj aglomeracii: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo opyta [Socio-ecological risks of urbanization and the development of the Moscow agglomeration: a comparative analysis of foreign experience] // *Ekologiya i promyshlennost' Rossii*. 2017. T. 21. N 10. S. 55–61 (in Russian).

Ma X., Wang H., Yang L., Shi L., Liu X. Realigning the incentive system for China's primary healthcare providers // *British Medical Journal*. 2019. 21 Jun.

Mackenbach J., Bos V., Andersen O., et al. Widening socioeconomic inequalities in mortality in six Western European countries // *International Journal of Epidemiology*. 2003. Vol. 32. P. 830–837.

Mooney G. Neoliberalism is bad for our health // *International Journal of Health Service*. 2012. N 2 (3). P. 383–401.

Morrison H., Power T.G., Nicklas T., Hughes S.O. Exploring the effects of maternal eating patterns on maternal feeding and child eating // *Appetite*. 2013. Vol. 63 (1). P. 77–83.

Navarro V. Neoliberalism and its consequences: the world health situation since Alma Ata // *Global Social Policy*. 2008. N 8 (2). P. 152–155.

Nazarova I.B. Zdorov'e zanyatogo naseleniya [Employed health]. M., 2007 (in Russian).

Norman C.D., Skinner H.A. eHealth literacy: essential skills for consumer health in a networked world // *Journal of Medical Internet Research*. 2006. N 8.

Offord D.R., Kraemer H. Risk factors and prevention // *Evidence-Based Mental Health*. 2000. N 3. P. 70–71.

Osipova N.G. Social'noe konstruirovaniye obshchestvennogo zdorov'ya [Social construction of public health] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2016. T. 22. N 4. S. 119–141 (in Russian).

Osipova N.G. Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo social'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global social inequality] // *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek*. 2018. N 5–6. S. 1–12 (in Russian).

Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [System of modern societies]. M., 1998 (in Russian).

Patil U., Kostareva U., Hadley M., et al. Health literacy, digital health literacy, and COVID-19. Pandemic attitudes and behaviors in U.S. College Students: implications for interventions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. N 6.

Prohorov B.B., Gorshkova I.V., Shmakov D.I. i dr. Obshchestvennoe zdorov'e i ekonomika [Public health and economy]. M., 2007 (in Russian).

Pronchev G.B., Shisharina E.V., Proncheva N.G. Kiberugrozy dlya sovremennoj Rossii v kontekste pandemii koronavirusnoj infekcii [Cyber Threats for Modern Russia in the Context of the Coronavirus Pandemic] // *Voprosy politologii*. 2021. T. 11. N 1 (65). S. 74–83 (in Russian).

Psihologiya zdorov'ya: novoe nauchnoe napravleniye [Health psychology: a new scientific direction] / Pod red. G.S. Nikiforova. SPb., 2003. S. 31–37 (in Russian).

Shabunova A.A. Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika: Monografiya [Public health in Russia: state and dynamics: Monograph]. Vologda, 2010 (in Russian).

Siegrist J., Marmot M. Health inequalities and the psychosocial environment — two scientific challenges // *Social Science & Medicine*. 2004. N 58. P. 1463–1473.

Smolina T.L., Mel'nikova A.A. Predstavleniya o zdorov'e: specifika kul'turnoj determinacii [Ideas about health: the specificity of cultural determination] // *Psihologicheskoe zdorov'e i tekhnologii zdorov'esberezheniya v sovremennoj obrazovatel'noj srede* / Pod nauch. red. V.M. Golyanicha. SPb., 2019. S. 263–280 (in Russian).

Sochnev A.V. Povedencheskie faktory zdorov'ya molodezhi [Behavioral factors of youth health] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2007. N 1 (6). S. 113–117 (in Russian).

Solar O., Irwin A. A conceptual framework for action on the social determinants of health. Geneva, 2007.

Tagaeva T.O., Gil'mundinov V.M. Statisticheskij analiz vliyaniya faktorov riska na uhudshenie obshchestvennogo zdorov'ya [Statistical analysis of the influence of risk factors on the deterioration of public health] // *Problemy prognozirovaniya*. 2015. N 1. S. 105–118 (in Russian).

Vågerö D. Do health inequalities persist in the new global order? A European perspective // *Inequalities of the World: [New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches]*. L., 2006. P. 61–92.

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Infodemiya COVID-19 [COVID-19 infodemic] // *Sovremennoe obshchestvo v usloviyah social'no-ekonomicheskoy neopredelennosti*. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Sorokinskie chteniya": Sb. mat–v. M., 2021. S. 543–545 (in Russian).

Yazbek Abdo S. Bor'ba s neravenstvom v zdavoohranenii: sintez opyta i instrumentov [Tackling inequalities in health care: a synthesis of experience and tools]. M., 2010 (in Russian).

Zdravoohranenie: sovremennoe sostoyanie i vozmozhnye scenari razvitiya [Healthcare: current state and possible development scenarios]. M., 2017 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Otnoshenie k zdorov'yu individa [Attitude towards the health of the individual]. M., 2006 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-157-174

ПАТТЕРНЫ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

А.В. Рудковская, асп. кафедры социологии МГИМО МИД России, пр. Вернадского, 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454*

Распространение новой коронавирусной инфекции, принимаемые меры по сокращению угроз распространения инфекции и количество упоминаний о данной нозологии в средствах массовой информации изменили ощущение рутины, т.е. безопасности в обществе. Увеличилось количество информации о поведении во время недомоганий, необходимости плановых осмотров, изменении образа жизни для предотвращения хронических заболеваний. Общество оказалось травмировано, что привело к увеличению ответственности социальных институтов, особенно системы здравоохранения. Тем временем даже повышенный уровень рефлексии институтов здравоохранения на запросы общества не может гарантировать здоровье нации без участия самих акторов и их заботы о собственном здоровье.

Одной из задач системы здравоохранения является повышение уровня информированности акторов о необходимости проходить профилактические осмотры. Источником экспертной информации о мерах по защите здоровья являются медики. В ситуации распространения новой коронавирусной инфекции интерес к действиям и советам медиков значительно увеличился, средства массовой информации регулярно стали освещать не только профессиональную, но и личную жизнь медицинских работников, транслирующую приверженность здоровому образу жизни. Проведение описанного в работе исследования продиктовано интересом найти связь между установками медицинских работников по отношению к здоровому образу жизни и реальными паттернами поведения, так как именно эта группа лиц в большей степени информирована о рисках заболеваний и имеет особый доступ к медицинской помощи. В данной работе предпринята попытка ответить на актуальные вопросы о том, как уровень медицинских знаний, упрощенный доступ к медицинской помощи и повышенный риск заболеваний влияют на отношение к своему здоровью среди так называемых экспертных групп.

Ключевые слова: здоровье, здравоохранение, медицинские работники, диспансеризация, самосохранительное поведение, установки, паттерны самосохранительного поведения, питание, физическая активность, обращение к врачу.

* Рудковская Анастасия Владиславовна, e-mail: a.rudkovskaia@inno.mgimo.ru

HEALTHCARE PATTERNS AMONG MEDICAL PROFESSIONALS

Rudkovskaya Anastasia V., PhD student, Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations, Vernadsky avenue, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: a.rudkovskaia@inno.mgimo.ru

The article is focused on attitudes of healthcare workers towards their health. The outbreak of the COVID-19 pandemic, followed by a substantial increase in media coverage of public health-related issues, has dramatically altered many people's normal routines and caused a shift in our collective perception of normal. In this context, examining the attitudes of health care workers toward their health becomes particularly topical as this group possesses first-hand knowledge about the pandemic and various medical subjects. We consider medical professionals as specially-trained people who possess evidence-based knowledge about our body, mental, and physical health. Since it is a challenging job that involves being in close contact with people who are sick or recovering from illness, the risks of which have been exacerbated by the pandemic, this group has privileged access to professional medical services. We conducted a quantitative sociological survey among medical professionals who work for the Moscow Health Care System. This research allows us to analyze patterns of health care utilization and health behavior among health care workers and the correlation between their attitudes and perceptions of the problem and the actual patterns of their behavior. This paper aims to answer the following question: how do the level of medical knowledge and privileged access to a wide range of health care services and resources affect the attitudes toward one's own health that are common among the so-called expert groups?

Key words: health, health care, medical workers, self-preserving behavior, public health.

Отношение человека к своему здоровью и общественному здоровью на протяжении развития общества поддается рационализации¹ со стороны общественных институтов. Часть рациональных с точки зрения экономики мер не является гуманной², она связана с закрытием медицинских учреждений, повсеместной автоматизацией и “нормальными авариями”, которые выражены, например, в утечке личных данных пациентов. Другие меры, цель которых заключается не в экономии, а в улучшении качества жизни человека, способствуют развитию, как его называет Э. Фромм, здорового общества³, суть которого заключается в стремлении человека раз-

¹ Кравченко С.А. Пандемия COVID-19: вызовы здоровью населения мира — возможна ли гуманистическая глоболокальная биополитика? // Полис. Политические исследования. 2020. № 6.

² Кравченко С.А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4.

³ Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. М., 1995.

виваться и самосохраняться⁴. Иными словами, проявлять стремления, соответствующие высшим ступеням мотивации⁵ по А. Маслоу. К самосохранительным практикам можно отнести заботу о своем здоровье, которая заключается в рациональном подходе к питанию, физической нагрузке и регулярном превентивном посещении врачей. Стоит отметить, что в указах Министерства здравоохранения рационализированы⁶ нормы по регулярному осмотру специалистами. Однако соблюдение этих норм обеспечивается населением далеко не всегда. Врачи отмечают⁷, что чаще всего к ним обращаются пациенты в случае боли, а не в профилактических целях, тем временем именно ранняя диагностика позволяет уменьшить риск развития ряда заболеваний.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, характеризуемая резкой угрозой здоровью как актора, так и общества, а также принятые меры по снижению скорости ее распространения стали коллективной травмой для общества. По мнению П. Штомпки⁸, социальные травмы являются атрибутом становления и активной движущей силой социальных изменений, присущих человеческим коллективам. Очевидно, пандемия новой коронавирусной инфекции должна была мотивировать население заботиться о здоровье, так как индивидуальный риск заразиться и тяжело перенести заболевание сопряжен с рядом хронических заболеваний, таких как ожирение и сахарный диабет, часто возникающих от неправильного образа жизни. По мнению Ж. Тощенко, в обществе травмы происходит деформация социального и человеческого капитала. Такая деформация может повлиять как на распределение расходов внутри социальной сферы, особенно в здравоохранении, так и на мотивацию людей по отношению к своему собственному здоровью. На данный момент, спустя два года после начала пандемии, в обществе сложился социальный тип⁹ спасителя — медицинского работника. Данный

⁴ Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.

⁵ Фролов С.С. Социология организации: Учебное пособие. М., 2001.

⁶ Приказ Минздрава России от 13 марта 2019 г. № 124н «Об утверждении порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения».

⁷ По данным результатов глубинных интервью, проведенных с врачами больниц и поликлиник Департамента здравоохранения города Москвы в январе 2020 г.

⁸ Штомпка П. Теория. Методология // Социальное изменение как травма. М., 2001.

⁹ Зиммель Г. Социальная дифференциация // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.

социальный тип родился вследствие запроса общества на лечение, а также вследствие выделения профессиональных работников, которые могут это сделать. Изменение информационной повестки, ожидание риска заражения и дальнейших последствий стали восприниматься не в качестве ожидаемой, а в качестве реальной катастрофы¹⁰, соответственно, такое состояние должно было сказаться на последствиях и побочных эффектах, одними из которых стали одновременно возросший престиж медицинских работников, а также стремление их избегать, так как они могут быть потенциальными разносчиками новой коронавирусной инфекции. Инсценированные (не в контексте фальсификации, а в контексте повышенного внимания и приближения их реальности через объективы камер) риски COVID-19 изменили рутинные практики¹¹ населения, которые заключались, как правило, во внимании к своему здоровью только после ощущения боли, а также повысили авторитет медицинских работников и значимость собственного здоровья и превентивных мер по его сохранению.

Выбор изучения поведения медицинских работников в отношении собственного здоровья в качестве предмета исследования обусловлен их авторитетным экспертным статусом в вопросах здоровья населения и повышенным вниманием к данной группе во время пандемии новой коронавирусной инфекции. Медицинские работники позиционируются как эксперты, когда речь заходит о здоровье членов общества в целом. Врачи и медицинские сестры все чаще выступают лицами рекламных кампаний, направленных на рекомендации по соблюдению мер в борьбе с коронавирусной инфекцией, отказа от вредных привычек, умеренного повышения физических нагрузок, правильного питания, гигиены рук. Сильные корреляционные связи между установками и отношением к своему здоровью среди медицинских работников могут стать предпосылкой для высокого уровня доверия к ним как к экспертам среди населения в том, что касается не только вопросов пандемии, но и здорового образа жизни в целом.

В данной работе предпринята попытка найти связь между уровнем фундаментальных медицинских знаний о функционировании организма, установками и реальными практиками в отношении к своему здоровью. Уровень знаний замеряется с помощью уровня образования, среднего или высшего, а также стажа работы в медицинских организациях.

¹⁰ Beck U. Power in the global age. Cambridge, 2007.

¹¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Изучая отношение медицинских работников к своему здоровью, мы затрагиваем латентные стороны проблемы низкого доверия общественности к рекомендациям профессиональных сообществ, которое может быть вызвано противоречиями между экспертными советами и поведением самих экспертов в отношении своего здоровья. Кроме того, в рекомендациях врачей существуют противоречия¹², количество которых в информационном пространстве возросло с распространением новой коронавирусной инфекции. Противоположные мнения об эффективности вакцин, а также лекарств стали одной из причин ужесточения регламента публичных комментариев врачей¹³.

Цель исследования по определению установок медицинского персонала по отношению к собственному здоровью обуславливает поиск корреляций между уровнем осведомленности о влиянии привычек питания, физической активности на самочувствие и самими действиями медицинского персонала, а также поиск других факторов, способствующих рациональному поведению в отношении своего здоровья среди медицинских работников.

Исходной гипотезой данного исследования является наличие предполагаемой связи между уровнем медицинского образования и отношением к своему здоровью. Предполагается, что люди с высшим медицинским образованием, а также с более высоким стажем работы будут внимательнее относиться к своему здоровью, так как им известны риски пренебрежительного отношения к своему здоровью. Для операционализации гипотез разработана анкета, с помощью которой можно протестировать как структурно-описательные гипотезы, например, о поведении врачей и медицинских сестер/братьев во время первых признаков заболевания, установки медицинских сотрудников, так и субъектно-объектные, например, о взаимосвязи установок и поведенческих паттернов по отношению к правильному питанию, физическим нагрузкам и диспансеризации.

Для решения поставленных задач и проверки гипотез было проведено поисковое исследование среди медицинских работников учреждений города Москвы. Исследование проводилось в январе 2021 г. Опрос проводился методом “снежного кома”, анкета в электронном виде распространялась среди медицинских работников столичных учреждений.

¹² Инфекционист Минздрава изменил мнение об эффективности перчаток // РБК. 2020.21.10. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/10/2020/5f9042ab9a7947428b3116e6>

¹³ Минздрав запретил врачам публично высказываться о коронавирусе // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/28/silence/>

Реализованная выборка

Всего в опросе приняли участие 218 респондентов, 61% — медицинские сестры, 39% — врачи. Медианный стаж респондента 22 года, для удобства анализа также сформированы пять групп медицинских работников, разделенных по принципу трудового стажа: до 5 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 15 лет, от 15 до 20 лет и более 20 лет стажа.

Гендерное распределение работников в пользу женщин обусловлено гендерным составом работников медицинских учреждений. По данным ежегодного статистического сборника в 2019 г. среди специалистов высшего уровня квалификации 33% мужчин и 67% женщин, а среди специалистов среднего уровня квалификации 9% мужчин и 91% женщин¹⁴.

Средний возраст опрошенного 43 года, также респонденты разделены на четыре группы в зависимости от возраста: молодежь (до 35 лет по классификации людей, входящих в понятие “молодые ученые”), люди среднего возраста от 35 до 55 лет и люди предпенсионного и пенсионного возраста старше 55 лет. Большинство респондентов, 70%, проживает в Москве, остальные 30% добираются на работу из Подмосковья. У 79% респондентов есть дети.

Таблица 1

Реализованная выборка, количество опрошенных (человек)

		Возраст				Пол		Удовлетворенность материальным положением		
		До 35 лет	35–44	45–55	Старше 55	М	Ж	Удовлетворен	Частично	Неудовлетворен
Мед-сестра	133	32	38	56	7	4	129	40	57	36
Врач	85	24	17	38	6	31	54	40	37	8
Всего	218	56	55	94	13	35	183	80	94	44

Взаимосвязь субъективных оценок психического и физического состояния

Медицинские работники склонны отмечать, что в некоторой степени от настроения и психических установок пациента зависит скорость его выздоровления, а также как субъективные, так и другие объективные показатели здоровья. У людей с выраженными депрес-

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России 2019: Стат. сб. Т. 78. М., 2019.

сивными настроениями состояние здоровья¹⁵ хуже, это одна из причин повсеместного внедрения комплексного подхода работы с пациентами, включающего в себя методики повышения интереса людей к жизни, например, работа в паре с клиническим психологом, использование шлемов виртуальной реальности. Выводы медиков о взаимосвязи физического и психологического здоровья подтверждаются в нашем опросе. В ходе опроса удалось найти сильную корреляционную связь Спирмена между субъективной оценкой физической формы и психологического здоровья: чем выше опрошенные оценивают состояние физического здоровья, тем выше — и психологического. Примечательно, что коэффициент Лямбды, указывающий на ведущую переменную среди коррелируемых, в случае, когда речь идет о врачах, выражает доминирование оценок психологического здоровья над физическим, а среди медицинских сестер, наоборот, доминирование оценок физического здоровья над оценками психологического состояния. Это объясняется тем, что среди медицинских сестер большинство опрошенных — женщины. Мы провели дополнительный анализ, проверив связь в зависимости от профессии отдельно среди мужчин-врачей, женщин-врачей, медбратьев и медсестер. Выяснилось, что и в группе врачей физическая составляющая доминирует над психологической.

Одной из задач было выяснить, что именно оценивают выше работники медицинских организаций — свое физическое здоровье или психологическое. С помощью анализа Т-критерия для парных выборок мы проверили различия между оценками психологического здоровья и физического состояния как отдельно среди медсестер, так и отдельно среди врачей. В то время как среди врачей нет значимой разницы между оценками их физического и психологического здоровья, у медицинских сестер оценка физического состояния ниже, чем психологического. У врачей средние оценки находятся в 4 квартили (выше 7,5 баллов из 10), а у среднего медицинского персонала оценки физического здоровья в третьей квартили (6,95), а оценки психологического состояния на границе с четвертой (7,48).

Примечательно, что медицинские сестры оценивают свое физическое состояние хуже, чем врачи, данная связь является статистически значимой: только 5% врачей оценивают свое состояние неудовлетворительно, в то время как среди медицинских сестер 13% не удовлетворены своей физической формой. При интерпретации

¹⁵ Нагибина Ю.В., Кубарева М.И., Князева Д.С. Медико-социальные особенности больных ишемической болезнью сердца с различным уровнем депрессии // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-osobennosti-bolnyh-ishemicheskoy-boleznyu-serdtsa-s-razlichnym-urovнем-depressii> (дата обращения: 04.02.2021).

выводов мы проверили, не связаны ли данные распределения с тем фактом, что среди среднего медицинского персонала доминирующее число женщин. А, как известно, женщины более требовательны к состоянию своего физического здоровья и реже им удовлетворены¹⁶. С помощью проверки связи по методу хи-квадрата и коэффициента V Крамера нам удалось определить, что связь между оценками физического здоровья и занимаемой должностью существует и является средней, а статистически значимой связи между оценками физического здоровья и полом в медицинских учреждениях не найдено.

Различий в оценках психологического состояния в зависимости от уровня медицинского образования и занимаемой должности не выявлено. На оценку психологического состояния влияет только субъективный фактор физического состояния.

Установки медицинских работников по отношению к здоровому образу жизни и субъективная оценка их реализации

Отвечая на вопрос “Насколько для Вас важно быть здоровым?” практически все (97% медицинских работников) отметили, что для них скорее важно быть здоровыми, т.е. выделили здоровье как важную ценность. Тем временем согласно ответу на вопрос “Насколько у Вас получается следить за своим здоровьем?” только 40% респондентов говорят о том, что у них скорее получается, у 20% скорее не получается, у 40% пограничное состояние, указывающее на промежуточный результат.

С помощью проверки статистически значимых связей по методу хи-квадрата удалось установить, что наличие детей влияет на то, насколько высоко оценивают важность здоровья медицинские работники, а материальное положение влияет на факт того, насколько это получается делать.

Люди с детьми с большей вероятностью считают, что важно быть здоровыми. Эта связь подтверждается только среди медицинских сестер, среди врачей связи нет; связь подтверждается также среди женщин, на мнение мужчин о важности быть здоровым наличие детей не влияет, также как на мнение людей в возрасте от 35 до 44 лет и тех, кто проживает в пригороде. Данная связь может быть объяснена как гормональным фоном женщин, так и социальной средой. Женщины ощущают как ответственность за детей и их будущее, так и желание опекать детей и быть с ними рядом.

¹⁶ Везрманн Р., Хелемяэ Е. Оценка здоровья мужчинами и женщинами в России, Эстонии, Литве и Финляндии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 109–118.

Таблица 2

Наличие связи между социально-демографическими характеристиками и важностью следить за своим здоровьем в группе людей, у которых есть дети, значение двусторонней асимптотической значимости

	Пол		Возраст				Должность		Проживание		Материальное положение		
	м	ж	До 34	35–45	45–54	55+	Мед-сестра	Врач	Мегаполис	Пригород	Удовлетворительное	50/50	Неудовлетворительное
Есть дети	0,231	0,005	0,359	0,001	0,793	0,764	0,003	0,198	0,112	0,024	0,187	0,026	0,060
V Крамера		0,208		0,430			0,257			0,275		0,229	

Таблица 3

Наличие связи между социально-демографическими характеристиками и важностью следить за своим здоровьем в группе людей, удовлетворенных материальным положением, значение двусторонней асимптотической значимости

	Пол		Возраст				Должность		Проживание		Дети	
	м	ж	До 34	35–45	45–54	55+	Мед-сестра	Врач	Мегаполис	Пригород	Есть	Нет
Удовлетворены материальным положением vs следят за здоровьем	0,100	0,000	0,010	0,029	0,011	0,023	0,003	0,198	0,000	0,057	0,003	0,001
V Крамера		0,367	0,344	0,313	0,264	0,659	0,269	0,268	0,268		0,218	0,450

Люди, удовлетворенные материальным положением чаще отмечают, что им удастся следить за своим здоровьем. Эта связь сохраняется среди женщин, жителей мегаполиса, наиболее сильная в старшей возрастной группе (старше 55 лет).

Правильно питаться скорее важно 62% медицинских работников, а скорее неважно только 7%, у остальных позиция сомневающих. А вот получается правильно питаться только у 24% медицинских работников, скорее не получается у 30%, 46% отмечают, что получается время от времени. Чаще всего медицинские работники придерживаются следующих правил питания из предложенных: следят за количеством калорий, сахара, углеводов (38%), стараются не есть на ночь (23%). Игнорируют правила здорового питания и едят все подряд 37%.

Врачи чаще медицинских сестер отмечают, что им удастся правильно питаться: только 24% врачей не удовлетворены качеством своего питания, в то время как среди сестер количество тех, кто полагает, что им не удастся правильно питаться — 34%. Сила связи по V Крамеру средняя 0,208.

Фактором, влияющим на правильное питание, является удовлетворенность материальным положением. Эта связь сохраняется между врачами и медицинскими сестрами, удовлетворенными частично материальными положением: врачи чаще склонны следить за своим питанием, чем медсестры.

Часто врачи отмечают, что переизбыток физических нагрузок также вреден, как и отсутствие необходимой нагрузки. Резкое желание что-либо сделать, например, пробежать кросс или в бытовом плане за раз унести все пакеты/чемоданы приводит к различным болям¹⁷. Важность правильного распределения физических нагрузок отмечают для себя 43% респондентов, 32% сомневаются в этом, а 25% придерживаются мнения, что правильное распределение физических нагрузок скорее неважно для них. Хотя скорее получается распределять нагрузки только у 22%, а вот скорее не получается у 38%. Успех в распределении физических нагрузок зависит и от возраста, так, распределять физические нагрузки чаще других удастся молодежи до 35 лет, а также людям старше 55 лет. Эта связь сохраняется только среди тех медицинских работников, у кого есть дети.

Врачи чаще медицинских сестер отмечают важность распределения физических нагрузок: 52% врачей отмечают, что скорее важно правильно распределять физические нагрузки, аналогичного мнения придерживаются только 38% медсестер.

¹⁷ Названа самая частая ошибка, приводящая к острой боли в спине // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210209/spina-1596604792.html>

Иерархия двусторонних корреляционных связей между установками и паттернами поведения в отношении здоровья

Медицинские сестры	Врачи
Важно питаться и распределять физические нагрузки (0,545 ^{**})	Получается следить за здоровьем и правильно питаться (0,603 ^{**})
Получается распределять физические нагрузки и важно это делать (0,523 ^{**})	Получается питаться и распределять физические нагрузки (0,539 ^{**})
Получается питаться и распределять физические нагрузки (0,489 ^{**})	Важно правильно питаться и распределять физические нагрузки (0,529 ^{**})
Получается следить за здоровьем и правильно питаться (0,472 ^{**})	Получается распределять физические нагрузки и важно это делать (0,492 ^{**})
Важно питаться и получается питаться правильно (0,363 ^{**})	Получается следить за здоровьем и правильно распределять физические нагрузки (0,491 ^{**})
Получается правильно питаться и важно распределять физические нагрузки (0,361 ^{**})	Важно питаться и получается питаться правильно (0,481 ^{**})
Получается следить за здоровьем и правильно распределять физические нагрузки (0,358 ^{**})	Важно питаться и получается следить за здоровьем (0,444 ^{**})
Важно правильно питаться и быть здоровым (0,326 ^{**})	Важно правильно распределять физические нагрузки и получается питаться (0,411 ^{**})
Важно правильно питаться и получается распределять физические нагрузки (0,259 ^{**})	Получается следить за здоровьем и важно правильно распределять физические нагрузки (0,386 ^{**})
	Важно быть здоровым и важно распределять физические нагрузки (0,362 ^{**})
	Важно питаться и получается распределять физические нагрузки (0,332 ^{**})
	Важно быть здоровым и получается быть здоровым (0,298 ^{**})
	Важно быть здоровым и получается правильно распределять физические нагрузки (0,291 ^{**})

Среди медицинских сестер успехи в соблюдении правильного питания не коррелируют с успехами субъективных оценок внима-

ния к своему здоровью. Среди врачей такая связь присутствует. Мы сравнили корреляционные матрицы между мнением о важности внимания к своему здоровью и реальными действиями среди врачей и медицинских сестер. Удалось установить, что врачи в большей степени выделяют связь между правильным питанием и здоровьем, чем медицинские сестры. Кроме того, в восприятии врачей, в отличие от восприятия медсестер, существуют связи между тем, что они осознают важность быть здоровым и им удастся следить за здоровьем. Они отмечают, что у них получается следить за здоровьем, также они отмечают важность правильного питания и распределения физических нагрузок. Таким образом, среди среднего медицинского персонала реже прослеживается связь между тем, что скорее получается быть здоровым и воспринимается скорее важным правильное питание и распределение нагрузок, чем среди врачей. Можем сделать вывод, что связь между делом и пониманием важности следить за питанием и физическими нагрузками сильнее среди врачей, в то время как среди медицинских сестер наиболее сильная связь только между важностью различных элементов здорового образа жизни, а не между осознанием и выполнением этих действий.

Для проверки гипотезы о том, что так называемая осознанность важности здорового образа жизни не всегда проявляется в реальной жизни посредством результатов и действий, мы использовали Т-критерий для парных выборок с предварительным расщеплением по занимаемой должности (врач или медицинская сестра/брат). Использование данного метода аргументируется тем, что распределения зависимых переменных отвечают закону нормального распределения.

Как среди медицинских сестер, так и среди врачей найдена статистически значимая связь между тем, насколько важным они считают правильное питание, физические нагрузки и собственное здоровье, и тем, насколько получается следить за своим здоровьем, питанием и физическими нагрузками.

У среднего медицинского персонала в большей степени, чем у врачей, выражена разница между правильным и реальным питанием. У врачей и медицинских сестер/братьев практически одинаковый разрыв между правильным (важным) объемом физических нагрузок и реальным, а также у врачей меньше разрыв между оценками важности здоровья и собственными попытками следить за своим здоровьем.

Исходя из результатов, можно отметить, что наименьший разрыв как среди врачей, так и среди медицинских сестер в отношении

физических нагрузок, все понимают необходимость регулярных нагрузок и постоянно распределяют нагрузки в своей жизни. Несколько больший разрыв между осознанием важности правильного питания и тем, насколько получается правильно питаться. Самый большой разрыв между осознанием важности здоровья и тем, насколько получается следить за своим здоровьем. Можем предположить, что такая иерархия зависит от общественного мнения, которое выделяет, прежде всего, культ красивого тела, для достижения которого нужен определенный уровень физической активности. Различия в средних оценках восприятия и реагирования статистически значимы во всех тестируемых группах.

Таблица 5

Наличие связи между установками и паттернами в отношении питания, физических нагрузок и здоровья среди врачей и медицинских сестер

	Питание				Физические нагрузки				Здоровье			
	Считает важным	Выполняет	Разница средних	Значимость	Считает важным	Выполняет	Разница средних	Значимость	Считает важным	Выполняет	Разница средних	Значимость
Мед-сестра	3,64	2,75	0,887	0,000	3,17	2,65	0,519	0,000	4,81	2,17	1,647	0,000
Врач	3,84	3,11	0,729	0,000	3,31	2,85	0,459	0,001	4,68	3,35	1,329	0,000

Далее по методу суммарных оценок мы построили два индекса: комплексной важности правильного питания, физических нагрузок и здоровья, и аналогичный комплексный индекс успеха в соблюдении правильного питания, распределения нагрузок и самочувствия. С помощью метода Т-критерия для парных выборок удалось подтвердить статистически значимую разницу между комплексным восприятием и действием как среди врачей, так и среди медицинских сестер. Примечательно, что различия между средними значениями больше у медицинских сестер, чем у врачей, что еще раз доказывает, что *наличие высшего медицинского образования положительно влияет на степень реального внимания к своему здоровью*. Кроме того, дополнительно проведен однофакторный дисперсионный анализ, указывающий, что различия между врачами и медицинскими сестрами именно в реальном отношении к своему здоровью, а по факту отношения к комплексной важности здоровья различий не выявлено.

Поведение медицинских работников при заболевании

Врачи, работники министерств здравоохранения призывают население регулярно проходить диспансеризацию, так как ранняя диагностика ряда серьезных заболеваний увеличивает шансы пациента на выздоровление. Также рекомендуют при первых признаках недомоганий обращаться к врачу, а не принимать антибиотики без назначения специалиста. Что касается действий врачей, то сами медицинские работники (как врачи, так и медсестры) по регламенту обязаны проходить ежегодную диспансеризацию, что отражается в их ответах на вопрос о том, по каким причинам они сами обращаются к врачу: диспансеризация (63%), оформление больничного листа (46%), длительное недомогание (41%). Реже всего при обращении к врачу медицинские работники руководствуются страхами, необходимостью получить справку или в качестве реакции при первых признаках недомоганий. В дополнительном ответе врачи пояснили, что при первых недомоганиях они сами могут поставить себе диагноз. Статистически незначительные различия присутствуют между врачами и медсестрами: врачи только в 38% случаев обратятся при длительных недомоганиях к своим коллегам, медсестры в 43%, однако, врачи в 46% случаев обратятся к врачу, если проверенные методы не действуют, а медсестры только в 36%. Также врачи чаще обращаются к своим коллегам для получения справок и больничных, чем медицинские сестры: 57% против 38%, эта связь статистически значима. Иными словами, врачи чаще уходят с работы во время болезни, чем медицинские сестры.

Таблица 6

Иерархия причин обращения медицинских работников к врачу

Причины	%
Диспансеризация	62,50
Для оформления больничных	45,80
Длительные недомогания	41,20
Проверенные методы не действуют	39,80
Для получения справки	24,50
Первые недомогания	14,80
Страх	4,60

Первые действия при недомоганиях и прием лекарственных средств

Врачи не рекомендуют самостоятельно принимать лекарственные препараты. Считается, что употребление антибиотиков без назначения врача — непозволительная мера, так как люди без медицинского образования не понимают, что антибиотики убивают бактерий, наличие которых можно зафиксировать только после сдачи анализов. Бездумный прием антибиотиков приводит к антибиотикорезистентности¹⁸. Не более обдуманым и разумным, по мнению специалистов, является прием народных средств, например, многие растения могут просто вызвать ожоги слизистой и привести к более негативным последствиям. Даже соляные растворы для полоскания горла могут быть опасны, если дозировка соли будет превышена. При этом 22% медицинских работников предпочитают лечиться народными средствами. Самыми популярными народными средствами при лечении, по мнению медицинских работников, являются травяные сборы, водка, мед.

Медицинские препараты принимаются чаще всего в случаях назначения врача (79%), а также эффективного воздействия в прошлый раз (43%). Реже всего лекарства принимают в связи с советами в рекламе, советами блогера (1%), а также по совету провизора (7%). В качестве дополнительных ответов респонденты указали на то, что примут лекарства по показаниям, собственным назначениям. Работники без высшего медицинского образования чаще выбирают себе лекарства по методу “оно помогло в прошлый раз”, а врачи назначают себе медикаменты самостоятельно, различия статистически значимы: 47% медицинских сестер против 29% врачей.

Ставят себе диагноз с помощью интернета постоянно только 6% респондентов, время от времени 21%, остальные делают так очень редко.

При выявлении первых признаков недомоганий, чаще всего медицинские работники (52%) принимают таблетки, стараются провести несколько дней дома (30%), а также снизить физическую нагрузку (24%). Реже всего медики (1%) обращаются к остеопатам, а также читают информацию о симптомах в интернете (8%). В качестве дополнительных ответов было указано, что медики стараются лечиться самостоятельно, так как это в их компетенции, либо обратятся к коллегам для назначения лечения. Статистически значимых

¹⁸ Минздрав обеспокоен частым приемом россиянами антибиотиков при COVID-19 // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4558597> (дата обращения: 09.03.2021).

различий в поведении между врачами и медицинскими сестрами/братьями не выявлено.

Самые популярные причины игнорирования возможности обращения за медицинской помощью — мнение о том, что само пройдет (42%), нежелание тратить время в очереди (39%), а также невозможность покинуть рабочее место (33%). Реже всего медицинские работники игнорируют возможность воспользоваться медицинской помощью из-за страха (5%), дороговизны медицинских услуг (5%), а также недоверия к медицине (2%). 22% в качестве дополнительного ответа указали, что сами могут себя вылечить, так как являются медицинскими работниками. Врачи реже медицинских сестер отмечают, что им придется потратить время в очереди: 21% против 38%, связь между мнением о времени в очереди и должностью статистически значима. Однако этот момент можно объяснить тем, что врачи, как правило, обращаются к своим коллегам не как пациенты, а как коллеги, нуждающиеся в консультации, поэтому могут пройти без очереди.

Кластерный анализ выявил две основные причины игнорирования врачей: длительное ожидание и невозможность уйти с работы, а также в качестве второй причины вера в то, что само все пройдет.

Однако 78% респондентов порекомендуют своим близким обратиться за профессиональной медицинской помощью при первых признаках болезни. Причем, люди с рабочим стажем в медицинской организации более 21,5 года (выше медианного) порекомендуют точно обратиться к врачу с меньшей вероятностью, чем люди с меньшим стажем: 27% против 41%.

Заключение

До пандемии новой коронавирусной инфекции риски в отношении здоровья воспринимались акторами в краткосрочной перспективе, о долгосрочных последствиях задумывались гораздо реже, несмотря на социальную рекламу, призывающую подумать о будущем. Задача системы здравоохранения по информационной политике реализовывалась, но полученная информация к действию, например, к прохождению диспансеризации, большинство населения не мотивировала. Пандемия, повлекшая за собой сокращение ожидаемой продолжительности жизни населения, смертность населения и тяжелые последствия для здоровья переболевших предположительно должны усилить восприятие долгосрочных рисков по отношению к здоровью акторов. Однако очевидно, что последствия пандемии будут иметь ограниченный по времени эффект, а проблема отношения людей к своему здоровью останется. Поэтому важно понять, какие

факторы в условиях повышенной информированности общества о рисках отношения к здоровью могут повлиять на самосохранительное поведение акторов.

В ходе исследования удалось установить, что врачам с большей вероятностью удастся правильно питаться, следить за физическими нагрузками и своим здоровьем, чем их коллегам без высшего медицинского образования. Иными словами, исходная гипотеза о том, что высокий уровень знаний и информированности о рисках заболеваний влияет на реальное отношение к своему здоровью, подтвердилась. Расстояния между установками и паттернами поведения по отношению к физическим нагрузкам, питанию и здоровью меньше у врачей, чем у среднего медицинского персонала. Во-первых, физическая нагрузка врачей на рабочем месте ниже, чем у медицинских сестер. При низком уровне физической нагрузки и высокой умственной активности, а также высоком уровне риска, физическая нагрузка для многих является необходимым средством для снятия напряжения. Во-вторых, врачи все же в большей степени понимают свойства организма и последствия неправильного питания и игнорирования симптомов различных болезней.

При плохом самочувствии люди с высшим медицинским образованием чаще склонны выбирать рациональную модель поведения — обращаться за больничным, не принимать таблетки, которые помогли в прошлый раз, в то время как люди без высшего медицинского образования склонны к самодиагностике и самолечению. Данное поведение можно объяснить концентрацией уровня страха и уровнем рациональности. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень образования увеличивает рациональность и позволяет подойти к риску с точки зрения минимизации ущерба, в том числе и в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. Проблемы изучения самосохранительного поведения населения в демографии // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986.

Веэрманн Р., Хелемяэ Е. Оценка здоровья мужчинами и женщинами в России, Эстонии, Литве и Финляндии // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 109–118.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Зиммель Г. Социальная дифференциация // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.

Кравченко С.А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4.

Кравченко С.А. Пандемия COVID-19: вызовы здоровью населения мира — возможна ли гуманистическая глоболокальная биополитика? // Полис. Политические исследования. 2020. № 6.

Нагибина Ю.В., Кубарева М.И., Князева Д.С. Медико-социальные особенности больных ишемической болезнью сердца с различным уровнем депрессии // Кардиоваскулярная терапия и профилактика 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-osobennosti-bolnyh-ishemicheskoy-boleznyu-serdtsa-s-razlichnym-urovнем-depressii> (дата обращения: 04.02.2021).

Фролов С.С. Социология организации: Уч. пособ. М., 2001.

Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. М., 1995.

Штомпка П. Теория. Методология. Социальное изменение как травма. М., 2001.

REFERENCES

Antonov A.I. Problemy izuchenija samosohranitel'ngo povedenija naselenija v demografii [Studying the self-preserving behavior of the population in demography] // Demograficheskoe povedenie i vozmozhnosti social'nogo vozdejstviya na nego v uslovijah socializma. M., 1986 (in Russian).

Beck U. Power in the global age. Cambridge, 2007.

Frolov S.S. Sociologija organizacii: uchebnoe posobie [Sociology of organization]. M., 2001 (in Russian).

Fromm Je. Zdorovoe obshhestvo [The Sane Society] // Psihoanaliz i kul'tura. M., 1995 (in Russian).

Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. M., 2004 (in Russian).

Kravchenko S.A. Sociologicheskie teorii travmy: diskurs v sovremennoj teoreticheskoy sociologii [Sociological theories of trauma: discourse in contemporary theoretical sociology] // Sociologicheskie issledovanija. 2020. N 4 (in Russian).

Kravchenko S.A. Pandemija COVID-19: vyzovy zdorov'ju naselenija mira — vozmozhna li gumanisticheskaja globolokal'naja biopolitika? [COVID-19 pandemic: challenges to global health — is humanist globolocal biopolitics possible?] // Polis. Politicheskie issledovanija. 2020. N 6 (in Russian).

Nagibina Ju.V., Kubareva M.I., Knjazeva D.S. Mediko-social'nye osobennosti bol'nyh ishemicheskoy bolezni serdca s razlichnym urovnem depressii [Medical and social features of patients with coronary artery disease and depression] // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. 2019. N 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-osobennosti-bolnyh-ishemicheskoy-boleznyu-serdtsa-s-razlichnym-urovnem-depressii> (data obrashhenija: 04.02.2021) (in Russian).

Shtompka P. Teorija. Metodologija. Social'noe izmenenie kak travma [Social change as trauma]. M., 2001 (in Russian).

Vejermand R., Helemjaje E. Ocenka zdorov'ja muzhchinami i zhenshhinami v Rossii, Jestonii, Litve i Finljandii [Health assessment by men and women in Russia, Estonia, Lithuania and Finland] // Sociologicheskie issledovanija. 2016. N 7. S. 109–118 (in Russian).

Zimmel' G. Social'naja differenciacija // Zapadnoevropejskaja sociologija XIX — nachala XX vekov / Pod red. V.I. Dobren'kova. M., 1996 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-175-191

ЭМИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ ЗА ГРАНИЦУ: ПРИЧИНЫ И ПОТЕНЦИАЛ РЕЭМИГРАЦИИ

А.А. Гребенюк, докт. эконом. наук, зам. директора по научной работе Высшей школы современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

Е.С. Красникова, студентка II курса магистратуры факультета Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Российская Федерация, 119991**

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было выявить реальные факторы эмиграции российских врачей за рубеж в период с 2013 по 2019 г. Теоретическая часть исследования была построена в рамках социологического подхода и за основу была взята теория “притяжения и выталкивания” Эверетта Ли. В ходе исследования было проведено 10 глубинных интервью с российскими врачами, которые на момент исследования постоянно проживали и работали за границей. Уникальность результатов данного исследования состоит в том, что эмпирическим объектом исследования выступают не врачи, которые хотят уехать за границу, а врачи, которые уже совершили переезд и на момент исследования постоянно проживают за границей. В каждом интервью были заданы вопросы на следующие темы: причины переезда из России, как проходил процесс принятия решения о переезде, каким образом респондент выбрал страну для нового места жительства, какие были издержки переезда, отношение респондента к российской системе здравоохранения, вопрос о возвращении в Россию.

Статья состоит из двух частей. В первой части дан подробный анализ результатов исследования с цитатами респондентов, во второй части описаны четыре группы выявленных факторов эмиграции российских врачей: притягивающие факторы за границей в целом, притягивающие факторы в системе здравоохранения за границей, выталкивающие факторы в России в целом, выталкивающие факторы в системе здравоохранения в России. По итогам исследования было выявлено превалирование выталкивающих факторов эмиграции российских врачей за границу над притягивающими, определены крайне низкие возвратные миграционные установки. Также не было выявлено значимого воздействия социально-политических и природно-климатических факторов выталкивания на процесс эмиграции российских врачей.

Ключевые слова: эмиграция, эмиграция врачей, причины эмиграции российских врачей, выталкивающие факторы эмиграции, притягивающие факторы эмиграции.

* **Гребенюк Александр Александрович**, e-mail: gaa-mma@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9003-4551

** **Красникова Екатерина Сергеевна**, e-mail: kate@spivak.ru, ORCID: 0000-0003-0538-5432

EMIGRATION OF RUSSIAN DOCTORS ABROAD: REASONS AND POTENTIAL OF REEMIGRATION

Grebenyuk Alexander A., Doctor of Economics, Deputy Director for Research at the Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bldg. 13, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: gaa-mma@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9003-4551

Krasnikova Ekaterina S., 2nd year student of the Master's program at the Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, bldg. 13, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: kate@spivak.ru; ORCID: 0000-0003-0538-5432

The article presents the results of an empirical study. The aim of the study is to identify the real factors of the emigration of Russian doctors abroad in the period from 2013 to 2019. The theoretical part of the study was built within the framework of a sociological approach. The theory of "attraction and pushing" by Everett Lee was taken as a basis. In the course of the study, 10 in-depth interviews were conducted with Russian doctors who at the time of the study were permanently living and working abroad. The uniqueness of the results of this study lies in the fact that the empirical object of the study is not doctors who want to go abroad, but doctors who have already moved and at the time of the study are permanently residing abroad. In each interview, questions were asked on the following topics: reasons for moving from Russia, how was the decision-making process to move, how the respondent chose a country for a new place of residence, what were the costs of moving, the respondent's attitude to the Russian healthcare system, the question of returning to Russia.

The article is divided into two parts. The first part provides a detailed analysis of the research results with quotes from respondents. The second part describes 4 groups of identified factors of emigration of Russian doctors: pull factors abroad in general, pull factors in the healthcare system abroad, push factors in Russia as a whole, push factors in the healthcare system in Russia. According to the results of the study, it was revealed that the push factors of the emigration of Russian doctors abroad over the attractive ones. Extremely low return migration attitudes have been identified. Also, no significant impact of socio-political and natural-climatic factors of pushing out on the process of emigration of Russian doctors was revealed.

Key words: emigration, emigration of doctors, reasons for emigration of Russian doctors, pushing factors of emigration, pulling factors of emigration.

Актуальность

Согласно статистическим данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), количество российских врачей, работающих за границей по специальности, неуклонно растет. В 2000 г. 7 168 российских врачей осуществляли трудовую деятельность за рубежом. В 2010 г. эмигрантов этой категории насчитывалось 15 538 человек, в 2016 г. — 16 659 человек, а в 2019 г. уже 18 535 чело-

век¹. Иными словами, за последние 20 лет только по данным официальной статистики зарубежных стран Россия потеряла более 18 500 высококвалифицированных врачей. Данная численность не включает в себя тех, кто работает в странах, не входящих в ОЭСР, а также врачей, которые переехали за рубеж и работают не по специальности. Помимо эмиграционных потерь национального человеческого капитала, Россия терпит и значительные финансовые потери, так как большая часть уехавших обучалась за счет государства. Также следует отметить, что уезжают за границу чаще всего лучшие, кто хорошо проявил себя в учебе и практической врачебной деятельности.

Особую тревогу вызывает тот факт, что эмиграция специалистов системы здравоохранения происходит в условиях фиксирующейся нехватки медицинского персонала в регионах России. По данным Министерства здравоохранения в 2019 г. в России почти 18% всех ставок врачей были незакрыты, что в абсолютном значении составляет 142 тыс. незакрытых вакансий врачей по всей России². Лидерами по показателю доли незакрытых вакансий врачей в общей численности таких ставок в регионе в 2019 г. были Псковская область (47,3%), Еврейская автономная область (43,7%), Курганская область (43,6%), Владимирская область (39,6%), Тульская область (39,6%), Костромская область (38%), Кемеровская область (34,3%).³

Российские власти уже принимают меры для решения данной проблемы в первую очередь за счет увеличения количества целевых мест в медицинских вузах и распределения молодых специалистов по регионам с наибольшим дефицитом кадров⁴. Также существу-

¹ OECD Health workforce migration. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-health-statistics/health-workforce-migration_1497601f-en (accessed: 18.10.2020).

² Число штатных должностей врачей в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59996> (дата обращения: 17.11.2020). Число врачей (физических лиц) в подразделениях медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59997> (дата обращения: 17.11.2020).

³ Показатель укомплектованность врачебных должностей в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (физическими лицами при коэффициенте совместительства 1,2) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59510> (дата обращения: 17.11.2020).

⁴ Сидоренко Е. Не местный анамнез: мигранты помогут решить кадровый вопрос в медицине // Известия. 2019. 10 окт. № 192. URL: <https://iz.ru/928434/elena-sidorenko/ne-mestnyi-anamnez-migranty-pomogut-reshit-kadrovyy-vopros-v-meditcine> (дата обращения: 18.10.2020).

ют планы по привлечению медицинских работников из-за рубежа. Вместе с тем очевидным является тот факт, что закрепление в стране медицинских работников, уменьшение их миграционного оттока — одни из важнейших направлений снижения дефицита врачей.

Описание исследования

В данной статье представлено социологическое эмпирическое исследование эмиграции российских врачей за границу. Концептуальная часть исследования была построена на теории “притяжения и выталкивания” Эверетта Ли⁵. Исследование проводилось с декабря 2019 г. по январь 2020 г. Цель исследования — выявить выталкивающие и притягивающие факторы эмиграции российских врачей за границу. Уникальность результатов данного исследования состоит в том, что эмпирическим объектом исследования выступают не врачи, которые хотят уехать за границу, а врачи, которые уже совершили переезд и на момент исследования постоянно проживают за границей. Рассмотрев достоинства и недостатки различных социологических методов и учитывая финансовые возможности для сбора эмпирических данных был применен метод глубинного интервью с использованием современных технологий связи.

В рамках исследования было взято 10 глубинных интервью. Все участники постоянно проживают за границей и совершили переезд в период с 2013 до 2019 г. Возраст участников и участниц от 27 до 42 лет. Все интервьюируемые получили высшее медицинское образование и опыт работы врачом в России и на момент интервью жили и работали за границей в таких странах, как Германия, Швеция, Словения, Франция, Чехия, Эстония и Нидерланды.

Причины переезда

Исходя из ответов интервьюируемых, можно выделить три основные причины переезда в другую страну. *Первая причина — это плохие условия труда, низкие зарплаты и социальный статус врачей в России.* Например, врач, проживающий в Швеции, на вопрос о причинах переезда, ответил: “Мне не нравились условия для работы в качестве врача в России, особенно низкий социальный статус врачей” (респондент № 1, мужчина, 27 лет; респондент № 2, женщина, 42 года). Вот слова женщины-врача, 36 лет, которая живет в Эстонии: “Я решила переехать в другую страну, потому что много работала и мало зарабатывала, не могла устроиться на работу в стационар, хотелось перемен и путешествий” (респондент № 7, женщина, 36 лет). Мужчина

⁵ Lee E.S. A theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3. Iss. 1. P. 47–57.

из Франции высказал такое же мнение о зарплате врача в России: “За границей также зарплата гораздо больше, чем в России. Особенно в регионах. На зарплату врача в России, я даже не мог снять жилье” (респондент № 4, мужчина, 25 лет). Женщина, 42 года, проживает в Словении, сказала следующее: “Во время обучения и работы мне всегда приходилось добираться автобусом, а иногда несколькими. У меня не было своего жилья... В один момент я осознала, что с моей зарплатой я никогда не смогу собрать на покупку жилья”. Респондентка, живущая в Германии, ответила: “Причина в том, что, к сожалению, в своей стране (в России) я больше не вижу никакого будущего для себя в сфере медицины” (респондент № 10, женщина, 31 год).

Вторая причина — это возможность получить дополнительное образование за границей или повысить научные компетенции. Интервьюируемые приводили следующие причины переезда, связанные с получением образования. Девушка, 27 лет, проживающая в Нидерландах: “Всегда хотела [переехать] (Прим. авторов — А.Г., Е.К.). Кроме того, мне очень понравилась магистерская программа” (респондент № 3, женщина, 27 лет). Мужчина, 25 лет, живущий в Париже, ответил: “Я переехал во Францию, чтобы получить хороший опыт и образование. Такого, к сожалению, у нас не получишь” (респондент № 4, мужчина, 25 лет). Мужчина-врач переехал в Германию, так как в этой стране, по его мнению, есть возможность заниматься научной деятельностью: “Я переехал в Германию, потому что предложили место в клинике, которая в числе ведущих в мире по интересующему меня направлению, и возможность заниматься научной работой” (респондент № 9, мужчина, 33 года).

Третья причина — это семейные обстоятельства, такие как брак с иностранцем, переезд родственников и другие причины семейного характера. Например, женщина 36 лет, проживающая в Чехии, ответила: “Я переехала в Чехию по семейным обстоятельствам: пришло время отдавать ребенка в школу. Я хотела, чтобы ребенок пошел в школу в Чехии, а не в России, поэтому процесс переезда был ускорен” (респондент № 6, женщина, 36 лет). Другой пример, слова женщины 28 лет, проживающей с мужем в Чехии: “Мой муж — иностранец, в России ему практически невозможно сделать миграционные документы, чтобы он мог здесь работать, поэтому мы решили остаться в Чехии” (респондент № 8, женщина, 28 лет).

Процесс принятия решения о переезде

Интервьюируемых можно разделить на две условные группы. *Первая группа — респонденты, которые приняли решение о переезде быстро, и причиной послужило какое-то ключевое событие или не-*

сколько событий. Например, вот слова респондентки, проживающей в Словении: “Долго ли я принимала решение? Я всегда этого хотела, но само решение было принято в миг” (респондент № 2, женщина, 42 года). Или личный опыт девушки, которая на данный момент работает и учится в Нидерландах: “Приняла решение быстро. Подала документы на стипендию, когда получила — переехала. Переезду способствовало ряд факторов. Первая причина: отношение к психиатрии в медицинских кругах в России. Я писала диплом по психиатрии, и на защите мне комиссия высказала мнение, что психиатрия не относится к настоящей работе врача. Вторая причина: дегуманизирующее отношение к пациентам. Я не хотела так же относиться к пациентам. После окончания вуза я уже не была уверена, что хочу продолжать клиническую карьеру и идти в ординатуру. Но все преподаватели и большинство знакомых относились к такому выбору крайне отрицательно. В это же время я нашла магистерскую программу в Нидерландах, которая мне понравилась. Я была заинтересована в исследованиях на стыке медицины и психологии, а именно это направление развивают в Нидерландах. Но когда я решила туда поступить, я опять столкнулась с давлением от начальницы, так как исследователи-эпидемиологи не настоящие врачи. Это все в итоге сложилось в достаточно серьезное негодование по отношению к клинической карьере в России, и я уехала” (респондент № 3, женщина, 27 лет).

Личный опыт мужчины, проживающего на данный момент в Швеции: “Решение именно о переезде, с сохранением профессии, было принято мгновенно, когда эмоциональное состояние достигло критической точки — 1 июля 2016 г. 30 июня 2016 г. я получил диплом с размазанной печатью на бланке не государственного образца, а установленного, как мне объяснили позже. Хотя вуз имел аккредитацию, и половина студентов получила дипломы на бланках государственного образца, ну, видимо, на чем было, на том и печатали... Я мечтал о стажировке, и понимал, что с не-госдипломом не смогу доказать компетентность, даже учитывая то, что он прошел по образовательному регистру. Уехать именно в Швецию решил где-то через неделю после того, как получил диплом, смотрел условия подтверждения профессии, сложность локальных языков, выбирал из многих стран Европы. После принятия конкретного решения жить стало повеселее” (респондент № 1, мужчина, 27 лет). А вот слова респондента, переехавшего в Германию: “Думал один-два дня после получения предложения. Ключевым событием, повлиявшим на переезд, стала краткосрочная стажировка в этой же клинике. Собственно, в ходе нее меня и пригласили остаться” (респондент № 9, мужчина, 33 года).

Вторая группа — врачи, которые принимали решение в течение долгого времени. Например, мнение врача, на данный момент проживающего в Швеции: “Сама идея появилась в конце школы, активные действия я начал на третьем курсе. Работая в качестве медбрата в течение учебы, понял, что благополучия в этой профессии у меня в России не будет. Окончательное решение и сам переезд — через полгода после окончания вуза” (респондент № 5, мужчина, 29 лет). Мнение мужчины, который сейчас учится и работает во Франции: “Я принял решение о переезде во время интернатуры, доучился, уехал через четыре месяца” (респондент № 4, мужчина, 25 лет).

Мнение девушки, которая сейчас работает в Эстонии: “В течение года готовились документы, было время подумать. Последней каплей был случай на работе. Меня обманули и не доплатили зарплату” (респондент № 7, женщина, 36 лет). Или личный опыт женщины, которая не смогла остаться работать в России, так как здесь не смогли оформить мужу рабочую визу: “Три месяца мы с мужем принимали решение о переезде в Чехию. Моему мужу отказали в работе в России, в связи с невозможностью сделать ему рабочую визу. Да, мы хотели остаться в России. К сожалению, в реальности оказалось, что для компаний даже крупных, мой муж устраивался в Яндекс, очень невыгодно иметь иностранных сотрудников” (респондент № 8, женщина, 28 лет). Или цепочка событий, повлиявших на переезд женщины-врача, которая на данный момент проживает в Германии: «Я несколько лет принимала решение о переезде. На мое решение повлияло массовое сокращений врачей, под которое попала два раза. И огромные неудачи в дальнейшем поиске работы (даже смена специализации на более “востребованную” и узкую не помогла) как в государственном секторе (попросту нет свободных вакансий), так и в коммерции, где довольно сложные условия, на которые не каждый врач пойдет» (респондент № 10, женщина, 31 год).

Выбор страны для нового места жительства

Интервьюируемые выбирали страну для постоянного места жительства по своим субъективным критериям. Ниже приведены цитаты интервьюируемых о выборе стран, в которые они в итоге совершили переезд.

Вот что говорят выбравшие в качестве страны пребывания Швецию: “Я остановил свой выбор на Швеции, так как работа была близко от дома, похожий климат, также я участвовал в программе обмена студентами” (респондент № 1, мужчина, 27 лет); “В Швеции соблюдаются государственные законы. Шведы трепетно относятся к природе и экологии, все люди сортируют мусор, и эта индустрия действитель-

но работает. Больницы снабжены оборудованием и медикаментами всегда, дефицит врачей, достойная зарплата, уважение к профессии врача. Отсутствие взяток на уровне пациент–врач. Разумная рабочая система сочетания платной и бесплатной медицины: после платного приема, лекарство бесплатное, расходы на медицинские услуги не превышают 1000 крон в год (примерно 9 000 рублей), расходы выше оплачивает государство” (респондент № 5, мужчина, 29 лет).

Выбравшие в качестве страны пребывания Словению говорят следующее: “Словения очень уютна сама по себе. Здесь менталитет схож с нашим. Есть и минусы, но они больше из-за размера страны. Аэропорт один, цены выше и т.д. Но здесь все очень хорошо подходит для фундаментального обустройства жизни. Все размеренно, консервативно” (респондент № 2, женщина, 42 года).

Пример женщины, получившей работу в Нидерландах: “Нидерланды выбрала из-за магистерской программы и из-за того, что у меня здесь живет подруга, которой жизнь здесь очень нравится” (респондент № 3, женщина, 27 лет).

Респондент из Франции сказал следующее: “Я выбрал Францию, так как здесь у иностранцев есть возможность получить бесплатное образование” (респондент № 4, мужчина, 25 лет).

Мнение респондентов, переехавших в Чехию: “Нравится расположение города и уровень заработной платы” (респондент № 6); “У мужа есть работа в Чехии” (респондент № 8, женщина, 28 лет).

Слова женщины, теперь работающей в Эстонии: “Я выбрала Эстонию, потому что это русскоязычная страна и у меня тут родственники” (респондент № 7, женщина, 36 лет).

Мнение переехавших работать в Германию: “Для меня не столько важна была страна, сколько сама клиника... С Шарите (Университетская клиника Шарите (Charité Universitätsmedizin Berlin)) у меня были хоть какие-то связи: учась и работая в КГМУ, я участвовал в паре проектов под их контролем, и однажды встречался и разговаривал на конференции с профессором, к которому хотел поехать” (респондент № 9, мужчина, 33 года); “Муж по работе часто ездил в командировки в Германию, была возможность взять долгосрочную командировку, а потом переехать, поэтому стала думать в этом направлении” (респондент № 10, женщина, 31 год).

Анализ интервью позволил очертить перечень притягивающих факторов за границей, которыми являются более благоприятные климатические условия, доступная инфраструктура, высокий уровень жизни населения, развитая система здравоохранения, отсутствие сильной дифференциации населения по уровню дохода, достойные зарплаты, уважение к профессии врача, отсутствие из-

лишней бюрократии, наличие ресурсов, в том числе оборудования и медикаментов, возможность развиваться в своей профессиональной сфере.

Отношение к российской системе здравоохранения

Все интервьюируемые отрицательно относятся к российской системе здравоохранения. Подобное отношения вызвано рядом причин. Например, участники исследования приводили такие примеры из личного опыта. Например, цитата мужчины переселившегося в Швецию: “В целом плохо, в первую очередь потому, что слишком много ресурсов уходит впустую за счет неверной организации” (респондент № 1, мужчина, 27 лет). А вот что говорит о российской системе здравоохранения женщина, проживающая теперь в Словении: “Отношение к системе здравоохранения в России... Частные клиники в Москве и Ростове очень разные. А в государственных больницах пациентам приходится не очень легко” (респондент № 2, женщина, 42 года). Мнение девушки из Нидерландов относительно системы здравоохранения в России: “Резко отрицательное. Там много хороших людей, но система больна, она их (врачей — *Прим. А.Г., Е.К.*) калечит и травмирует. А они делают то же самое с другими” (респондент № 3, женщина, 27 лет).

История из личного опыта мужчины, проживающего в Швеции: “До модернизации все было нормально. Не надо трогать то, что работает, сломать можно. Модернизация приводит к ненужным волнениям среди персонала, сокращения были даже. По факту все изменения касаются каких-то реструктуризаций отделений, чаще всего глупых. Могу на примерах объяснить только, иначе не получится. В травматологию не поступали дети, много прошло через травмпункт. Проверка выявила, что больных мало, приняли решение сократить ставку. Один доктор перешел в дежурные. Через месяц детей с травмами оказалось столько, что доктора с трудом справились! А ставку не возвращают. Ну и введение аккредитации, общей практики доктора, после университета терапевтов стали сразу направлять в поликлинику. Ну, нет достаточной подготовки в университетах, чтобы специалисты сразу лечили пациентов! Раз, два, три это все слышишь... и так надоедает! Потому что просто хочется работать и жить нормально! И таких примеров о нашей системе здравоохранения, к сожалению, много” (респондент № 5, мужчина, 29 лет).

Вот что говорит по этому поводу женщина, проживающая в Чехии: “Я отрицательно отношусь к системе здравоохранения в России. Я рядовой доктор. Доктора в России по узкой специальности получают очень низкую зарплату. У доктора всегда должно быть время на

развитие, а вместо этого я работала на двух работах. И так работает основная масса врачей, и в сумме это тоже небольшие деньги. А разница между зарплатой санитаром и врача невелика!” (респондент № 6, женщина, 36 лет).

Прогноз развития системы здравоохранения в России, данный женщиной, уехавшей работать в Эстонию: “Российская система здравоохранения движется к тому, чтобы стать платной, бесплатная часть отмирает, не хватает финансирования, не во всех сферах хватает профессионалов” (респондент № 7, женщина, 36 лет). Мнение женщины из Германии: “Система здравоохранения в России устаревшая и неэффективная, очень много денег тратится впустую” (респондент № 10, женщина, 31 год).

Приведем в пример также мнение мужчины из Германии: “Система здравоохранения в России, во-первых, социально справедлива: почти все могут воспользоваться услугами бесплатной медицины, хоть и плохого качества. Во-вторых, она несостоятельна: качество и количество медицинских услуг по программе ОМС не идут ни в какое сравнение с западными. Высококачественная помощь существует, но простым людям она недоступна. Законодательно прописаны права людей на многие медицинские услуги, виды лечения и обследования, но в реальности все это не обеспечивается. В-третьих, система здравоохранения в России регрессирует. В-четвертых, она не сбалансирована: права пациентов защищены неплохо, права врачей не защищены никак. В-пятых, эта система ригидная: большинство врачей до сих пор не знает, что такое доказательная медицина. В-шестых, российская система здравоохранения не способствует профессиональному росту и повышению квалификации. В-седьмых, она излишне бюрократизирована. В-восьмых, нет объективной оценки, статистика подделывается. В-девятых, российская медицина страдает от нехватки кадров. В-десятых, она маргинализирована: отношение к самой системе и врачам в обществе негативное” (респондент № 9, мужчина, 33 года). Отношение к российской системе здравоохранения женщины-врача: “Негативно с недавних времен. Причем и с точки зрения врача, и с точки зрения пациента. За 5–7 лет до реформ относилась очень положительно” (респондент № 8, женщина, 28 лет).

Все интервьюируемые негативно оценивают реформы российской системы здравоохранения, проведенные в последние 5–7 лет. Многие врачи отмечали, что до реформ были лучше условия работы и система здравоохранения не идеально, но работала. Мнение мужчины-врача из Швеции относительно реформ в российской системе здравоохранения: “Негативно, большинство реформ идут в сторо-

ну опасной экономии” (респондент № 1, мужчина, 27 лет). Мнение девушки из Нидерландов: “Я считаю, что это попытки изобразить реформы, а в реальности все становится только хуже. Вроде того, когда корабль тонет, демонстративно пытаться приложить изоленту на пробоину, одновременно прорубая топором другой борт” (респондент № 3, женщина, 27 лет).

Мнение мужчины из Швеции, который имеет опыт работы врачом в России: «Год назад в голове возникла такая мысль: “в России надо уметь болеть”. Можно и направление взять на операцию и на обследование, и попасть к хорошему хирургу, и хорошо обследоваться, даже бесплатно, пусть и с нашей “постбольничной благодарностью”... Но! Это я смогу сделать, так как изнутри знаю, как это работает. Кто-то криками и руганью добьется, что менее вероятно... Кого-то без направления, по знакомству или платно, госпитализируют сразу, завтра — анализы и обследование, на следующий день — операция. А остальные или переходят в неизлечимые состояния, махнув на себя и нашу медицину рукой, отчаявшись... Или умирают в очередях в поликлинике или от отношения персонала в отделении” (респондент № 5, мужчина, 29 лет).

Мнение женщины из Чехии: “Введение компьютерных баз, баз аптечной сети немного облегчило работу. Курс же на импортозамещение ухудшил обеспеченность лекарствами и их качество” (респондент № 6, женщина, 36 лет). Отношение к реформам мужчины-врача, переехавшего в Германию: «Отрицательное. То, что было намечено, во-первых, до конца выполнено не было, во-вторых, к улучшению ситуации не привело” (респондент № 9, мужчина, 33 года).

Отношение к реформам здравоохранения в России женщины-врача из Германии: «Крайне негативное. Зачем сокращать больницы? Убирать стационарные отделения и переводить их якобы в амбулаторные при поликлинике. На мой простой взгляд (по Москве, по крайней мере), население-то растет. Наоборот, очень полезно было бы построить и открыть больше больниц и поликлиник. Слышала, что по регионам тоже закрывают больницы и поликлиники в мелких населенных пунктах с той целью, чтобы люди ездили в районные “большие” больницы. Не закрывать надо, а ремонтировать и оснащать оборудованием!» (респондент № 10, женщина, 31 год).

Отдельное внимание во время интервью уделялось условиям труда врача в России. Приведем следующие цитаты участников исследования о трудностях работы врача в России: “В первую очередь унижительное отношение пациентов к врачам, как к обслуге. Плохие взаимоотношения в коллективах” (респондент № 4, мужчина, 25 лет); “Когда работала врачом в России, столкнулась со многими

трудностями. Жилье: на зарплату врача трудно снять жилье, и тем более невозможно накопить на свое. Транспорт: неудобно и долго добираться до работы. Плюс в России большую часть года плохая погода, люди агрессивные (пациенты очень часто ведут себя странно), зарплата маленькая” (респондент № 2, женщина, 42 года); “Невозможно оказать квалифицированную помощь, потому что не хватает современного оборудования и медикаментов” (респондент № 3, женщина, 27 лет); “До отделения денег доходит мало, не хватает перевязочных материалов, которые килограммами уходят при ожоговых перевязках, раствор Рингера собираем по отделениям, в которых его мало используют... В детскую урологию родители сами покупают пиелостомы. Лапароскопические ножницы администрация меняет раз в год, много разовое не может быть запредельно много разовым” (респондент № 5, мужчина, 29 лет); “Мизерная зарплата, постоянное давление со стороны СМИ, которые постоянно рассказывают про врачей-убийц. Неуважение со стороны пациентов” (респондент № 1, мужчина, 27 лет); “Трудности в организации рабочего процесса” (респондент № 4, мужчина, 25 лет); “Низкая зарплата, плохая организация здравоохранения, высокий уровень бюрократии, недостаток лекарств” (респондент № 10, женщина, 31 год); “Отсутствие обучения и инструктажа. Главное, чтобы ты работал, но мало кого волнует, как хорошо ты это делаешь, обычно это не оценивается... Зарплата низкая. Нормы трудового законодательства не соблюдаются: смена может длиться 32 часа подряд (рабочий день, плюс дежурство и вновь рабочий день), и это считается нормальным. Спецдежда и т.п. больницей не предоставляются... Мои знакомые ортопеды сами, за свои деньги покупают на работу хирургические пилы. Есть этические проблемы. Несоответствие имеющегося в распоряжении спектра диагностических и лечебных мероприятий современным стандартам. Знаешь, что делать, знаешь, что пациенту это положено, но этого нет, и ничего сделать не можешь” (респондент № 5, мужчина, 29 лет).

Таким образом, можно выделить следующие “выталкивающие факторы” в России в целом, которые приводят к эмиграции российских врачей за границу. Выталкивающими факторами являются низкий уровень жизни, сильная дифференциация населения по уровню дохода, низкие зарплаты, низкий социальный статус врачей. Выталкивающие факторы в системе здравоохранения России — несоблюдение трудового кодекса, юридическая незащищенность прав врачей, отсутствие нормальных условий трудовой деятельности, недостаток медикаментов, старое оборудование, бюрократия, некомпетентность административного персонала. Отдельно следует

отметить, что все интервьюируемые отрицательно относятся к реформированию системы здравоохранения в России и негативно оценивают ее результаты.

Возвращение в Россию

Большинство интервьюируемых не планирует возвращаться в Россию, а планирует остаться жить за границей навсегда. На вопрос “Планируете ли вы вернуться в Россию?” участники исследования дали следующие ответы: “Нет, потому что я потерял большую часть моих контактов там, по факту Россия уже почти чужая для меня страна” (респондент № 1, мужчина, 27 лет); “Рассматриваю ли я возможность возвращения в Россию? Нет. У меня двое детей, они плохо говорят по-русски. Муж вообще его не знает. Жить в России одна я не планирую. В общем, в России можно хорошо жить с большими деньгами, но это не совсем моя история. Я скучаю по некоторым моментам в России, но за это время так много изменений произошло, что нет смысла возвращаться” (респондент № 2, женщина, 42 года); “Если доведу до конца свою легитимацию как шведского врача и будут хорошие условия на работе, то зачем возвращаться” (респондент № 5, мужчина, 29 лет); “Нет, финансовая независимость решает многое. Не хочу возвращаться, так как в Германии работает закон, он действительно работает в Европе. Ты чувствуешь себя под защитой, спокойно. Это я никогда не променяю” (респондент № 10, женщина, 31 год); “На данный момент нет. Лечебные и исследовательские возможности в клинике, в которой я работаю, на порядок лучше тех, что я смогу найти в России, в том числе в профильных центрах. Оплата моего труда в Германии значительно выше. В социальном плане жить в Германии мне достаточно комфортно” (респондент № 9, мужчина, 33 года).

Меньшая часть участников исследования все же рассматривает вариант возвращения в Россию по семейным обстоятельствам или из-за отсутствия работы за границей. На вопрос “Планируете ли вы вернуться в Россию?” некоторые интервьюируемые дали такие ответы: «И да, и нет. “Да”, потому что я все-таки могу получить клиническое образование и работать с пациентами, иногда этого очень хочется. Кроме того, хочется делать что-то хорошее в России. А “нет”, по очень многим причинам, и одна из самых важных — недоверие российской медицине и медицинской науке. Не думаю, что в России меня будут хорошо учить. У меня была возможность сравнить. Я считаю, что голландское образование и система здравоохранения намного качественнее» (респондент № 3, женщина, 27 лет); “Мне близка наша культура, я очень скучаю по России, поэтому, возможно,

я вернусь в Россию” (респондент № 4, мужчина, 25 лет); “Не рассматриваю вариант с возвращением в Россию, планирую ехать дальше, в другую страну. Вернулась бы только потому, что скучаю по родственникам” (респондент № 7, женщина, 36 лет); “Я рассматриваю возможность возвращения в Россию, так как там живет моя семья. И у меня остались интересные проекты в благотворительных фондах” (респондент № 10, женщина, 31 год); “Возвращение возможно только по семейным причинам, или по другим, не относящимся к работе” (респондент № 8, женщина, 28 лет).

Отдельно было интересно узнать у участников исследования, что должно измениться в России, чтобы они захотели вернуться. Интервьюируемыми были названы следующие моменты, которые должны измениться в России: “В первую очередь качественная реорганизация структуры здравоохранения. Четкие законы о ненападении на врача, снижение нагрузок, уменьшение бумажной работы” (респондент № 1, мужчина, 27 лет); “Хотя бы немного снизить уровень коррупции, создать достойные условия труда и зарплату” (респондент № 3, женщина, 27 лет); «Ремонт всех больниц, наличие всех необходимых лекарств и оборудования в достатке, утвержденная и неизменяемая ежемесячно медицинская документация, только научись писать что-то, отменить! Другой бланк! И таких абсурдных реформ много. Ну и зарплату выше, чем у людей, которые не учились сначала шесть лет, а потом еще два года. Скажем, 250 000 рублей, если станет зарабатывать доктор, то это будет достойно! Мне не нужно столько, например, но получая 28, в сравнении с идиотами (бывшими одноклассниками), которые и дня не учились и продают сотовые телефоны за 60–80 тысяч или “поучились” на фитнес-тренеров и получают 100 тысяч. Теряется уважение к моей профессии! Личное их уважение ко мне, мне не сдалось. Но об врачей ноги вытирать не позволю!» (респондент № 5, мужчина, 29 лет); “Достойная оплата труда, работа по законам доказательной медицины (не применять препараты и методики, эффективность которых не была доказана), используя европейские каноны медицины, уважение к специальности со стороны пациентов” (респондент № 7, женщина, 36 лет); “Уровень коррупции должен снизиться, особенно при государственных закупках, должна проводиться более разумная внутренняя политика, увеличены расходы на здравоохранение и образование” (респондент № 8, женщина, 28 лет); “Система в России значительно проигрывает большинству европейских в принципе и немецкой, в частности. Небольшие изменения никаких плодов не принесут. Нужна огромная структурная реформа: изменение образовательной модели, пересертификация специалистов, создание

системы Continuous Medical Education (CME), и подтверждение квалификации только при вовлеченности в CME, реформа ОМС (или изменение перечня предоставляемых услуг в сторону уменьшения, или увеличение финансирования), реструктуризация управления и контроля, пересмотр системы стандартизированной помощи. Тогда через несколько лет система станет конкурентоспособной. В неработающее здравоохранение не хочется возвращаться” (респондент № 9, мужчина, 33 года); “Как бы это ни звучало, но я в здравоохранение в России больше не верю, совсем. Если и фантазировать, что могло бы измениться — это должно быть что-то очень глобальное. Либо хотя бы вернуть все как было лет пять назад. Если я буду в будущем жить в России, я больше не буду работать в медицине” (респондент № 10, женщина, 31 год).

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии, либо об очень низких возвратных миграционных установках опрошенных. Исходя из ответов респондентов, для того чтобы участники исследования захотели вернуться в Россию, нужен комплекс действий, направленный на изменение образовательной модели, реформа обязательного медицинского страхования, изменение перечня предоставляемых услуг в сторону увеличения финансирования, реструктуризация управления и контроля, пересмотр системы стандартизированной помощи, четкие законы, защищающие права врачей и пациентов, уменьшение бюрократии и бумажной работы, достойные условия труда, соответствующие трудовому кодексу, высокие зарплаты, ремонт в медицинских учреждениях, доступность медикаментов, современное оборудование, работа по законам доказательной медицины, увеличение в целом расходов со стороны государства на систему здравоохранения и образования.

Выводы по результатам исследования

Исходя из данных, полученных в результате исследования, можно составить список притягивающих и выталкивающих факторов эмиграции российских врачей за границу (табл.).

Также следует отдельно отметить ряд выводов по результатам проведенного исследования:

1. В ходе социологического исследования было выявлено преобладание выталкивающих факторов эмиграции российских медиков за границу. Наиболее острыми из них являются социально-экономические. Респонденты отмечают низкий уровень жизни, сильную дифференциацию населения по уровню дохода, низкий социальный статус врачей, глубокий кризис системы здравоохранения и др. Притягивающие социально-экономические факторы за рубежом также

**Притягивающие и выталкивающие факторы
эмиграции российских врачей за границу**

Притягивающие факторы за границей в целом	Выталкивающие факторы в России в целом
Благоприятные климатические условия Высокий уровень жизни Доступная инфраструктура Развитая система здравоохранения Отсутствие сильной дифференциации населения по уровню дохода	Низкий уровень жизни Сильная дифференциация населения по уровню дохода Низкий социальный статус врачей
Притягивающие факторы в системе здравоохранения за границей	Выталкивающие факторы в си- стеме здравоохранения в России
Достойные зарплаты Уважение к профессии врача Отсутствие излишней бюрократии Наличие ресурсов, в том числе оборудо- вания и медикаментов Нет коррупции на уровне врач–пациент Возможность развиваться в своей про- фессиональной сфере	Низкие зарплаты Не соблюдается трудовой кодекс Юридически не защищены права врачей Отсутствие нормальных условий для трудовой деятельности Недостаток медикаментов Старое оборудование Бюрократия Некомпетентность администра- тивного персонала

играют большую роль в эмиграции врачей, однако их воздействие в большей степени можно охарактеризовать как сопутствующее.

2. Отдельно следует выделить негативное отношение уехавших врачей к российской медицине в целом, и к ее реформированию в частности. Среди выталкивающих факторов в системе здравоохранения можно выделить низкую оснащенность медицинских учреждений (недостаток оборудования, медикаментов, расходных материалов, реактивов для проведения анализов), низкую зарплату, бюрократию и неэффективные реформы. Низкие зарплаты врачей заставляют работать на нескольких ставках одновременно в рамках одного медицинского учреждения или в нескольких, что приводит к тому, что у специалистов не остается времени на повышение квалификации и научную деятельность (изучение научной литературы, написание статей, проведение исследований и посещение конференций), что в свою очередь негативно сказывается на качестве медицинских услуг.

3. По результатам проведенного исследования не было выявлено воздействия социально-политических факторов стимулирования эмиграции российских врачей. Также можно с уверенностью гово-

ритель, что природно-климатические факторы не имеют катализирующего влияния на данный эмиграционный процесс.

4. Практический интерес вызывает вопрос возвращения уехавших медиков. По результатам проведенного исследования можно констатировать, что врачи не готовы к реэмиграции в Россию. В развитых странах существует практика обмена медицинским персоналом с целью получения новых компетенций и изучения современных практик диагностики и лечения. Врачи покидают свою страну на время, чтобы получить новый опыт и вернуться обратно в родную страну. Однако в России подобная практика отсутствует: российские врачи эмигрируют безвозвратно в силу ряда причин, описанных выше. Данный процесс является дополнительным фактором сокращения количества врачей, обострению дефицита в системе здравоохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Показатель укомплектованности врачебных должностей в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (физическими лицами при коэффициенте совместительства 1,2) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59510> (дата обращения: 17.11.2020).

Сидоренко Е. Не местный анамнез: мигранты помогут решить кадровый вопрос в медицине // Известия. 2019. 10 окт. № 192. URL: <https://iz.ru/928434/elena-sidorenko/ne-mestnyi-anamnez-migranty-pomogut-reshit-kadrovyy-vopros-v-medicine> (дата обращения: 18.10.2020).

Число штатных должностей врачей в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59996> (дата обращения: 17.11.2020).

Число врачей (физических лиц) в подразделениях медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59997> (дата обращения: 17.11.2020).

REFERENCES

OECD Health workforce migration. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/oecd-health-statistics/health-workforce-migration_1497601f-en (18.10.2020).

Lee E.S. A theory of migration // Demography. 1966. Vol. 3. Iss. 1. P. 47–57.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-192-215

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ЛОББИЗМА В РОССИИ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена политико-социологическому и историческому анализу становления института лоббизма в Российской империи и Советском Союзе. Данной статьей открывается цикл из двух статей о генезисе института лоббизма в России. Многочисленные дискуссии о сущности института лоббизма в России последних трех десятилетий постоянно сводятся к аргументам, что страна не готова к институционализации лоббизма. Можно постоянно слышать, что это новый институт, который не укоренен в российской политической культуре и традициях. Однако анализ взаимодействия групп интересов с органами власти в разные эпохи российской истории позволяет сделать вывод, что это не новое явление. Анализ того, как складывался институт лоббизма сначала в условиях монархии, а затем в советское время, способствует лучшему пониманию, во-первых, происхождения традиций во взаимодействии групп интересов и государства, которые сменяя и наслаиваясь друг на друга, привели к возникновению того института лоббизма, который сложился в современной России; во-вторых, такой анализ позволяет выявить универсальные исторические тенденции, демонстрирующие, почему лоббизм сегодня остается в тени и не может укорениться как формальный политический институт.

Ключевые слова: институт лоббизма, группы интересов, корпоративизм, неформальные институты, политические элиты.

DEVELOPMENT OF LOBBYING IN RUSSIA: PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET PERIODS

Kanevskiy Pavel S., Associate Professor, Candidate of Political Science, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The article is dedicated to the political, sociological and historical analysis of lobbying development in the Russian Empire and the Soviet Union. This article opens a

* **Каневский Павел Сергеевич**, e-mail: baggio-18@yandex.ru

series of two articles on the genesis of the institution of lobbying in Russia. Numerous discussions on lobbying in Russia over the past three decades boil down to arguments that the country is not ready to institutionalize interaction between interest groups and the government. There is a widespread opinion that this institution is not rooted in Russian political culture and political traditions. However, analysis of interest groups and their interactions with the government in different periods of Russian history allows us to conclude that this is not a new phenomenon. Analysis of how lobbying was formed, first under the monarchy, then in Soviet times contributes to a better understanding of the way mechanisms of interest representation evolved over time. It also helps to understand how these mechanisms gave birth to informal lobbying practices that were evolving in the 1990s and why lobbying activities continue to take place in the shadows and under unclear rules of the game.

Key words: lobbying, interest groups, corporatism, informal institutions, political elites.

Развитие института лоббизма в России вплетено в динамику развития российского общества и политической системы. В последние три десятилетия Россия проходила через этапы глубинных трансформаций, связанных с трансформацией социальной структуры, качественным переустройством экономических отношений, социально-политической системы, с культурными сдвигами в общественном сознании. В условиях становления демократической системы и институтов представительства интересов возникает резонный вопрос, каким образом должны быть устроены механизмы взаимодействия власти и общества. С момента обретения Россией государственного суверенитета в 1992 г. и принятия Конституции в 1993 г. в стране происходило активное становление базовых институтов представительной демократии — политических партий, парламента, выборов. Институт лоббизма как механизм взаимодействия органов власти и групп интересов стал неотъемлемой частью новой политической системы.

Вместе с тем становление института лоббизма на настоящем этапе трудно назвать завершенным. Это все еще в значительной степени неформальный, теневой и неупорядоченный набор способов и методов взаимодействия между группами интересов и органами власти, которые не регламентируются формальными правилами и нормами, но и не являются частью устоявшейся традиции. Очевидно, что гармоничное развитие государства требует установления понятных, прозрачных и ответственных форм взаимоотношений власти, бизнеса и общества. Общественный договор должен включать в себя четкие взаимные обязательства, которые служили бы цели реализации общественных интересов. Это эволюционный процесс, который, исходя из общей логики развития общества и политической системы, не может произойти быстро. Однако он необходим

для устойчивого развития страны, создания благоприятного климата для деловых кругов, улучшения возможностей функционирования гражданского общества.

Многочисленные дискуссии о сущности института лоббизма в России последних трех десятилетий постоянно сводятся к аргументам, что страна не готова к институционализации и легализации лоббизма. Можно постоянно слышать, что это новый институт, который не укоренен в российской политической культуре и традициях. Однако если проанализировать историю взаимодействия групп интересов с органами власти в разные эпохи, можно понять, что это не новое явление, оно имеет вполне конкретные исторические корни. Анализ того, как складывался институт лоббизма сначала в условиях монархии, а затем в советское время, поможет понять, во-первых, происхождение традиций во взаимодействии групп интересов и государства, которые сменяя и наслаиваясь друг на друга, привели к возникновению того института лоббизма, который сложился в современной России; во-вторых, такой анализ позволит выявить универсальные исторические тенденции, демонстрирующие, почему лоббизм сегодня остается тени и не может укорениться как формальный политический институт.

Исследователи обычно выделяют три этапа становления лоббизма в России — дореволюционный, советский и современный. Более полную периодизацию предложил А.П. Любимов, который на момент написания его основного труда в 2005 г. выделил четыре этапа: “лоббизм в царский период (вторая половина XIX в. — 1917 г.), в годы советской власти, во времена перестройки в Верховном Совете РСФСР и РФ до 1994 г. и в 1994–2004 гг.”¹ Однако данная периодизация также не в полной мере охватывает особенности трансформаций, происходивших в механизмах взаимодействия между группами интересов и властью с конца XIX в. до наших дней. В настоящей статье предлагается восполнить данные пробелы и рассматривать девять этапов генезиса института лоббизма в России:

1. Предпосылки становления института лоббизма в Российской Империи. XVIII–XIX вв.
2. Развитие института лоббизма в условиях динамичных социально-политических изменений в Российской Империи. Конец XIX в. — 1917 г.
3. Разрушение монархии и уничтожение дореволюционных элементов института лоббизма в период “военного коммунизма”. 1917–1921 гг.

¹ Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005. С. 15.

4. Попытка создания новых механизмов взаимодействия между группами интересов и властью в условиях Новой экономической политики. 1921–1928 гг.
5. Лоббизм в эпоху административно-командной советской системы. 1929–1986 гг.
6. Институт лоббизма в условиях перестройки и первичной либерализации предпринимательства в СССР. 1987–1991 гг.
7. Институт лоббизма в России после распада СССР и во время структурных изменений политической системы. 1991–1993 гг.
8. Институт лоббизма в период становления демократической политической системы и олигархизации экономики. 1993–2003 гг.
9. Институт лоббизма в условиях укрепления исполнительной власти и выстраивания властной вертикали. 2003–2021 гг.

Предпосылки развития института лоббизма в России следует искать в двух встречных процессах — групповой самоорганизации граждан и возникновении механизмов взаимодействия государства с данными группами с целью координации их деятельности и учета их интересов. Уже в период становления феодальной организации общества происходит развитие первых корпоративных групп в виде цеховых и купеческих объединений. Как отмечал К.П. Победоносцев, “потребность объединения капиталов и личного участия в гражданском обороте издревле удовлетворялась на Руси складчиной в виде промыслового и торгового товариществ”². Однако так как ремесло на Руси традиционно носило вотчинный характер и находилось в сильной зависимости от боярства, данные организационные структуры не были самостоятельными и, в отличие от аналогов в странах Западной Европы, не способствовали профессиональной консолидации купцов и ремесленников. Ситуация меняется в первой половине XVIII в., когда происходит подъем российской промышленности, усложняется социальная структура общества, меняется система государственного управления и права. В этот период государство стимулирует развитие предпринимательской деятельности и купечества, параллельно развивая купеческое и торговое законодательство.

Значительный вклад в процессы становления системы групп интересов внес Петр I. У молодого царя рано возник практический интерес к корпоративным объединениям купцов и торговцев, так как он видел в них возможность структурировать российскую экономику

² Победоносцев К. Курс гражданского права. М., 1880. Ч. 3. С. 112.

и создать конкурентоспособную торговую модель³. В 1715–1719 гг. в России формируется первая крупная ассоциативная группа купцов гильдейского типа — Коммерц-коллегия. Коммерц-коллегия была своего рода зонтичной организацией русских купцов, которая налаживала связи внутри страны и за границей с целью развития отечественной торговли⁴. В 1720-х гг. в российском купечестве появляются первые коллективные формы организации предпринимательской деятельности, основной задачей которых были координация действий предпринимателей и получение государственных субсидий⁵.

Стремление Петра I сформировать отдельное сословие из торгово-ремесленного населения городов создало предпосылки для развития института гильдий. Впрочем, вплоть до 1770-х гг. российские гильдии не имели четкого юридического оформления, их права и возможности не были определены и они все еще мало способствовали реальной координации предпринимательской деятельности. Лишь в 1775 г. Царский манифест Екатерины II о свободе предпринимательства, изданный в связи с победой над Портой Оттоманской, способствует окончательному отделению купцов от горожан, формирует корпоративные основы организации их деятельности, создает предпосылки для формирования нормативно-правовой базы предпринимательства, которое активно начинает развиваться с конца XVIII — начала XIX вв.⁶

Структурные изменения в российской экономике создают предпосылки для формирования качественно иных форм взаимодействия групп интересов с органами власти. С XIX в. в Российском государстве возникают механизмы, которые должны были способствовать лучшей интеграции интересов промышленников и предпринимателей с тем, чтобы официальные лица, принимающие решения, могли понимать истинное состояние хозяйства и принимать более эффективные решения в области экономики. Важным шагом становится учреждение в 1828 г. Мануфактурного совета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли, за которым последовало учреждение Коммерческого совета. Данные органы были для государства ключевыми каналами коммуникации с промышлен-

³ Красильникова Т.К. Истоки организации корпоративных форм хозяйствования в России // Юридические науки. 2020. № 6. С. 87.

⁴ Макаревич М.Л., Богатырева О.Н. Из опыта правового регулирования торговой деятельности в период петровских преобразований // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 3. С. 58.

⁵ Там же.

⁶ Панченко А.С. Формирование купеческих гильдий в Российской Империи в 1775–1785 гг. // Проблемы законности. 2012. Вып. 121. С. 235.

никами и торговцами, которые получали возможность доносить до чиновников основные проблемы и тенденции в развитии конкретных отраслей, давать заключения по готовящимся решениям, вести переписку с официальными лицами⁷. Вместе с тем это были достаточно бюрократизированные организации, которые в реальности предоставляли мало возможностей для групп интересов влиять на принимаемые решения. Такие структуры нужны были в первую очередь государству, а не предпринимателям.

Ранний этап развития системы групп интересов и механизмов взаимодействия организованных групп с государством происходил преимущественно в логике вертикального взаимодействия. Организованные группы и каналы коммуникации с ними создавались государством, это не была истинная самоорганизация снизу.

Развитие института лоббизма выходит на новый этап во второй половине XIX — конце XIX в., когда в Российской Империи начали сказываться результаты политических и экономических реформ 1860–1870-х гг., а бурный экономический рост 1880–1890-х гг. видоизменил структуру общества и вывел на поверхность новое и достаточно организованное предпринимательское сообщество. Как и в странах Запада, хотя значительно позже по времени, первичный этап развития института лоббизма был связан с изменениями в системе общественных потребностей, произошедшими параллельно с трансформацией структуры системы групп интересов. Стали возникать новые группы, требовавшие защиты своих прав и возможности доносить свое мнение до органов власти. В конце XIX — начале XX вв. это были преимущественно новые и все более организованные экономические группы. Данные группы можно было разделить на три вида: совещательные группы, предпринимательские группы и ассоциации работодателей.

Совещательные объединения образовывались на местном и на имперском уровнях, а инициатива их создания могла исходить как от самих предпринимателей, так и от властей. Данные группы выполняли функции внешних советников, а их деятельность была четко регламентирована. Ключевыми типами совещательных объединений были органы официального представительства при правительственных органах, всероссийские съезды предпринимателей, биржевые общества.

Предпринимательские объединения были ассоциативными группами капитала, разрешенные правительством. Они были независимы от государства и создавались прежде всего в целях отста-

⁷ Шапкин И.Н. Из истории лоббизма в России. М., 1999. С. 28–30.

ивания профессиональных интересов, развития отраслей, а также экономического развития территорий, где они вели свою деятельность⁸. Совещательные и предпринимательские группы объединяли практически все существовавшее бизнес-сообщество, которое от робких попыток воздействия на власть в середине-конце XIX в. перешло к активному влиянию на принимаемые решения в начале XX в. — тенденция, которая особенно усилилась после революции 1905–1907 гг.

Параллельно с бизнес-группами развивались профсоюзы, деятельность которых впервые была легализована в 1871 г. К началу XX в. и особенно в период Первой русской революции профсоюзы сумели стать важными субъектами политического процесса. В отличие от предпринимательских организаций, для профсоюзов главными инструментами влияния были стачки и забастовки⁹. Профсоюзы оказывали давление на власть преимущественно непрямыми методами, посредством влияния на публичную повестку, общественное мнение и СМИ.

Развитие организованного тред-юнионистского движения еще больше подтолкнуло предпринимателей к групповой самоорганизации с тем, чтобы оградить себя от нарастающего давления со стороны рабочих. Это способствовало развитию третьего типа предпринимательских групп — ассоциаций работодателей, которые могли организованно защищать интересы капитала и давать отпор рабочему движению.

В течение всего дореволюционного периода ядром системы групп интересов оставались деловые организации. Характерной чертой предпринимательского сообщества было то, что оно взаимодействовало с властью исключительно посредством корпоративных структур. Этим российская традиция дореволюционного лоббизма отличалась от плюралистической англо-американской традиции, которая способствовала индивидуализации и верховенству частных интересов. В начале XX в. в Российской Империи насчитывалось “около 150 предпринимательских организаций: 15 комитетов торговли и мануфактур, 85 биржевых комитетов, 27 съездов промышленников и торговцев, 7 купеческих управ и целый ряд других координирующих органов”¹⁰. Данные группы активно взаимодей-

⁸ См.: Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 15–17.

⁹ Жуков И.В. Правовые основы, возникновения и развития профсоюзного движения в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 4. С. 148.

¹⁰ Благих И.А., Яковлев А.А. Механизм влияния частных интересов на государственную экономическую политику // Проблемы современной экономики.

ствовавали с правительством и органами местного самоуправления в таких вопросах, как торгово-промышленная, тарифная, налоговая политика, получение субсидий, развитие инфраструктуры и пр.

Одним из главных объектов лоббизма на рубеже XIX–XX столетий стало министерство финансов во главе с С.Ю. Витте, в котором установились тесные связи с ключевыми отраслями экономики, прежде всего, с железнодорожной, банковской и промышленной. Отраслевые лоббисты на постоянной основе взаимодействовали с аппаратом министерства по целому ряду ключевых для себя вопросов — от получения государственных субсидий до получения государственных разрешений.

Уже к 1899 г. ведущие бизнес-группы получили право участвовать в правительственных межведомственных совещаниях, а к началу XX в. добились возможности участвовать на постоянной основе в работе центральных органов власти. “Делегаты представительных организаций участвовали в работе Государственного совета, Особого по промысловому налогу присутствия, Совета государственного банка, Совета по горнопромышленным делам, Тарифного совета и пр.”¹¹ Причем участие групп интересов в работе правительства было в достаточной степени формализовано. В Государственном совете за представительство групповых интересов отвечал Совет торговли и мануфактур, а деятельность данных групп регламентировалась правительственными постановлениями.

Образование Государственной Думы в 1905 г. создало еще один важный канал и объект лоббизма. Предпринимательские объединения пользовались тем, что в Государственной Думе существовали фракции, которые не скрывали свою связь с крупными предпринимателями и активно отстаивали их позиции. Несмотря на то что высокая конфликтность и нестабильность в Госдуме, в сравнении с правительственными структурами, не всегда способствовали успешной защите групповых интересов, Дума стала важным дополнительным рычагом влияния. Например, лоббисты от нефтяной промышленности успешно противостояли проекту по созданию нефтяной монополии в 1910–1916 гг. на фоне растущей экономической нестабильности и расходов, вызванных началом Первой мировой войны¹².

Несмотря на изменение общей конфигурации власти после 1905 г., правительство вплоть до 1917 г. оставалось главным объектом

2018. № 2. С. 74–75.

¹¹ Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 12.

¹² Вильданов Р.Р. История лоббирования интересов нефтяной промышленности в Государственной думе дореволюционной России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2018. № 4 (26). С. 73–74.

влияния для организованных групп. Механизм лоббизма в правительстве выглядел следующим образом: "...правительственные учреждения запрашивали предпринимательский союз или передавали ему на заключение предварительный законопроект; получив отзыв, ведомство переделывало законопроект и созывало совещание совместно с представителями предпринимательских объединений... они дорабатывали законопроект и вновь отправляли его со своими замечаниями ведомству... после этого с представителями этих организаций ведомство... советовалось о подготовленном законопроекте"¹³. В период с начала XX в. до 1917 г. не было практически ни одного законопроекта, затрагивавшего интересы буржуазии, который не рассматривался бы в правительственных совещательных структурах совместно с группами интересов¹⁴.

Институт лоббизма в Российской Империи складывался преимущественно в корпоративистской логике, хотя и со своей спецификой. В дореволюционной России практически отсутствовала практика прямого взаимодействия отдельных компаний с органами власти, за них это делали ассоциативные группы гильдейского типа. Совещательные, отраслевые и территориальные предпринимательские объединения, союзы работодателей стали ключевыми субъектами лоббизма и принятия решений. Институт лоббизма позволил не только наладить коммуникацию между группами интересов и властью, он стал важным инструментом управления экономикой. Этот механизм соединил управленческую мощь государства, промышленную и финансовую силу деловых кругов.

Вместе с тем особенности российского капитализма рубежа XIX–XX вв., связанные с незаконченными реформами 1860–1870-х гг. и сохранявшимся феодальным наследием, оказывали свое влияние на новую систему групп интересов и молодые институты представительства. Российская буржуазия в конечном счете осталась младшим партнером в условиях абсолютной монархии, в которой развитие демократических институтов тормозилось. Это определило слабость и непоследовательность ведущих экономических групп, которые были вынуждены в первую очередь ориентироваться на государственные нужды. К тому же, в отличие от ряда западно-европейских государств, в которых уже развивались институты социального партнерства, профсоюзы в Российской Империи оставались на полулегальном положении и практически не участвовали напрямую в принятии государственных решений. Конфликтные отношения с

¹³ Шапкин И.Н. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Там же.

трудовыми организациями в конечном счете стали одним из катализаторов нарастающего стачечного движения, которое сыграло ключевую роль в обеих революциях 1917 г.

Ослабленная Первой мировой войной и пережившая целый ряд социальных, экономических и политических потрясений, Российская Империя пала в феврале 1917 г., уступив место новой и крайне неустойчивой системе власти. Основные группы интересов, включая и предпринимательские объединения, и профсоюзы изначально с энтузиазмом встретили Февральскую революцию и первые действия Временного правительства, хотя быстро оказались дезориентированы в условиях сложившегося двоевластия. Предпринимательские союзы возлагали особые надежды на Учредительное собрание, куда группы бизнеса пытались ввести максимальное число своих членов и сторонников¹⁵. 12 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление “О собраниях и союзах”, а 21 июня 1917 г. “О регистрации товариществ, обществ и союзов”, которые в корне меняли структуру системы групп интересов. Данные законы содержали четкие “правовые нормы, регламентирующие деятельность профсоюзов, закрепляли свободное проведение стачек и собраний”¹⁶. Профсоюзы впервые становятся по-настоящему легальным и легитимным субъектом в принятии и согласовании решений, что создавало предпосылки для развития элементов социального государства и более эффективного корпоративизма по подобию передовых западных образцов того времени. Однако в реальности левое движение быстро попало под влияние более радикальных политических сил во главе с большевиками, которые воспользовались настроениями рабочих масс для достижения своей главной политической цели — захвата власти.

Успех Октябрьской революции 1917 г. означал быстрое и окончательное уничтожение практически всех элементов и имперской, и республиканской власти, включая институт лоббизма. Новая большевистская Россия строилась как “истинно социалистическая диктатура пролетариата”, очищенная от буржуазии, независимых союзов и объединений, городского самоуправления, представительных институтов, свобод и прочих “остатков” старого режима. Слабость нового режима была компенсирована государственным террором и жесткими репрессиями. Буржуазия оказалась одной из главных мишеней нового режима: в ее среде проходили массовые аресты, обыски, расстрелы, имущество было конфисковано, а все

¹⁵ Лаверичев В.Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. 1961. № 70. С. 74–77.

¹⁶ Жуков И.В. Указ. соч. С. 150.

предпринимательские организации разгромлены. Эпоха “военного коммунизма”, установившаяся в период раскола государства и Гражданской войны 1918–1922 гг., была ознаменована возникновением централизованной диктатуры, которой были предоставлены чрезвычайные полномочия в условиях военного времени, включая создание репрессивного аппарата, института цензуры, недопущения какой-либо самоорганизации граждан кроме как внутри партии большевиков.

Однако конец Гражданской войны оголил те экономические проблемы, с которыми столкнулась новая советская власть. Репрессивная диктатура не была способна служить двигателем экономического развития, все хозяйственные отрасли советской России были в глубочайшем упадке, финансовая система была на грани коллапса, продразверстка обернулась крахом села. Поэтому В.И. Ленин в 1921 г. выступил с требованиями скорейшего восстановления финансов и промышленности, подавления инфляции, стабилизации рубля, формирования бюджета, налаживания внутренней и международной торговли согласно ведущим мировым образцам¹⁷. X съезд РКП(б) в 1921 г. ознаменовал конец “военного коммунизма” и переход к Новой экономической политике. Прямым следствием изменения политики большевистской партии стало начало и развитие экономической реформы в первой половине 1920-х гг., общее смягчение режима, сужение полномочий репрессивного аппарата, цензуры¹⁸.

Частичные послабления коснулись и организаций, представляющих интересы предпринимателей и рабочих. Уже в 1921 г. Совнарком принял ряд декретов, которые разрешили деятельность частных предприятий и кооперативов, а также вернули под частный контроль ранее национализированные промышленные предприятия. Одновременно с передачей средних и малых предприятий в частные руки была реорганизована система управления промышленности, которая была переведена в отраслевые секции Центрального промышленного управления при Высшем совете народного хозяйства¹⁹. При этом государственные предприятия были переведены на хозрасчет, что повлекло за собой образование трестов на базе главков, которые, впрочем, обладали незначительной финансовой самостоятельностью и зависели от политического руководства.

¹⁷ Алексеев Г. Власть и рынок в условиях НЭПа // Власть. 2011. № 8. С. 131.

¹⁸ Скрипников А.В. НЭП: несостоявшаяся альтернатива // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (история). 2006. Вып. 1 (52). С. 50.

¹⁹ Лобок Д.В. Профсоюзы Советской России в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2006. Вып. 4. С. 155–156.

Укоренение нэпа привело к новым формам самоорганизации предпринимателей. В 1923 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет принял Постановление “О комитетах рыночных торговцев”, которое легализовало деятельность ассоциативных организаций предпринимателей. В задачи рыночных комитетов входило установление внутренних правил торговли для конкретных отраслей, содействие органам власти в наблюдении над выполнением всех государственных постановлений, оказание содействия налоговым органам, взаимодействие по делам рынка со всеми государственными органами и отдельными должностными лицами, предоставление необходимой информации государственным органам, учет всех торговцев²⁰. “Рынкомы, как правило, объединяли всех постоянно торгующих на рынке, незарегистрированные не допускались к торговле на нем. Все зарегистрированные торговцы имели право участия в общих собраниях рынка, которые были очередные и чрезвычайные”²¹.

Рыночные комитеты стали главной формой групповой организации предпринимателей в годы нэпа, создав институциональную базу для взаимодействия между возрождающимся частным бизнесом и новой коммунистической властью. Несмотря на сопротивление части партийных функционеров и государственных чиновников тесное взаимодействие между властью и предпринимателями способствовало развитию конкуренции, повышению производительности труда, увеличению производства, стабилизации цен, повышению покупательной способности советских граждан²².

Другой формой групповой организации предпринимателей были товарные биржи и действующие при них секции предпринимателей. Деятельности секций регламентировалась “Положением о секциях частной промышленности и торговли при товарных биржах” от 1924 г. Данное Положение устанавливало в качестве основной цели секции “регулирование и вовлечение в биржевой оборот местной торговли, направление ее в русло, отвечающее интересам государства, и выявление ее нужд и интересов”²³. Секции предпринимателей

²⁰ Бахтин В.В. Корпоративные предпринимательские организации в годы новой экономической политики // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. № 7. С. 119.

²¹ Там же.

²² Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Кулакова Н.И. Частное предпринимательство в период нэпа (на материалах Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 4. С. 142.

²³ Бахтин В.В. Указ. соч. С. 121.

стали мощным агрегатором интересов предпринимателей и, так как их деятельность была регламентирована действующим законодательством, оказывали легальное и достаточно эффективное давление на представителей власти и регулирующие органы разных уровней.

Наконец, немаловажную роль в лоббировании интересов предпринимателей играли различные объединения розничных торговцев, которые подразделялись на четыре уровня: 1) всесоюзный уровень (например, Московское общество “Розник”); 2) губернский уровень; 3) уровень крупных городов (например, Товарищество торговцев Сухаревского рынка г. Москвы, Общество торговцев Мальцевского рынка г. Ленинграда) и 4) уровень уездных городов (например, “Розничники” Брянской губернии)²⁴.

Рыночные комитеты и прочие групповые объединения бизнеса стали важными элементами частично возродившегося института лоббизма в годы нэпа. Они не только оказывали активное влияние в новых институтах власти советского государства, но и продвигали идеи частной собственности, свободы предпринимательства, правового государства, демократизации управления.

Другим немаловажным элементом системы групп интересов стали профсоюзы. В условиях нэпа профсоюзы не только стали эффективными инструментами отстаивания интересов рабочих, но смогли наладить конструктивную работу с органами власти, прежде всего, наркоматами труда, здравоохранения и просвещения. “В годы нэпа сложилась правовая база, обеспечивающая права профсоюзов в их взаимодействии с органами государственной власти. Профсоюзы оказывали существенное влияние на экономическую политику... выступая в качестве партнера государства”²⁵.

Функции профсоюзного движения были определены руководством страны в 1922 г. в тезисах “О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики”. После многочисленных дискуссий и споров внутри партии, профсоюзам было предоставлено немало свобод, включая право заключать коллективные договоры (которые по факту уже заключались с 1921 г.) и право на организацию забастовок. Для решения спорных вопросов, возникающих на предприятиях, разрешалось создавать конфликтные комиссии. По мере развития нэпа “происходило усиление производственных отраслевых объединений профсоюзов с сохранением общего руководства за межсоюзными центрами”²⁶.

²⁴ Российский государственный архив экономики. Ф. 8151. Оп.1. Д.9. Л. 823-824 (цит. по: Бахтин В.В. Указ. соч. С. 122).

²⁵ Лобок Д.В. Указ. соч. С. 167.

²⁶ Там же. С. 160.

Коллективные договоры стали главным элементом в механизме взаимодействия между профсоюзами, бизнесом и властью. Фактически, в 1920-е гг. в СССР создавались основы корпоративистских и трипартистских отношений, которые имели значительное влияние на трансформацию института лоббизма в период нэпа.

Несмотря на существующие недостатки именно в годы нэпа в советской России впервые были созданы функционирующие элементы корпоративизма и социального партнерства, которые достаточно близко подошли к схожим социал-демократическим моделям стран Западной Европы того времени. Новое советское руководство извлекло уроки из ошибок и из слишком односторонней царской системы, в которой привилегированным доступом к органам власти пользовались только предпринимательские группы интересов, и из перегибов времен крайне репрессивного и разрушительного для страны «военного коммунизма».

Однако резкое усиление внутрипартийной борьбы в 1926–1928 гг. и одновременное возвышение И.В. Сталина привели к постепенному сворачиванию нэпа. С 1927 г. И.В. Сталин по сути возвращается к радикальной революционной риторике времен «военного коммунизма», которая нашла многочисленных сторонников среди членов партии и простых граждан, недовольных новым витком капиталистического развития. Кризис хлебозаготовок 1927 г. и активная борьба с «правыми уклонистами», начавшаяся в 1928 г., подготовили почву начала индустриализации и насильственной коллективизации, реализация которых виделась И.В. Сталину только в условиях жесткой централизованной системы. Ассоциативные объединения в промышленности постепенно ликвидировались, частный капитал оказался быстро вытеснен из набравшей обороты командной экономики, профсоюзное движение постепенно лишалось какой-либо самостоятельности, а коллективные договоры уходили в прошлое. Система групп интересов с относительно независимыми организациями и корпоративистскими механизмами 1920-х гг. была полностью поглощена государством и встроена в административно-командную систему управления, просуществовавшую вплоть до распада СССР.

В период сталинского правления в 1929–1953 гг., во времена которого какая-либо гражданская или экономическая независимость на индивидуальном и групповом уровне неукоснительно пресекалась, лоббизм стал по сути элементом внутригосударственного управления, когда одни ведомства оказывали давление на другие с целью получения большего контроля над государственными ресурсами. Субъектами такого рода ведомственного лоббизма были сами

органы власти, которые запрашивали у вышестоящих инстанций увеличения финансирования или перераспределения средств²⁷.

Жесткая административно-командная модель управления и принятия решений во второй половине 1950-х гг. уступила место авторитарной, но более гибкой системе принятия решений. Приход к власти Н.С. Хрущева был ознаменован серией политических и экономических реформ, которые привели к частичной либерализации управления и предоставлению больших возможностей для предприятий, которые более не вынуждены были работать в условиях репрессивного аппарата и получили возможность более тесно взаимодействовать с профильными министерствами и ведомствами.

Важный вклад в процессы частичной децентрализации внесла экономическая реформа 1965–1970 гг., инициированная Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным. В рамках реформы предлагалось главным критерием эффективности предприятий сделать прибыль и рентабельность. Это означало, что на предприятия частично возвращался хозрасчет, а самим предприятиям предоставлялось больше свободы в распределении получаемых от государства средств. При этом производителям было трудно реализовывать новые права в условиях сохранявшейся командной экономики, не было создано четких инструментов координации новой политики с главками, министерствами, плановыми и снабженческими органами. Чтобы решать “проблемные точки”, роль связующего звена между предприятиями и органами власти взяла на себя межведомственная комиссия при Госплане, которая принимала методические рекомендации по переводу предприятий на новую систему планирования и стимулирования²⁸. Межведомственная комиссия стала одним из первых легальных каналов взаимодействия между промышленностью и государством, которое во второй половине 1960-х гг. активно прислушивалось к мнениям и интересам предприятий на местах. Хотя реформа была фактически свернута к началу 1970-х гг., она привела к сокращению директивных плановых показателей, ускорила отраслевую консолидацию предприятий и в корне изменила практику взаимодействия советских производителей с органами власти.

²⁷ Захарченко А.В. Ведомственный “лоббизм” в советской экономике: министерства — правительство — Госплан, 1945–1953 гг. (на примере МВД СССР) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 6. С. 85, 87; Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946–1953 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 77–80.

²⁸ Бабкина Н.М. Создание системы планирования и стимулирования предприятий в СССР: опыт экономической реформы 1965 г. // Власть. 2017. № 5. С. 190.

К концу 1960-х — началу 1970-х гг. в СССР сформировалась завуалированная система групп интересов, существование которой не было подкреплено никакими законами или нормами, но которая де факто стала составной частью процесса принятия решений в отдельных сферах принятия решений. Это привело к формированию сложного и сугубо неформального механизма согласования межведомственных и отраслевых интересов, который В. Найшуль и В. Константинов называли “экономикой согласований”²⁹, а С. Кордонский “административным торгом”³⁰. С экономической точки зрения, ядром советского лоббизма были вопросы, связанные с функционированием плановой экономики.

В период 1970–1980-х гг. активно формируются такие ключевые каналы продвижения интересов, как коллегии министерств, комитеты КПСС, Госплана и Госснаба, министерств — геологии, нефтяной промышленности и т.п.³¹ Это был способ неформального вовлечения интересов отдельных отраслей промышленности в политическую повестку. Однако это не были внешние по отношению к государству группы, так как промышленность и весь экономический сектор фактически были составной частью государственной иерархии. Поэтому, “ввиду неразрывного сращивания государственных и хозяйствующих структур и отсутствия конкуренции все вопросы без каких-либо трудностей решались людьми, которые одновременно представляли организации и входили в государственный и партийный аппарат”³².

Однако взаимодействие групп интересов и органов власти происходило не только по вопросам, связанным с производственно-промышленным сектором. В советское время возникают первые целевые группы, чей интерес не был связан с экономическими и производственными вопросами. Д. Келли в ряде исследований продемонстрировал, что целевые советские группы интересов были важными субъектами влияния в таких сферах, как образование, наука и экология³³. “Группы мнений” появлялись в тех сферах принятия решений, которые не затрагивали политические и идеологические

²⁹ Константинов В., Найшуль В. Технология планового управления. М., 1986. С. 9–10.

³⁰ Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М., 2006. С. 77.

³¹ Селезнев П.С., Шапошников А.И. Лоббизм в нефтегазовом комплексе современной России // Власть. 2017. № 5. С. 124.

³² Там же.

³³ Kelley D. Environmental policy-making in the USSR: the role of industrial and environmental interest groups // Soviet Studies. 1976. N 28. P. 571–572, 586–588.

вопросы и при этом находились симпатизирующие им союзники в органах власти.

Несмотря на частичные послабления для отдельных хозяйственных и гражданских групп говорить о том, что в СССР происходила плюрализация системы групп интересов, неверно. Процессы группового влияния и принятия решений были полностью подчинены логике закрытого, неформального взаимодействия с бюрократией. Д. Хаммер в 1979 г. назвал такую систему отношений “бюрократическим плюрализмом”, имея ввиду, что основные группы интересов являются составной частью государственной бюрократии, но при этом завуалированно конфликтуют друг с другом³⁴.

Следуя логике неоинституционалистов Г. Хелмке и С. Левицки, можно сказать, что институт лоббизма в СССР развивался как аккомодационный неформальный институт. Такого рода институты возникают в качестве необходимого отклонения от существующих формальных институтов, которые не справляются с возложенными на них функциями и задачами. По справедливому замечанию П.А. Любимова, “потребности определения общегосударственных целей и распределения приоритетов невольно подтолкнули систему к созданию довольно мощных лоббистских структур как в правительстве, так и в самом ЦК КПСС и Политбюро, просто формы и методы лоббирования партийных и иных интересов были весьма завуалированными”³⁵.

Другой важной характеристикой института лоббизма было то, что лишь наиболее крупные и консолидированные группы интересов по-настоящему пользовались влиянием. Как отмечал Г. Скилинг, хотя советские группы интересов носили неформальный, неинституционализированный и нелегальный характер, между хозяйственными и административными элитами складывались тесные отношения. Но при этом ни профсоюзы, ни гражданские объединения по интересам, ни тем более подпольные диссидентские группы не обладали столь же серьезным политическим весом внутри системы³⁶. Иными словами, реальный лоббизм был сосредоточен на закрытом межэлитном уровне и преимущественно в экономической сфере.

Тесное взаимодействие между отраслевыми группами интересов и органами власти к 1980-м гг. привело к тому, что группы, представляющие советскую промышленность, финансы и региональные

³⁴ *Hammer D.* U.S.S.R.: the politics of oligarchy. Hinsdale, 1974. Chap. 6.

³⁵ *Любимов А.П.* История лоббизма в России. М., 2005. С. 20.

³⁶ *Skilling G.* Interest groups and communist politics revisited // *World Politics*. 1983. Vol. 36. N 1. P. 26.

экономические кланы, оказались ключевыми субъектами принятия решений, хотя формально никаких механизмов представительства интересов они не имели. Это была неформальная система отношений, созданная на обмене ресурсами и возможностями между властью и предприятиями, которая сыграла немаловажную роль в дальнейшей либерализации хозяйственных отношений в стране. В.А. Лепехин даже считает, что в позднем СССР “государственная политика проводилась в интересах отраслевых кланов, ряд которых к концу 70-х годов был неподконтролен Политбюро”³⁷, а “к 80-м годам именно они были основными субъектами власти, которые фактически подмяли под себя партийные органы”³⁸.

Возможно, в высказываниях В.А. Лепехина есть доля преувеличения, однако развитие и усиление теневого института лоббизма в 1970–1980-е гг. подготовило почву для создания абсолютно новой политико-экономической конструкции. Состоявшийся 23 апреля 1985 г. пленум ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев объявил курс на “ускорение социально-экономического развития страны”, был отражением новых потребностей, прежде всего, со стороны экономического, производственного секторов, основные субъекты которых признавали косность системы, общую экономико-технологическую отсталость страны и желали максимально снизить свою зависимость от вышестоящего бюрократического начальства. Начавшаяся вскоре либерализация экономики и демократизация политической жизни запустили процесс трансформации системы групп интересов, которая из встроенного элемента государственного управления экономикой постепенно превращалась в более автономную систему.

Важнейшей характеристикой развития системы групп интересов и института лоббизма в период перестройки было то, что новые экономические группы, которым в дальнейшем было суждено стать ключевыми субъектами лоббизма в СССР и России, фактически создавались самими органами власти, так как экономическое ядро системы групп интересов было по сути продолжением аппарата государственного управления. Первому витку плюрализации системы групп интересов был дан импульс в 1987 г., когда совместными усилиями Совет министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приступили к созданию системы центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ). По первоначальному замыслу, центры НТТМ, создаваемые при Комсомоле, должны были включить интеллектуаль-

³⁷ Лепехин В.А. Лоббизм // Бизнес и политика. 1995. № 1. С. 39–40.

³⁸ Лепехин В.А. Общественно-политические процессы в среде предпринимателей. М., 1994. С. 38.

ный потенциал молодежи в развитие производства³⁹. Центры НТТМ должны были стать полурыночными механизмами модернизации производства и промышленности без нарушения административных связей между государством и предприятиями.

Нормативная база, созданная для поддержки системы НТТМ, предоставляла данным центрам невероятно широкие полномочия: они могли заключать хоздоговоры (в том числе с иностранными компаниями), обналичивать деньги, определять цены и тарифы на производимую продукцию. После принятия в 1988 г. закона “О кооперации”, который дал первый мощный толчок развитию частного предпринимательства в СССР, центры НТТМ могли осуществлять свою деятельность в виде кооперативов. Создание системы НТТМ стало первым экспериментом партии по внедрению рыночных механизмов. Но он же привел к тому, что “предприятия начали избавляться от опеки вышестоящих организаций. Вместе с этим стала рушиться сложившаяся система лоббирования и формироваться новая, функционирующая на принципах соответствующих скорее плюралистической форме представительства интересов”⁴⁰. Несмотря на то что в 1990 г. льготные кредиты центрам НТТМ были приостановлены, их развитие стало важным шагом на пути трансформации административно-командной модели лоббизма, когда группы интересов впервые с 1920-х гг. вновь оказались относительно независимыми от государства.

Другой важной тенденцией периода перестройки была “латентная приватизация” государственной собственности, которая фактически происходила вне правового поля в период 1988–1992 гг. На этом этапе основная часть государственных банков и ключевых промышленных предприятий перешла под частный контроль, причем руководителями в большинстве случаев становились либо бывшие представители данных структур, либо руководители центров НТТМ. Советская распределительная система быстро превратилась в систему частных бирж (МТБ, МЦФБ и др.), совместных предприятий по международным торговым операциям и крупных торговых домов⁴¹. На базе бывших госпредприятий, также целых министерств и ведомств появлялись новые корпорации: Газпром (на базе Министерства газовой промышленности), “Тяжэнерго-

³⁹ Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 10.

⁴⁰ Нецадин А.А. и др. Лоббизм в России: этапы большого пути (начало) // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 60–61.

⁴¹ Крыштановская О.В. Указ. соч. С. 21.

маш” (Министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения), “Трансстрой” (Министерство транспорта) и т.п. Таким же образом на базе государственных банков возникли приватизированные банки и финансовые структуры: “Инкомбанк”, “Альфа-банк”, “ОНЭКСИМ”, “Возрождение”, “Менатеп”, “Мост” и др., многие из которых в 1990-е превратились в настоящие финансовые империи.

Процесс передачи государственной собственности в частные руки происходил исключительно в тени, посредством особых и непубличных постановлений правительства. Сопротивления этим процессам со стороны государства не было, так как на волне перестройки руководители страны считали необходимым постепенно отходить от плановой экономики, хотя четкой модели развития ни у партии, ни у министерств не было; в этом смысле хаотичный процесс либерализации экономики опережал процесс формирования необходимой политической, идеологической и нормативной базы, которая определила бы более четко принципы начавшихся реформ и перехода к другой хозяйственной модели.

Параллельным курсом происходило становление предпринимательства снизу, шло развитие малого и среднего бизнеса. Однако по своим возможностям, ресурсам и уровню влияния он ни тогда, ни в течении последующих десятилетий не смог так же активно и успешно отстаивать свои интересы в органах власти, как это делал крупный бизнес, который был фактически создан государством и, следовательно, сумел сохранить за собой привилегированный доступ к новым центрам принятия решений, возникших после распада СССР и образования новой конструкции власти.

Накануне распада СССР, в 1989–1991 гг., начался активный этап становления ассоциативных групп, объединяющих интересы различных категорий бизнеса. В этот период создаются такие объединения, как Лига кооператоров и предпринимателей, Союз предпринимателей и арендаторов, Ассоциация совместных предприятий, международных объединений и организаций, Ассоциация крестьянских хозяйств и кооперативов, Союз малых предприятий, Союз товаропроизводителей, Московский союз кооперативов и пр. Параллельно директора государственных предприятий, которые постепенно становились все более автономными, образовывали крупные ассоциативные группы, позднее ставшие важнейшими агрегаторами и координаторами интересов предпринимателей: Научно-промышленный союз (будущий Российский союз промышленников и предпринимателей), Торгово-промышленная палата и т.п. Возникновение такого рода ассоциативных объединений создает почву для усиления

влияния групп интересов, у которых в отсутствие плюралистической партийной системы возникает мощная организационная база⁴².

Трансформацию института лоббизма, спровоцированную перестройкой, можно назвать первичным этапом плюрализации системы групп интересов, когда из административно-командной системы в течении нескольких лет возникло множество автономных и полу-автономных организованных промышленных и финансовых групп. Однако это была плюрализация, которая происходила в рамках неформальных взаимовыгодных договоренностей внутри самой государственной системы. Это было отражение практик внутреннего лоббизма, когда одни государственные группы лоббировали другие, с тем чтобы получить больше свободы в осуществлении экономической деятельности. В отличие от периода нэпа 1920-х гг., когда советская власть вернула основные экономические мощности частным лицам и была возрождена относительно автономная система групп интересов, в годы перестройки власть передавала эти мощности доверенным лицам внутри партийно-административной системы, т.е. ядро новой системы групп интересов отпочковывалось от политической системы.

После неудачной попытки государственного переворота в августе 1991 г. система власти в СССР претерпела кардинальные изменения: начался демонтаж основных государственных структур и переход к новой системе государственного управления. В течение осени–зимы 1991 г. происходит распад СССР на независимые государства, вместе с которым по территориальному принципу распадается на разные части и советская система групп интересов. При этом развитие лоббизма в РСФСР, а с 25 декабря 1991 г. в Российской Федерации во многом является продолжением процессов и тенденций, унаследованных от советской власти, хотя и происходивших в совершенно ином институциональном окружении.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев Г. Власть и рынок в условиях НЭПа // Власть. 2011. № 8.
Бабкина Н.М. Создание системы планирования и стимулирования предприятий в СССР: опыт экономической реформы 1965 г. // Власть. 2017. № 5.
Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946–1953 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2.

⁴² Нецадин А.А. и др. Указ. соч. С. 62.

Бахтин В.В. Корпоративные предпринимательские организации в годы новой экономической политики // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. № 7.

Благих И.А., Яковлев А.А. Механизм влияния частных интересов на государственную экономическую политику // Проблемы современной экономики. 2018. № 2.

Вильданов Р.Р. История лоббирования интересов нефтяной промышленности в Государственной думе дореволюционной России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2018. № 4 (26).

Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Кулакова Н.И. Частное предпринимательство в период нэпа (на материалах Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 4.

Жуков И.В. Правовые основы возникновения и развития профсоюзного движения в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 4.

Захарченко А.В. Ведомственный “лоббизм” в советской экономике: министерства — правительство — Госплан, 1945–1953 гг. (на примере МВД СССР) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 6.

Константинов В., Найшуль В. Технология планового управления. М., 1986.

Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М., 2006.

Красильникова Т.К. Истоки организации корпоративных форм хозяйствования в России // Юридические науки. 2020. № 6.

Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4.

Лаверичев В.Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. 1961. № 70.

Лепехин В.А. Общественно-политические процессы в среде предпринимателей. М., 1994.

Лепехин В.А. Лоббизм // Бизнес и политика. 1995. № 1.

Лобок Д.В. Профсоюзы Советской России в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2006. Вып. 4.

Любимов А.П. История лоббизма в России. М., 2005.

Макаревич М.Л., Богатырева О.Н. Из опыта правового регулирования торговой деятельности в период петровских преобразований // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 3.

Нещадин А.А. и др. Лоббизм в России: этапы большого пути (начало) // Социологические исследования. 1996. № 3.

Панченко А.С. Формирование купеческих гильдий в Российской Империи в 1775–1785 гг. // Проблемы законности. 2012. Вып. 121.

Победоносцев К. Курс гражданского права. М., 1880. Ч. 3.

Селезнев П.С., Шапошников А.И. Лоббизм в нефтегазовом комплексе современной России // Власть. 2017. № 5.

Скрипников А.В. НЭП: несостоявшаяся альтернатива // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (история). 2006. Вып. 1 (52).

Шапкин И.Н. Из истории лоббизма в России. М., 1999.

REFERENCES

- Alekseev G.* Vlast' i rynek v usloviyah NEPa [Power and the market in the conditions of the NEP] // *Vlast'* 2011. N 8 (in Russian).
- Babkina N.M.* Sozdanie sistemy planirovaniya i stimulirovaniya predpriyatij v SSSR: opyt ekonomicheskoy reformy 1965 g. [Creation of a system of planning and incentives for enterprises in the USSR: the experience of the economic reform of 1965] // *Vlast'*. 2017. N 5 (in Russian).
- Baev E.V.* Konflikty mezhdu Gosplanom RSFSR i respublikanskimi otraslevymi ministerstvami i vedomstvami (1946–1953 gg.) [Conflicts between the State Planning Committee of the RSFSR and the republican sectoral ministries and departments (1946–1953)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2019. N 2 (in Russian).
- Bakhtin V.V.* Korporativnye predprinimatel'skie organizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki [Corporate entrepreneurial organizations in the years of new economic policy] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2010. N 7 (in Russian).
- Blagikh I.A., Yakovlev A.A.* Mekhanizm vliyaniya chastnykh interesov na gosudarstvennuyu ekonomicheskuyu politiku [The mechanism of the influence of private interests on state economic policy] // *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2018. N 2 (in Russian).
- Hammer D.* U.S.S.R.: the politics of oligarchy. Hinsdale, 1974. Chap. 6.
- Kelley D.* Environmental policy-making in the USSR: the role of industrial and environmental interest groups // *Soviet Studies*. 1976. N 28.
- Konstantinov V., Naishul V.* Tekhnologiya planovogo upravleniya [Technology of planned management]. M., 1986 (in Russian).
- Kordonsky S.G.* Rynki vlasti: administrativnye rynki SSSR i Rossii [Power markets: administrative markets of the USSR and Russia]. M., 2006 (in Russian).
- Krasilnikova T.K.* Istoki organizatsii korporativnykh form hozyajstvovaniya v Rossii [The origins of the organization of corporate forms of management in Russia] // *Yuridicheskie nauki*. 2020. N 6 (in Russian).
- Kryshchanovskaya O.V.* Biznes-elita i oligarhi: itogi desyatiletiya [Business elite and oligarchs: results of the decade] // *Mir Rossii*. 2002. N 4 (in Russian).
- Laverichev V.Ya.* Vserossijskiy soyuz trgovli i promyshlennosti [All-Russian Union of trade and industry] // *Istoricheskie zapiski*. 1961. N 70 (in Russian).
- Lepekhin V.A.* Obshchestvenno-politicheskie processy v srede predprinimatelej [Social and political processes among entrepreneurs]. M., 1994 (in Russian).
- Lepekhin V.A.* Lobbizm [Lobbying] // *Biznes i politika*. 1995. N 1 (in Russian).
- Loboc D.V.* Profsoyuzy Sovetskoy Rossii v usloviyah novoy ekonomicheskoy politiki (1921–1928 gg.) [Trade unions of Soviet Russia in the context of the new economic policy (1921–1928)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2006. N 4 (in Russian).
- Lyubimov A.P.* Istoriya lobbizma v Rossii [The history of lobbying in Russia]. M., 2005 (in Russian).
- Makarevich M.L., Bogatyreva O.N.* Iz opyta pravovogo regulirovaniya torgovoy deyatel'nosti v period petrovskikh preobrazovaniy [From the experience of legal regulation of trading activities in the period of Peter's transformations] // *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. 2017. N 3 (in Russian).
- Neshchadin A.A. and all.* Lobbizm v Rossii: etapy bol'shogo puti (nachalo) [Lobbyism in Russia: the stages of a large path (beginning)] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 1996. N 3 (in Russian).

Panchenko A.S. Formirovanie kupcheskih gil'dij v Rossijskoj Imperii v 1775–1785 gg. [Formation of merchant guilds in the Russian Empire in 1775–1785] // Problemy zakonnosti. 2012. Iss. 121 (in Russian).

Pobedonostsev K. Kurs grazhdanskogo prava [Course of civil law]. M., 1880. Part 3 (in Russian).

Seleznev P.S., Shaposhnikov A.I. Lobbizm v neftegazovom komplekse sovremennoj Rossii [Lobbying in the oil and gas complex of modern Russia] // Vlast'. 2017. N 5 (in Russian).

Shapkin I.N. Iz istorii lobbizma v Rossii [From the history of lobbying in Russia]. M., 1999 (in Russian).

Skilling G. Interest groups and communist politics revisited // World Politics. 1983. Vol. 36. N 1.

Skrypnikov A.V. NEP: nesostoyavshayasya al'ternativa [NEP: a failed alternative] // Vestnik TGPU. Seriya: gumanitarnye nauki (istoriya). 2006. Iss. 1 (52) (in Russian).

Vildanov R.R. Istoriya lobbirovaniya interesov neftyanoy promyshlennosti v Gosudarstvennoj dume dorevolucionnoj Rossii [The history of lobbying the interests of the oil industry in the State Duma of pre-revolutionary Russia] // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika. 2018. N 4 (26) (in Russian).

Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G., Kulakova N.I. Chastnoe predprinimatel'stvo v period nepa (na materialah Povolzh'ya) [Private entrepreneurship during the NEP period (based on materials from the Volga region)] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. N 4 (in Russian).

Zakharchenko A.V. Vedomstvennyj "lobbizm" v sovetskoj ekonomike: ministerstva — pravitel'stvo — Gosplan, 1945–1953 gg. (na primere MVD SSSR) [Departmental "lobbying" in the Soviet economy: ministries — government — Gosplan, 1945–1953 (on the example of the USSR Ministry of Internal Affairs)] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2016. N 6 (in Russian).

Zhukov I.V. Pravovye osnovy, vzniknoveniya i razvitiya profsoyuznogo dvizheniya v Rossii [Legal foundations, emergence and development of the trade union movement in Russia] // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. N 4 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-216-234

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Карпова, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В предлагаемой статье приводятся обоснования методологической эффективности и потенциала применения социокультурного анализа в области исследования процессов функционирования и развития социально-политических систем.

Автор обращается к теоретическим основам социокультурного подхода, рассматривает его специфику и интегративный характер, анализирует проблему совместимости социокультурного подхода с методологией структурного функционализма. Показано, что при изучении социально-политических систем данный «методологический союз» не образует противоречие. Наоборот, подобная интеграция позволяет включать в фокус исследований динамические аспекты внеинституциональных и институциональных сторон социальной жизни, что помогает наиболее полно раскрыть возможные влияния, протекающие со стороны субъективных оснований на характер эволюционного развития социально-политических систем. Применение социокультурного подхода также аргументируется тем, что субъективные детерминанты функционирования социально-политических систем, по мнению автора, не ограничиваются рамками политической культуры, поскольку на специфику той или иной системы также оказывают влияние цивилизационные особенности государства, генетические основы национальных культур, религия.

Излагаются и рассматриваются основные методологические принципы социокультурного анализа, которые наиболее актуальны для исследования различных социально-политических систем. Среди них особое внимание уделено принципу социокультурного равновесия, указывающего на допустимые возможности эволюции каждой конкретной социально-политической системы и необходимость наличия баланса между культурными традициями и структурными изменениями для обеспечения ее устойчивого развития. Подчеркивается, что для систем, переживающих структурные трансформации, социокультурный анализ становится одним из наиболее действенных методов понимания их состояния и направленности изменений, поскольку вопрос о диалектических формах взаимосвязи между культурным и социальным здесь является главным аспектом жизнеспособности системы.

Ключевые слова: социокультурный анализ, социально-политическая система, структурный функционализм, культура, социокультурный код, политическая культура, политические институты.

*Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova_warden@mail.ru

SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF SOCIO-POLITICAL SYSTEMS: METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY

Karpova NataliaV., PhD, Associate Professor at the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: karpova_warden@mail.ru

This article provides a methodological study of the effectiveness and potential application of sociocultural analysis in the research of socio-political systems the functioning and the development.

The author turns to the theoretical foundations of the sociocultural approach, examines its specificity and integrative nature, and also analyzes the problem of compatibility of the sociocultural approach with the structural functionalism methodology. It is shown that such "methodological union" does not form a contradiction in the study of socio-political systems. On the contrary, this integration allows to include in the focus of research the dynamic features of both institutional and noninstitutional aspects of social life, which helps to fully reveal the possible influences from the subjective grounds on the nature of the evolutionary development of socio-political systems. The use of the sociocultural approach is also being justified by author by the fact that here the subjective determinants of the functioning of socio-political systems are not limited to the framework of political culture, since the specificity of a particular system is also influenced by the civilizational characteristics of the state, the genetic foundations of national cultures, and religion.

Also, the basic methodological principles of sociocultural analysis, which are most relevant for the study of various socio-political systems, are being stated and considered. Among them, special attention is paid to the principle of socio-cultural balance, indicating the permissible possibilities of evolution of each socio-political system and the need for a balance between cultural traditions and structural changes to ensure its sustainable development.

Key words: sociocultural analysis, socio-political system, structural functionalism, culture, sociocultural code, political culture, political institutions.

В последние несколько десятилетий в системе социального знания, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях устойчиво прослеживается тенденция, связанная с повышением внимания и интереса к культурологическому измерению различных аспектов социальной жизни. С одной стороны, это проявляется в развитии и распространении специальных подразделений и областей социологии, которые занимаются культурой в широком ее понимании. С другой стороны, это выражается в исследовательских ориентациях на междисциплинарную интеграцию и включение культурного аспекта в познание целого ряда социальных, политических, экономических явлений и процессов. Одним из примеров подобной междисциплинарной интеграции в современной социологии является социокуль-

турный анализ, который, по словам Л.Г. Ионина, представляет собой не столько особую дисциплину, сколько направление теоретического исследования, методологию и аналитический аппарат, направленные на “обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений”¹.

В данной статье мы ставим перед собой задачу показать эффективность применения социокультурного анализа в сфере политической практики, а именно в области исследования механизма функционирования социально-политических систем. Конечно, вопросы культурного анализа политических процессов не являются новыми. В этой области существует немало фундаментальных теоретических разработок, которые прежде всего связаны с концепцией “политической культуры”, возникшей еще в середине прошлого столетия (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и др.)². При этом нельзя не отметить, что с тех пор прошло более семидесяти лет, а теоретический подход к политической культуре, созданный американскими учеными, не теряет своей научной ценности и до сих пор выступает в качестве базового в учебной литературе университетов различных стран. Предлагаемое нами видение проблемы заключается не в предложении альтернативной методологии исследования социально-политических систем, а скорее в некотором расширении сложившегося в политической науке политико-культурного подхода, в поиске интеграционных возможностей, имеющих в арсенале современных социальных наук.

В некотором роде основы социокультурного анализа политических систем были заложены самими родоначальниками концепции “политическая культура”. Так, Г. Алмонд и С. Верба начинают свою классическую работу “Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах” положением, что их труд представляет собой не что иное, как “исследование политической культуры демократии, а также тех социальных структур и процессов, на которые она опирается”³, объединяя тем самым в познании политических процессов сферу культурного и социального. Вместе с тем, определяя категорию самой политической культуры и выражая ему свои методологические симпатии, Г. Алмонд и С. Верба отмечали, что предпочли это понятие “всем прочим потому, что оно позволяет... воспользоваться концептуальными рамками и под-

¹ Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 22.

² См.: Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Princeton, 1963; Political culture and political development. Studies in Political Development, 5 / Ed. by L.W. Pye, S. Verba. Princeton, 1965; и др.

³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014. С. 13.

ходами антропологии, социологии и психологии... Аналогичным образом привлечение совокупности теоретических разработок и размышлений, касающихся социальной структуры и социального процесса как общих феноменов, позволяет нам лучше понять, как возникают и трансформируются политические системы”⁴.

В то же время, ориентируясь на междисциплинарное взаимодействие, исследователи совершенно четко и небезосновательно понимали, что любой переход терминов из различных дисциплин, как правило, несет в себе опасность размывания “концептуального словаря” науки, что “чревато заимствованием не только сильных сторон, но и недостатков”. И вполне логично, что любые подобные интеграции могут привести к появлению расплывчатых понятийных “гибридов”, теряющих свою функциональную значимость и истинный смысл. «Мы знаем, — писали Г. Алмонд и С. Верба, — что антропологи употребляют термин “культура” в нескольких разных смыслах... и можем подчеркнуть, что мы его используем только в одном из многочисленных значений... в значении психологической ориентации на социальные объекты»⁵.

В данном отношении положительная сторона социокультурного анализа состоит в том, что на самом деле он не предполагает дополнительных изменений в устоявшемся понятийном аппарате, а больше направлен на развитие и интеграцию методологических оснований в исследовании конкретной проблематики. Значимость социокультурного анализа как методологического инструментария прежде всего заключаются в том, что в предлагаемом им алгоритме познания различного рода социальных явлений и процессов культура имманентно соотносится с функционированием социального пространства и является его частью, что в свою очередь определяет развитие самой культуры. Соответственно, подобная взаимосвязь предоставляет нам возможность не ограничивать исследовательский интерес только односторонним влиянием со стороны культуры на различные социальные явления, но также и включать в него более широкие вопросы, связанные с формированием культурных оснований и изменением самой культуры. В том числе это касается и сферы культурного анализа социально-политических систем.

Между тем, нельзя обойти стороной и тот факт, что популярность самого понятия “социокультурный” в современной научной литературе и его многочисленные междисциплинарные использования

⁴ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2. С. 132.

⁵ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. С. 132.

могут легко приводить, по словам Ж.Т. Тощенко, к стиранию граней “между научным знанием и любым нарративом (социокультурным разговором об обществе)”⁶, следствием чего может стать не только упоминаемое нами ранее размывание проблемного поля исследования, но и потеря критериев научного знания. Действительно, понятие “социокультурный” стало в системе социального знания достаточно “истертым”, о чем свидетельствует частое использование этого слова в названиях различных статей, не имеющих порой прямого отношения к истинному смыслу этой категории. Поэтому во избежание публицистичности анализ и нашей, междисциплинарной по своей природе, проблемы исследования требует прежде всего категориальной определенности и точности.

Истоки развития социокультурного анализа связаны со становлением и спецификой социокультурного подхода, интегративность которого, по словам отечественного исследователя Л.Ю. Логуновой, составляет собой одну из его основных методологических характеристик⁷. Отметим, что хотя базовые основания социокультурного направления в социологии получили свое выражение в работе П.А. Сорокина “Общество, культура и личность: их структуры и динамика” (1947), но непосредственно понятие “социокультурный подход” появилось не в его трудах, а было впоследствии использовано в работах отечественных социологов. И до сих пор содержит элементы дискуссионности⁸.

В концепции П.А. Сорокина говорится о социокультурных явлениях как феноменах, отражающих интеграцию трех измерений социальной жизни, к которым относятся непосредственно человек как субъект социальных взаимодействий, характер социальности конкретного общества и тип культуры. Социокультурные явления, писал П.А. Сорокин, заключают в себе три неотделимых друг от друга аспекта. Это: “...1) *личность* как субъект взаимодействия; 2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов его

⁶ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 3. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_9.html?printmode (дата обращения: 15.04.2021).

⁷ См.: Логунова Л.Ю. Социокультурный подход: специфика применения микроанализа // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 50.

⁸ См.: Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–11; Логунова Л.Ю. Социокультурный подход: специфика применения микроанализа // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 48–55; Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Питирим Сорокин и социокультурный подход // Наследие. 2013. № 3. С. 10–23; Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследования // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1. С. 305–327; и др.

социокультурными отношениями и процессами и 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица... Ни один из членов этой нераздельной триады... не может существовать без других”⁹. Причем в широком смысле социальность здесь вполне объективно может быть рассмотрена как совокупность различного рода отношений между индивидами и группами — экономическими, социальными и политическими¹⁰.

Впоследствии социокультурный подход получил дальнейшие интерпретации в системе социальных наук, предлагая различные инструментальные комбинации в сочетании понятий и возможностей культурного и социального (Н.И. Лапин, А.С. Ахиезер, Ю.М. Резник и др.)¹¹. Однако наша задача не состоит в их подробном рассмотрении, поскольку это является отдельным и весьма непростым теоретическим вопросом. Для нас главным образом имеет значение общая методологическая направленность данного подхода, которая обосновывает эффективность его применения для социокультурного анализа процессов функционирования и развития социально-политических систем. А к таким методологическим основаниям относятся прежде всего активность социальных субъектов, принцип взаимопроникновения культуры и социальных форм взаимодействия при анализе различного рода социальных явлений и процессов, а также принцип “социокультурной динамики”, предопределяющей ход и специфику эволюционных процессов. В принципе, стоит согласиться с А.Л. Темницким, который говорит, что, по сути, понятие “социокультурное” может выступать в качестве “аналитической переменной, раскрывающей особенности соотношения социальной и культурной компонент в том или ином пространственном и временном контексте”¹².

Отечественный исследователь Н.И. Лапин подчеркивает, что “социокультурный подход не противостоит иным подходам, а дополняет их”¹³. Это непосредственно касается совместимости и наличия общих точек соприкосновения между социокультурным анализом и методологией структурного функционализма. В поддержку данного методологического “союза” выступает в частности то, что изначально одним из базовых принципов структурного функционализма

⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 218.

¹⁰ См.: Лапин Н.И. Указ. соч. С. 4.

¹¹ См. об этом подробнее: Темницкий А.Л. Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестник МГИМО (Университета). 2011. № 4. С. 180–187.

¹² Темницкий А.Л. Указ. соч. С. 187.

¹³ Лапин Н.И. Указ. соч.

стало рассмотрение его представителями культуры как важнейшей функциональной структуры, определяющей развитие социальных систем. Ведь так или иначе, для обоих подходов основной идеей является взаимодействие и взаимное влияние социальных структур и культурных явлений. Не выделяя, к примеру, принципиальных противоречий между социальным и культурным в своей теории социальных систем и Т. Парсонс, а наоборот, несмотря на различие этих сфер и фокусов их направленности ученый доказывал значимость соответствия культуры институциональной структуре для жизнеспособности всей социальной системы, ее устойчивости и достижения в ней социального порядка¹⁴. Кстати, именно в рамках структурного функционализма получила свое первоначальное развитие концепция политической культуры как элемента механизма политической системы (Г. Алмонд, Дж. Пауэлл).

Если сравнивать два этих подхода по их исследовательскому потенциалу, то социокультурный подход является более универсальным, или, точнее сказать, имеет более широкий ракурс. Соответственно интеграция научного анализа в его пространство может предоставлять большие возможности. “В отличие от структурного функционализма, — пишет Н.И. Лапин, — социокультурный подход не имеет принципиальных затруднений с учетом *и интерпретацией изменений изучаемых объектов*”¹⁵ (выделено нами — Н.К.). И применительно к анализу социально-политических систем потенциал социокультурного подхода имеет особую значимость, поскольку позволяет сориентировать фокус исследований в том числе на динамических аспектах и культурных изменениях. Ведь действительно, в творчестве самого П. Сорокина проблема социокультурной динамики была одной из основных. А первоначальные концепции политических систем как раз критиковались за то, что, придерживаясь принципа “гомеостатического равновесия”, были прежде всего сосредоточены на рассмотрении механизма их функционирования и воспроизводства, оставляя в стороне проблемы развития, динамики и эволюции¹⁶. Поэтому последующие исследования, пытающиеся преодолеть статичный взгляд на политические системы и затрагивающие вопросы их развития и выявления роли политической культуры в этом процессе, так или иначе попадали в поле социокультурной методологии.

¹⁴ См.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 689–690.

¹⁵ Лапин Н.И. Указ. соч.

¹⁶ См.: Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований социально-политических систем // Пространство и время. 2013. № 3. С. 41.

Возвращаясь непосредственно к социокультурному анализу и проблеме его применимости к исследованию социально-политических систем, подчеркнем, что специфика данного метода, содержащаяся в выделении и комплексном изучении “институциональных и внеинституциональных сторон социальной жизни”¹⁷, включая их динамические аспекты, позволяет *наиболее полно раскрыть и интегрировать возможные влияния, проистекающие со стороны субъективных оснований, на характер функционирования и развития социально-политических систем*. В частности, методологические ориентиры социокультурного анализа дают основания поднимать вопросы о соответствии или противоречиях культурной генетики социально-политическому развитию системы, определять механизмы “преодоления этих противоречий или удержания их в определенных нормативно заданных ситуационных границах (традиции, политические решения) в конкретных социально-исторических условиях”¹⁸.

Но прежде чем перейти к возможностям социокультурного анализа применительно к социально-политическим системам, кратко остановимся на самом объекте исследования — социально-политической системе, которая является далеко не простым феноменом. Причем и само понятие остается недостаточно определенным, поскольку в политической науке и политической социологии традиционным в использовании остается “политическая система”.

Понятие “политическая система” в инструментальном своем значении появилось в середине XX в., в поствоенную эпоху, как ответ на методологический запрос со стороны научных требований по универсализации понятийного аппарата в изучении разнородных по своей природе политических и социально-политических структур и процессов. В то историческое время теории политической системы Д. Истона и уже в большей степени структурно-функциональная модель Г. Алмонда были призваны выступить (они также продолжают выступать в этом качестве и в настоящий момент) как “концептуализирующие и объяснительные матрицы”¹⁹ политической сферы общества. Образовавшиеся после Второй мировой войны и процессов деколонизации новые политические режимы и страны требовали особого понимания, не только в контексте сформировавшихся в них политических институтов, но и в контексте их истории, культуры, религии, этнической специфики, т.е. всех внеинституциональных факторов, определяющих характер политических процессов.

¹⁷ Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособ. М., 1996. С. 16.

¹⁸ Логунова Л.Ю. Указ. соч. С. 50.

¹⁹ Федоркин Н.С. Указ. соч. С. 38.

В рамках своей концепции Г. Алмонд определял политическую систему как “особый тип социальных систем... которые задействованы в принятии властных публичных решений”, как “совокупность институтов, которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нем групп”²⁰. Однако в предлагаемую модель американский ученый включал не только политические структуры, определяющие форму правления в государстве и структуру политического властвования (органы законодательной и исполнительной власти). К ее структурным составляющим он относил также и социально-политические элементы (политические партии, группы интересов, институты гражданского общества), которые, с одной стороны, являются каналами участия социальных субъектов (граждан и их объединений) в процессе выражения тех самых “коллективных целей общества”, артикуляции и агрегации интересов, а с другой стороны, участвуют в механизме осуществления контроля за политическими решениями. Тем самым в качестве стержневого основания своей теоретической модели политической системы Г. Алмонд изначально закладывал некий социально-политический контекст, отражающий не только механизм реализации политического курса, проистекающий “сверху”, но и возможности “низовых” влияний на него со стороны социальных субъектов.

Поэтому целенаправленно употребляя понятие “социально-политическая система”, мы никоим образом не стараемся вступить в противоречие со структурно-функциональной моделью Г. Алмонда, а всего лишь конкретизируем, или, скорее, сужаем, его трактовку, подчеркивая существование в *структуре политической системы тех институциональных и внеинституциональных компонентов, которые содержат в себе социальные механизмы влияния на процессы ее функционирования и развития*. Фактически социально-политическая система по форме подобна модели системы политической, но только содержание первой и функционирование рассматривается со стороны социальных оснований.

“В каждой политической системе, — указывали Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, — существуют определенные механизмы, посредством которых граждане и социальные группы выражают свои нужды и требования к правительству”. При этом этот процесс артикуляции интересов социальных субъектов может быть реализован на различных уровнях, от борьбы за решение проблем на местном уровне

²⁰ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. Учебн. пособ. / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 37–38.

до определенных государственных требований, иными словами, “начиная с обеспечения деревни чистой водой до введения государственных стандартов чистой воды”²¹. К тому же исследователи отнюдь не сбрасывали со счетов, что “до того, как вступают в игру политические процессы, все мы изначально члены общества”²². Иными словами, все граждане конкретных государств находятся в сети присущих их обществу социальных взаимодействий, которые в определенных ситуациях неизбежно переносятся в сферу политических отношений.

В данном контексте становится еще более очевидным, что характерные для каждого государства формы выражения, представительства и реализации интересов со стороны общества являются в той или иной степени проекцией социокультурной матрицы, объединяющей в действиях граждан как типы социальности, так и культурные характеристики, поскольку именно в действиях граждан, социальных объединениях и групп проявляются и непосредственно реализуются их общекультурные и политико-культурные ценности, политические традиции и установки.

Очерчиваемую нами сферу социально-политических проникновений в структуре политической системы российский исследователь А.Ю. Мельвиль называет еще “неинституционализированным нижним микроуровнем”, который определяется членством граждан в разного рода общественных организациях, участием в электоральном процессе, в акциях поддержки или протесов против действующих властей, а также социальным контролем над властными решениями. Фактически этот низовой уровень политической системы становится местом соприкосновения политических и неполитических сфер общества, институциональных и неинституциональных явлений, а также именно здесь зарождаются и выстраиваются взаимосвязи между гражданским обществом и государством²³.

Таким образом, под социально-политической системой мы понимаем непосредственно совокупность взаимосвязанных между собой политических и социально-политических институтов, структур, связей и отношений, воплощающих в жизнь механизмы социального и культурного воздействия на состояние политических процессов, их изменения, а также реализацию политического курса.

Как и любое образование, определяемое в статусе системы, она не только является некой целостностью, но и имеет свои границы,

²¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Указ. соч. С. 122.

²² Там же. С. 123.

²³ См.: Политология: Учеб. М., 2004. С. 123.

“входы” и “выходы”, позволяющие ей взаимодействовать с окружающей ее средой. Границы социально-политической системы прежде всего определены характером и степенью причастности конкретных структур и субъектов к участию в механизме властной регуляции и принятии политических решений. Например, само по себе культурное пространство для социально-политической системы естественно является одним из элементов ее окружающей среды, которое в потенциале способно оказывать воздействие на механизм ее функционирования. Но в то время, когда элементы культуры, и прежде всего политической, через систему социальных взаимодействий непосредственно включаются в процесс своего воспроизводства и реализации, они уже становятся частью структуры механизма функционирования социально-политической системы. Например, Ю.В. Ирхин также отмечает, что нельзя рассматривать политическую культуру “лишь как совокупность некоторых знаний и ценностей, опыта, традиций и степени активности субъектов политики”, поскольку она проявляется и в “реализации конкретных политических интересов людей”²⁴, составляющих деятельностную основу любой социально-политической системы.

Таким образом, все поиски ответов на вопросы о понимании особенностей функционирования и развития социально-политической системы так или иначе приводят нас в русло социокультурного анализа, метода, возможности которого позволяют осуществлять исследование социально-политических действий в контексте их культурных и социальных характеристик и изменений. Не исключает формат социокультурного исследования и анализ способов выражения в обществе политических интересов, проистекающих отчасти из политико-культурных традиций, на которые ориентируются взаимодействующие субъекты, а отчасти из сложившейся в конкретный исторический момент социальной ситуации.

Какие же принципы социокультурного анализа, разделяемые в современной системе социального знания, применимы и эффективны для исследования социально-политических систем?

Первым следует упомянуть, конечно, базовый принцип “*взаимопроникновения культуры и социальнойности*”, утверждающий наличие взаимосвязи и взаимовлияния между этими двумя присущими любой социальной системе координатами, хотя “при этом ни одно из них не сводится к другому и не выводится из него”²⁵. Отечественный исследователь Ю.М. Резник конкретизирует данный принцип как

²⁴ Ирхин Ю.В. Социология культуры. М., 2006. С. 91.

²⁵ Лапин Н.И. Указ. соч. С. 5.

«единство и взаимосвязь идеальных (т.е. “внутренних”, смысловых, символических) и реальных (в том числе институциональных — *Отмечено нами, Н.К.*) сторон социальной жизни»²⁶. Исходя из этого методологического основания, функционирование любой социально-политической системы неизбежно должно быть рассмотрено в контексте субъективных детерминант, которые, на наш взгляд, не стоит ограничивать рамками культуры политической. Поскольку нельзя не учитывать влияние, которое оказывают на специфику той или иной системы цивилизационные особенности государства, национальных культур, религии.

Например, очень иллюстративно подобное воздействие очерчивал Н.А. Бердяев, говоря о различиях и исторических распрях между Россией и Польшей, которые не могут быть объяснены лишь политическими причинами. “Это прежде всего распря двух славянских душ, — писал мыслитель, — родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам”, которая является ничем иным, по его мнению, как “распря души православной и души католической”²⁷. Иными словами, две, по сути, родственные страны оказываются такими разными по своим субъективным чертам именно по причине своих религиозных отличий. Неизбежная проекция религии на культуру народа становится во многом определяющим фактором для формирования идентичности нации и вектора ценностных оснований, составляющих содержание самой политической культуры. “Внутренне духовной русской душе, — полагал русский мыслитель, — все еще мешает подойти к душе польской чувство чуждости и враждебности, вызываемое латинско-католической прививкой к славянской душе... Для погруженной в себя русской души, получившей сильную православную прививку, многое не только чуждо и непонятно в поляке, но неприятно, отталкивает и вызывает вражду”²⁸.

Большое значение в социокультурном анализе социально-политических систем имеет *принцип социокультурного равновесия*, который указывает на *наличие соответствия между культурой и структурой как необходимое условие для обеспечения устойчивости любой социальной системы*. Фактически этот принцип брался за основу и в работах Г. Алмонда и С. Вербы, которые применительно к разрабатываемым ими типам политической культуры (патриархальной, подданической, культуры участия, а также смешанным их вариациям) подчеркивали их неизбежную совмести-

²⁶ Резник Ю.М. Указ. соч. С. 307–308.

²⁷ Бердяев Н.А. Русский народ. Богоносец или хам? М., 2014. С. 43, 46.

²⁸ Там же. С. 47.

мость с типом политической системы²⁹. Например, подданическая культура, согласно их концепции, наибольшим образом гармонирует с авторитарным политическим порядком, а культура участия укрепляет и поддерживает демократические структуры. Однако если не ограничиваться в этом вопросе только лишь понятием “политическая культура”, а говорить о наличии влияния на социально-политическую систему целого спектра культурных факторов, то данная зависимость между типами политической культуры и системы не покажется такой однозначной. Известно, что цивилизационные и исторические основы формирования наций и государств оставляют особый след в формировании уникальных политических традиций, воплощающихся в культурной начинке, которая образует допустимые возможности в равновесии каждой конкретной социально-политической системы.

Так, в научной риторике отечественных исследователей применительно к анализу социально-политических трансформаций в России очень часто используется понятие “социокультурный код”, или “генотип” нации, который формирует основы культурной “почвы”, или программы, предопределяющей исторический путь государства. Российский социолог Л.Г. Бызов определял социокультурный код как “набор фундаментальных принципов формирования и поддержания устойчивых областей социокультурного пространства”, в рамках которых порождаются культурные смыслы, воспроизводятся социально-политические связи и отношения, “формируется историческая память, и через которые происходит осознание места нации в современном мире и в ее исторической проекции”³⁰. А «форсированное вытеснение русской традиции, как свидетельствует российская история, не раз приводила к бунту архаического (или точнее “генетического” — *Выделено нами, Н.К.*) начала»³¹. Последним по времени примером подобного сопротивления со стороны культурной генетики стал отход Российского государства и общества от кратковременного господства предложенной реформаторами эпохи 90-х гг. XX в. либеральной идеологии, противоречащей цивилизационным доминантам исторической России и приведшей страну в состояние смуты и кризиса.

²⁹ См. подробнее: *Карпова Н.В.* Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 193–194.

³⁰ *Бызов Л.Г.* Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюции социально-политической системы. М., 2013. С. 91.

³¹ Там же. С. 95.

В качестве немаловажного основания социокультурного анализа выступает также *принцип единства и взаимосвязи «естественных» и «искусственных» элементов социальной жизни»*³². В свете нашей проблематики это предполагает, что исследование любой социально-политической системы не может осуществляться вне понимания специфики влияния на социальные взаимодействия, а также на культуру и ее исторический код со стороны *«естественных элементов»*, к которым относятся, в частности, географические условия, размер территории государства, климат и др. Так, большая территория нашего государства изначально заложила неоднородность социально-экономического развития регионов, сложную этническую структуру, наличие границ с разными по характеру политическому и социально-экономическому устройства государствами. В этой связи Т.А. Заславская особо отмечала, что факторами, определяющими корни современной русской культуры, а также становления российского общества стали *«гигантская и слабо заселенная территория, географическое положение между Западом и Востоком, суровые природно-климатические условия»*. И в исторических политических традициях России именно эти особенности во многом определили тенденции к самодержавной власти, неразделимому слиянию власти и собственности, длительному существованию крепостного права, а также *«господству православной ветви христианства, проповедующей преимущественно пассивные ценности»*³³.

Однако понимание характера функционирования социально-политических систем во многом зависит и от анализа *сознательного управления* социально-политическими процессами, проявляющимися во влиянии со стороны политических институтов, программы и политика которых обусловлены конкретными условиями места и времени. Целенаправленное воздействие институциональных факторов на процессы формирования и развития культурных оснований социально-политической системы, иными словами, на поддержание ее *«культурного образца»*, может происходить по разным направлениям. Во-первых, оно неизбежно реализуется посредством создания нормативной базы, предопределяющей поддержку определенных элементов политической культуры и блокирующей влияние нежелательных ее проявлений, определяя тем самым координаты допустимого направления ее развития для конкретной социально-политической системы. Во-вторых, политические институты несут

³² Резник Ю.М. Указ. соч. С. 307.

³³ Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Уч. пособ. М., 2004. С. 56–57.

ответственность за выработку или поддержку необходимой для каждого государства “национальной идеи”, системы ценностных ориентиров для формирования национально-государственной идентичности, объединяющих народы страны в единое “культурное целое”. А в-третьих, именно на политических институтах лежит ответственность за реализацию функции политической социализации, обеспечивающей трансляцию политико-культурных норм, ценностей и образцов политического поведения. Хотя, конечно, влияние государства на формирование культурной основы социально-политической системы этими тремя возможностями далеко не ограничивается, так как механизм институционального влияния на формирование культурных оснований социально-политической системы связан со многими направлениями государственной политики.

В контексте вышеуказанной многоплановости факторов формирования культурных оснований социально-политической системы обращает на себя внимание *“принцип единства гетерогенных и гомогенных факторов социокультурного развития”*³⁴. Он показывает, что в силу уже отмеченной нами своей сложности, процесс влияния субъективных оснований на функционирование социально-политической системы неизбежно преломляет в себе воздействие со стороны различного рода факторов — исторических, социально-экономических, политических, социально-психологических и, наконец, ситуативных, которые имеют свою “локализацию” и содержат особый потенциал. Поэтому исходя из исследовательских целей и задач, любой из возможных факторов может быть рассмотрен, с одной стороны, как “особый центр активности”³⁵, а с другой стороны, как элемент единого пространства, определяющего формирование непосредственно самого социокультурного контекста и направленность его влияния на социально-политические изменения.

Применительно к анализу функционирования и воспроизводства институционального каркаса социально-политических систем важную роль играет принцип *“единства и взаимосвязи функциональных и динамических процессов”*. Поскольку его основания предполагают исследовать динамические изменения системы в формате возможностей и допустимых изменений, определяемых непосредственно со стороны самой культуры. Этот аспект социокультурного анализа Н.И. Лапин охарактеризовал как “определенный уровень конкретизации принципа универсального эволюционизма”, который представляет собой “соединение идеи эволюции с идеями системного

³⁴ Резник Ю.М. Указ. соч. С. 308.

³⁵ Там же.

подхода”³⁶. Причем в контексте понимания процессов социокультурной трансформации ученый также ориентировался и на “*принцип необратимости эволюции социокультурной системы*”, означающий что “по мере удаления системы от точки равновесия нарушается симметрия процессов и структур, повышается вероятность бифуркации и переходу к новому... состоянию системы как целого”³⁷.

Конечно, развитие и изменения социально-политических систем — это отдельная тема, касающаяся не только естественных текущих изменений, отражающих новые вызовы исторического времени. Она прежде всего связана с трансформационными процессами, которые порой кардинально изменяют структуры механизма политического властвования и при том могут противоречить традиционным культурным основаниям всей системы социально-политических взаимодействий. Как это, например, произошло в России в последнем десятилетии двадцатого столетия. И в данном случае изучение дальнейшего пути развития страны, ее стабильности и возможного устойчивого развития вне исторических особенностей государства и анализа культурного потенциала страны просто невозможно. Поэтому для социально-политических систем, переживающих структурные трансформации, социокультурный анализ действительно становится одним из наиболее эффективных методов понимания их состояния и характера эволюционных изменений, так как основными аспектами жизнеспособности системы здесь прежде всего становятся вопросы, связанные с диалектическими формами взаимосвязи социального и культурного, а также с возможностями соответствия культурных и структурных изменений.

Конечно, рамки статьи позволяют рассмотреть далеко не все существующие положения, накопленные в богатой методологии социокультурного подхода. Однако в заключении нельзя не подчеркнуть, что несмотря на то что все указанные ранее принципы были преимущественно связаны с макроуровневым анализом социально-политических систем, социокультурный анализ не только допускает, но и предполагает возможности включения в исследовательское пространство вопросы, лежащие в сфере микроуровневых явлений и процессов. Ведь все социально-политические системы состоят из конкретных индивидов и групп, и поэтому для понимания особенностей функционирования и развития любой из них оказываются неизбежно значимыми конкретные элементы личностных структур, определяющие характер и смыслы их действий. Это имеет отношение

³⁶ Лапин Н.И. Указ. соч. С. 4.

³⁷ Там же. С. 6.

и к конкретным политическим лидерам, принимающим политические решения, и к гражданам, участвующим в выражении своих политических интересов.

Соответственно для глубокого изучения социально-политических систем “*принцип единства и взаимосвязи личностных, культурных и организационных компонентов социальных явлений и процессов*”³⁸, раскрывающий сущность социального взаимодействия как родового социокультурного явления, также имеет свое место. В плоскости личностно-групповых взаимодействий социокультурная реальность конструируется и проявляется, с одной стороны, в способах осуществления социальными субъектами своей практической деятельности, а с другой стороны, как реализация их субъект-субъектных связей в конкретных формах взаимодействия между ними³⁹. При этом действительное функционирование и качество социальных структур и институтов также всегда обнаруживаются исключительно посредством социальных практик, отражающих в своей реализации проекцию культурных традиций, норм и ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 1–2, 3–4.

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. Учеб. пособ. / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.

Бердяев Н.А. Русский народ. Богоносец или хам? М., 2014.

Бызов Л.Г. Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюции социально-политической системы. М., 2013.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Учеб. пособие. М., 2004.

Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособие для вузов. М., 2004.

Ирхин Ю.В. Социология культуры. М., 2006.

Карпова Н.В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 1. С. 182–199.

Липин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–11. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/174/1217/001.LAPIN.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

Логунова Л.Ю. Социокультурный подход: специфика применения микроанализа // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 48–55.

³⁸ Резник Ю.М. Указ. соч. С. 308.

³⁹ См.: Там же.

- Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
- Политология: Учеб. М., 2004.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Питирим Сорокин и социокультурный подход // Наследие. 2013. № 3. С. 10–23.
- Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследования // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1. С. 305–327.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Темницкий А.Л. Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестник МГИМО (Университета). 2011. № 4. С. 180–187.
- Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии // Социологические исследования. 2002. № 9. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_9.html?printmode (дата обращения 15.04.2021).
- Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований социально-политических систем // Пространство и время. 2013. № 3. С. 36–44.

REFERENCES

- Almond G., Verba S. Grazhdanskaja kul'tura. Podhod k izucheniju politicheskoj kul'tury [The Civic culture. Approach to the study of political culture] // Politija. 2010. N 1–2, 3–4 (in Russian).
- Almond G., Verba S. Grazhdanskaja kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah [The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. M., 2014 (in Russian).
- Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoj obzor: Uchebn. posob. [Comparative Politics Today: A World View: Textbook] / Pod red. M.V. Il'ina, A.Yu. Mel'vilya. M., 2002 (in Russian).
- Berdyayev N.A. Russkij narod. Bogonosec ili ham? [Russian people. Antioch or a boor?]. M., 2014 (in Russian).
- Byzov L.G. Kontury novorussoj transformacii. Sociokul'turnye aspekty formirovaniya sovremennoj rossijskoj natsii i evolyucii social'no-politicheskoj sistemy [The contours of the new Russian transformation. Socio-cultural aspects of the formation of the modern Russian nation and the evolution of the socio-political system]. M., 2013 (in Russian).
- Fedorkin N.S. Metodologicheskij potencial sravnitel'nyh issledovanij social'no-politicheskikh sistem [Methodological potential of comparative studies of socio-political systems] // Prostranstvo i vremya. 2013. N 3. P. 36–44 (in Russian).
- Ionin L.G. Sociologiya kul'tury: ucheb. posobie dlya vuzov [Sociology of culture: textbook for universities]. M., 2004 (in Russian).
- Irhin Yu.V. Sociologiya kul'tury [Sociology of culture]. M., 2006 (in Russian).
- Karpova N.V. Politicheskaja kul'tura kak strukturnyj jelement mehanizma funkcionirovaniya politicheskikh sistem [Political culture as a structural element in the mechanism of political systems] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija. 2016. N 1. S. 182–199. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-1-182-199 (in Russian).
- Lapin N.I. Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funkcional'nye struktury [Socio-cultural approach and societal-functional structures] // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. N 7. S. 3–11. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/174/1217/001.LAPIN.pdf> (data obratscheniya: 10.04.2021) (in Russian).

Logunova L.Yu. Sociokul'turnyj podhod: specifika primeneniya mikroanaliza [Sociocultural approach: specificity of microanalysis application] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. N 397. S. 48–55. DOI:10.17223.15617793/397/9 (in Russian).

Parsons T. O social'nyh sistemah [The social systems]. M., 2002 (in Russian).

Politologiya: Ucheb. [Political science: textbook]. M., 2004 (in Russian).

Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. Pitirim Sorokin i sociokul'turnyj podhod [Pitirim Sorokin and the sociocultural approach] // Nasledie. 2013. N 3. S. 10–23. URL: https://www.academia.edu/37982882/Питирим_Сорокин_и_социокультурный_подход (data obratscheniya: 12.04.2021) (in Russian).

Reznik Yu.M. Sociokul'turnyj podhod kak metodologiya issledovaniya [Sociocultural approach as a research methodology] // Voprosy social'noj teorii. 2008. T. II. Vyp. 1. S. 305–327 (in Russian).

Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Personality. Civilization. Society]. M., 1992 (in Russian).

Temnickij A.L. Sociokul'turnoe v usloviyah slozhnogo obshchestva: ot neraschlenennogo ponyatiya k dual'nym oppozitsiyam [Sociocultural in a complex society: from an undivided concept to dual oppositions] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2011. N 4. S. 180–187 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. O ponyatijnom apparate v sociologii [On the conceptual apparatus in sociology] // Sociologicheskie issledovaniya. 2002. N 9. URL: https://www.isras.ru/socis_2002_9.html?printmode (data obratscheniya: 15.04.2021) (in Russian).

Zaslavskaja T.I. Sovremennoe rossijskoe obshchestvo: Social'nyj mehanizm transformacii: Ucheb. Posobie [Modern Russian Society: Social Mechanism of Transformation: Textbook]. M., 2004 (in Russian).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-235-257

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В.П. Васильев, канд. эконом. наук, доц., зав. кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье рассматриваются теоретические подходы к пониманию качества жизни населения с социологической точки зрения. Раскрываются особенности концепции ощущаемого качества жизни, структурно-функционального и социально-экономического подходов к ее оценке. Выделяются возможности и ограничения данных подходов для исследования качества жизни. Ориентация на эффективность государственного управления ставит задачу всестороннего исследования благополучия граждан, определения состояния и тенденций уровня и качества жизни. Такой подход имеет значительные преимущества, так как позволяет обобщить состояние социального развития общества на основе мнений населения, исследовать возникающие социальные риски, волнующие население. Основы нового подхода к анализу социальных процессов были заложены научными достижениями 60-х гг. прошлого века. Доминирующей парадигмой выступали экономические цели и параметры статистически измеряемых национального дохода, доходов домохозяйств, оплаты труда и ее дифференциации. Информационное общество, изменение характера труда и другие свойства нового этапа развития создали предпосылки для всестороннего учета социальных ценностей, учета запросов населения на адекватные условия труда и быта, ухода от сухих, как правило, усредненных критериев жизненных обстоятельств к исследованию отношений и ощущений граждан к социетально приемлемым стандартам жизни. В 70-е гг. XX в. были выявлены и проанализированы экологические риски, угрожающие будущему цивилизации. Было артикулировано противоречие производство—экология, что по-новому поставило вопрос об измерении качества жизни. Экономическая компонента (экономический рост) оказалась сжата и заменена параметром благосостояния. Целью общества провозглашено устойчивое развитие, включающее

* Васильев Владимир Петрович, e-mail: vasvp15@gmail.com

** Сушко Валентина Афанасьевна, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

показатели благосостояния, борьбы с бедностью, экологии. Задачи мониторинга решения этих проблем решают социологические исследования, математическая формализация которых может стать структурным элементом экономико-математического моделирования социальных процессов. На основе эмпирических данных социологического исследования, проведенного в апреле и мае 2019 г., в статье анализируется структура социально-экономических и ощущаемых параметров качества жизни.

Ключевые слова: устойчивое развитие, благополучие, качество жизни, уровень жизни, международные рейтинги.

QUALITY OF LIFE AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Vasiliev Vladimir P., Associate Professor, PhD of Economics, Head of Department of Sociology of Public Administration Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: vasvp15@gmail.com

Sushko Valentina A., Associate Professor, Candidate of Sociology, Associate Head of the Department at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

The article discusses theoretical approaches to understanding the quality of life of the population from a sociological point of view. The features of the concept of the perceived quality of life, structural-functional and socio-economic approaches to its assessment are revealed. The possibilities and limitations of these approaches for the study of the quality of life are highlighted. The effectiveness of the public administration system in modern society requires taking into account the opinion of the population about the quality of life. The foundations of the new approach to the analysis of social processes were laid by the scientific achievements of the 60s of the last century. The dominant paradigm was the economic goals and parameters of statistically measured national income, household income, wages and their differentiation. The information society, the changing nature of work and other features of the new stage of development created the prerequisites for a comprehensive consideration of social values, taking into account the population's requests for adequate working and living conditions, moving away from dry, usually average criteria of life circumstances to the study of the citizens' attitudes and feelings to socially acceptable standards of life. The environmental risks that threaten the future of civilization were identified and analyzed in the 70s of the XX century. The production contradiction, which raised the question of measuring the quality of life in a new way, was articulated. The economic component (economic growth) replaced with the welfare parameter. The sustainable development, including the indicators of well-being, the fight against poverty, and the environment were declared to be the goals of the society. The tasks of monitoring the solution of these problems are solved by sociological research, whose mathematical formalization can become a structural element of economic and mathematical modeling of social processes. Based on empirical data from a sociological study conducted in April and May 2019, the article analyzes the structure of socio-economic and perceived parameters of quality of life.

Key words: sustainable development, well-being, the quality of life, standard of living, international ratings.

Введение

Современные социальные практики подтверждают необходимость концентрации исследований влияния современного неустойчивого мира на человека, его мотивации и факторы успешности. Критериями качества жизни становятся социетально значимые условия жизни и преодоление социальной эксклюзии¹. Рейтинги качества жизни представляют интерес не только для академической науки. Критерии и показатели целого ряда рейтингов служат основанием для формирования среднесрочных целей развития. При этом аналитические функции выполняют не только интегральные, как правило, индексные параметры, но и структурные элементы исследования и их воздействия на итоговый результат.

Исследование социальных изменений в современном мире актуализируется необходимостью анализа в рамках Программы устойчивого развития, дерево целей которой произрастает на трех важнейших основах качества жизни человека — благосостоянии, демографии и экологии².

Формализация показателей качества жизни приобретает новое звучание в связи с необходимостью их интегрирования для прогнозирования и программирования социальных процессов. В этом направлении социология постмодерна серьезно отстала от достижений коллег экономистов, которые разработали целый ряд экономико-математических моделей. В известной степени в эти модели включены и социальные составляющие: двухсекторное (капитал, труд) моделирование экономического роста на основе производственной функции Кобба-Дугласа³ включает элементы трудовой активности и образования⁴ и совокупный запас человеческого капитала⁵. В связи с этим актуализируется задача включения показателей качества жизни для прогностической деятельности и моделирования социально-экономической динамики, а также оценки национальных мегапроектов. Традиционные аргументы моделирования — труд и капитал — дополняются ценностными характеристиками и структурными элементами качества жизни.

¹ *Munck R.* Globalization and social exclusion: a transformationalist perspective. Bloomfield, 2005.

² *Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development.* Geneva, 2015.

³ *Renshaw G.* Math's for Economics. N.Y., 2005.

⁴ *Solow R.M.* A contribution to the theory of economic growth // *The Quarterly Journal of Economics.* 1956. Feb. Vol. 70. N 1. P. 65–94.

⁵ *Lucas R.E.* On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics.* 1988. Vol. 22. N 1. P. 3–42.

Эволюция взглядов

До 60-х гг. XX в. анализ жизненных ценностей человека строился, в основном, на основе статистических данных и показателей уровней экономической динамики, отражающих трудовое участие человека в создании материальных ценностей. Прежде всего, это уровень дохода, оплаты труда, потребления. Экономика общества потребления оценивалась именно системой таких параметров. Социально-бытовые и социокультурные блага выступали как производные, но значимые для демонстрации “образа жизни”. Одновременно экономический подход представлял возможность социологическим исследованиям выстраивать систему стратификации общества по критериям дохода и профессиональной принадлежности. Социальные параметры, непосредственно влияющие на положение человека в обществе, не получали достаточного развития. Система методологических принципов и методов социологических исследований, разработанных Дж. Гэллопом для анализа общественно-политических процессов и маркетинговых исследований, также не находила применения и не использовалась для выявления самооценок населения, основанных на ценностях, целях и социально-культурном контексте, в котором живет человек⁶.

Основанием статистических критериев служили теоретические положения “экономики благосостояния”⁷, “распределения богатства”⁸, принципы “всеобщей экономики”, среди которых и тот, согласно которому экономический механизм развивает производство для человека⁹.

Становление общества потребления предопределило структуризацию социальных стандартов жизни, определяющих целеполагание и мотивацию населения, социэтно одобряемых субъективными оценками населения. Это потребовало разработки отличающихся от статистических методов технологий и критериев оценки качества жизни. Глубинными основаниями таких измерений стали социальные практики зарождающего информационного общества постиндустриальной эпохи¹⁰. Одновременно социально-экономическое развитие потребовало оценить результаты двух содержательных процессов — итогов воздействия на качество жизни научно-техни-

⁶ Analytics & advice about everything that matters, 1972. URL: <https://www.gallup.com/> (accessed: 10.02.2021).

⁷ Pigou A.C. The economics of welfare. L., 1920.

⁸ Clark J.B. The distribution of wealth: a theory of wages, interest and profits. N.Y., 1908.

⁹ Perroux F. Le Revenu national: son calcul et sa signification (avec Pierre Uri et al.). P., 1947.

¹⁰ Bell D. The coming of post-industrial society: a venture of social forecasting. N.Y., 1973.

ческого прогресса и шокового влияния первого мирового энергетического кризиса 70-х гг. XX в. На этих методологических основах зародилось “движение за социальные индикаторы”¹¹, введившее в исследовательский оборот анализ и стандартизацию социальных параметров качества жизни.

Новая трактовка экономической динамики и качественных характеристик социальной жизни была представлена в виде системы показателей Дж. Форстером¹². Работа была основана на революционном методе расчетов, который Дж. Форрестер назвал “системной динамикой”. Модели “Мир-1” и “Мир-2”, нацеленные на выработку сценариев развития всего человечества в его взаимоотношении с биосферой могли учитывать многие переменные и их взаимодействие в поведении сложной системы, в зависимости от времени, они состояли из более чем сорока нелинейных уравнений, описывающих взаимозависимость выбранных переменных.

Система Дж. Форстера, последовавшие доклады Римского клуба расширили взгляд на исследование качества жизни¹³. Во-первых, статистические данные качества жизни были включены в систему моделирования мирового развития, во-вторых, качество окружающей среды, экология были артикулированы как важнейшая составная часть жизни человека и общества. В-третьих, подвергся сомнению основополагающий принцип развития экономики — экономический рост.

Моделирование мировой динамики показало, что рост промышленного производства ухудшает окружающую человека среду, и поэтому прирост национального продукта не может выступать целью экономической динамики. Эти исследования и дискурс о соотношении и приоритетах экономики и экологии послужили основанием для включения экологических проблем в качестве существенного компонента качества жизни и прогнозирования социально-экономической динамики.

Вторая половина 1970-х гг. дала старт новому направлению исследования жизни — концептуализации “ощущаемого качества жизни”¹⁴.

Этот подход был основан на необходимости изучения удовлетворенности жизнью и построения систем показателей, отражающих

¹¹ Social Indicators / Ed. by R.A. Bauer. Cambridge, 1966.

¹² Forrester J.W. World dynamics. N.Y., 1971.

¹³ Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L., Behrens W.W. The limits to growth: a report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y., 1972.

¹⁴ Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The quality of American life: perceptions, evaluations, and satisfactions. N.Y., 1976.

индивидуальные потребности и субъективные ощущения человека, преодолеть ограниченность усредненных статистических данных, перейти к диалогу с респондентами. Формализация показателей ощущений человека позволила анализировать с этих позиций удовлетворенность жизнью, сопоставить текущее состояние качества жизни с неким желаемым параметром данной сферы исследования.

Новый этап глобализации, начавшийся в 70–80-х гг. прошлого века, привел к разворачиванию исследований как собственно процессов глобализации, так и ее структурообразующих элементов: взаимодействий стран и народов в областях экономики, конкуренции, социальных и политических взаимосвязей. Интенсифицировались исследования влияния глобальных процессов на внутринациональные социальные и политические отношения, сравнительный анализ успешности жизненных сфер населения.

На этом фоне в портфелях ряда исследовательских центров в качестве агрегированного критерия качества жизни, используемого в международных рейтингах, оказался показатель “права человека”, который используется и в последние годы, но в убывающих масштабах. При международных сопоставлениях возникает проблема разной трактовки прав человека как ценности демократического общества, возникают риски репрезентативности таких исследований, так как экспертный анализ проводят специалисты, не проживающие в стране социологического опроса. Определенной альтернативой выступают исследования социального капитала, в основе которого взаимное доверие, формирующееся в социальных связях и характеризующее качество жизни¹⁵. В концентрированной форме артикуляцией такого подхода являются рейтинги доверия населения органам власти и отдельным государственным деятелям.

Одной из характеристик современного общества является озабоченность общества и каждого отдельного человека доступностью важнейших социальных сфер — образования и здравоохранения. Эти сферы общественного развития в значительной степени воздействуют на качество жизни современного человека, что теоретически обосновано в исследованиях “социальной эксклюзии”¹⁶ и “человеческого капитала”¹⁷.

¹⁵ Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt Sonderband 2) / Reinhard Kreckel (Hg.). Göttingen, 1983. S. 183–198.

¹⁶ Silver H. The process of social exclusion: the dynamics of an evolving concept // Working Paper 95. Manchester, 2007.

¹⁷ Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education. Chicago; L., 1993.

В первой половине 2000-х гг. на базе знаковых международных организаций, университетов и научных центров сформировалась сеть международных рейтингов, ранжирующих страны по многообразным критериям экономики, политики и качества жизни с устойчивыми показателями социально-экономической статистики и субъективными оценками населения и экспертов. Многие из них завоевали репутационную известность и востребованность для операционных исследований угроз и вызовов макродинамики, превосходящую аналитические работы социологов в области политических процессов и маркетинга локальных рынков. В практической деятельности используется не только взгляд на позицию страны в том или ином рейтинге, но и представленная система показателей, отражающая систему ценностей в определенных сферах деятельности и ощущений человека на микроуровне.

Приоритеты устойчивого развития

Теоретическая идеология защиты окружающей среды и обозначение экологии как главной проблемы современности привели к микшированию экономических показателей экономической динамики. В ряде исследований неоинституциональной теории вслед за Максом Вебером¹⁸ проводится мысль о примате социокультурной динамики в самом экономическом развитии, оспаривается постулат экономической классики о стремлении к прибыли как рациональной цели экономического развития, а основной дихотомией выступает взаимодействие производство — потребление. К тому же не всякий рост промышленного производства ведет к загрязнению окружающей среды, а увеличение экологической безопасности требует производства современных технологий. Современный тренд развития промышленности 4.0, как и другие инновации, увеличивая валовый внутренний продукт, не несет угрозы среде обитания человека. Поэтому необходим сбалансированный подход к приоритетам устойчивого роста. Нулевой рост не устойчив по определению, он может в любой момент оказаться отрицательным под влиянием внутренних законов экономического развития, которому генетически присуща цикличность.

Однако на волне приоритета экологии над экономикой статистический показатель валового внутреннего продукта поставлен под сомнение¹⁹. Но представленные известные авторы, в отличие от

¹⁸ Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen, 1934.

¹⁹ Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up. N.Y., 2010.

ряда других, не отвергают ВВП как цель экономического развития и видят его недостаток в том, что он не отражает проблем неравенства и присвоения узкой социальной группой источников не возобновляемых ресурсов. Такой подход является основанием измерения проблем благосостояния, которое выступает в современном мире структурным элементом устойчивого роста и рассматривается в качестве критерия большинства международных “рейтингов счастья” или “благополучия”.

Индексирование показателей экономической реальности обособилось в комплекс исследований отдельных сфер и видов экономики. Диапазон таких исследований довольно значителен — от концентрации отраслевых промышленных структур до инноватики, цифровой динамики, проблем глобализации и индикаторов биржевой деятельности. Значимым инструментарием для анализа и практических действий выступают оценочные показатели платежеспособности таких международных агентств, как *Standard & Poor's*, *Moody's Agency* и *Fitch Agency*. Для анализа деловой среды и инвестиционного климата широко используются исследование рейтинга Мирового банка *Doing Business*²⁰.

Большинство современных рейтингов социально-экономической динамики носят иллюстративный характер, дают сравнительную характеристику и ранжирование стран, важные для компаративистского анализа. Как правило, они основаны на использовании статистических данных национальных институтов с применением методов социологического анализа (опросы и экспертные оценки). Итоговые данные представлены в виде индексов, которые и ранжируют страны. Ряд исследований для вычисления общего индекса присваивают каждому показателю весовые коэффициенты. Но по разным причинам структурные аргументы, интегрируясь в отдельные индексы, не получают соответствующих коэффициентов удельных значений.

В такого рода представлениях итогового индекса либо отдельные значения суммируются в равных долях, либо общее значение вообще не определяется. Такой подход затрудняет операционные возможности в использовании рейтингов для целей социального моделирования и прогнозирования.

Одним из наиболее используемых международных рейтингов уровня и качества жизни является Индекс человеческого развития, разрабатываемый в современном формате с 2013 г.²¹

²⁰ Doing Business. URL: <https://espanol.doingbusiness.org/> (accessed: 10.12.2020).

²¹ Human Development Report, 2020. URL: <http://hdr.undp.org/> (accessed: 10.12.2020).

Структура и методика расчета Индекса человеческого развития

Показатель/метод	Весовые значения в общем индексе	Показатель (индекс)
Здоровье	1/3	Долголетие (L)
Образование	1/3	Грамотность и продолжительность обучения (E)
Благосостояние	1/3	ВВП (ВНД), измеренный по паритету покупательной способности национальной валюты, соотнесенный с численностью населения (I)
Индекс показателей — $X = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)}$		Общий индекс- $X = \sqrt[3]{L + E + I}$

В целом, этот рейтинг, вместе со связанными с ним значениями индексов гендерного неравенства и многомерной бедности, характеризует уровень социального развития исследуемых стран. Введенный в рейтинг индекс благосостояния скорее характеризует потенциал возможного получения благ через распределительную систему. По сути, этот показатель идентичен реальному валовому внутреннему продукту, очищенному от конъюнктурных влияний валютного рынка и соотнесенному с производительностью факторов производства, а не труда.

Показатели Индекса человеческого развития демонстрируют существенные значения, определяющие стратегические направления социальной динамики. Этот рейтинг является не только предметом академического анализа, но и ориентиром государственной социальной политики.

Как известно, в России определены стратегические цели социально-экономического развития до 2030 г.²² Поставленные цели и индикаторы национальных проектов корреспондируются с Повесткой дня ООН до 2030 г. и индексами человеческого развития. Так, в области образования целью является перемещение с 36-го на 10-е место названного индекса, а в том, что касается продолжительности предстоящей жизни, то ее предполагается увеличить до 78 лет, продвигаясь по лестнице рангов раздела долголетия.

Трансформация ряда международных рейтингов счастья или благополучия привела к переносу доминанты счастья к исследованию качественных характеристик благополучия. Во многом это

²² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030. URL: <https://pm.center/upload/iblock/> (дата обращения: 10.12.2020).

вызвано трудностями концептуализации и операционализации психологического феномена счастья.

Первый рейтинг качества жизни объединенной Европы был опубликован в 2004 г. под эгидой *European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions*.

Исследование проводилось по классическим канонам анкетных социологических опросов по 25 странам по ступенчатой вероятностной выборке. Концептуально, основываясь на Лиссабонской стратегии 2000 г., исследование было посвящено анализу субъективных оценок населением качества жизни, основным элементом которого выступают условия жизни и труда человека как отражение и критерий воздействия на человека технического прогресса.

Таблица 2

Факторы и показатели исследования

Факторы	Основные критерии	Факторы	Основные критерии
Экономическая ситуация	Средний ежемесячный эквивалентный доход домохозяйства (модифицированный ОЭСР) по странам Распределение уровней доходов по странам Среднее значение депривации по квартилям доходов по странам	Структура домохозяйства и семейные отношения	Часы ежедневного ухода за детьми в разбивке по стране и статусу занятости матери Удовлетворенность семейной жизнью Поддержка со стороны семьи и ближайшего окружения
Условия проживания и социальная среда	Среднее количество комнат на человека по странам Среднее удовлетворение условиями проживания в разбивке по странам	Баланс между работой и личной жизнью	Трудности совмещения работы и семейной жизни Гендерные различия Еженедельное рабочее время с разбивкой по полу Дети, работа по дому и уход
Работа, образование, умения и навыки	Доля лиц в возрасте 18–64 лет, проживающих в домашних хозяйствах, не имеющих работы и имеющих много работы Доля работающих респондентов, имеющих вторую работу	Здоровье и забота о здоровье	Различия между странами в оценке состояния здоровья как “плохого” Статус здоровья Доступ к медицинским услугам Качество медицинских и социальных услуг

Перечень представленных вопросов анкетирования респондентов не позволил подвести интегральные итоги по разделам исследования. Кроме того, ряд вопросов для анкетирования не был актуальным для респондентов. Однако задача выявления ключевых проблем качества жизни была решена. Исследование показало, что существуют значительные межстрановые различия в уровнях экономической обеспеченности, коррелирующей с дифференциацией условий жизни.

Последующие исследования позволили актуализировать подходы к анализу качества жизни с точки зрения повседневных ценностей, социетально одобряемых норм в контексте целей устойчивого развития Повестки дня до 2030 г. и “Инициативы лучшей жизни” (*Better Life Initiative*) ОЭСР по улучшению жизни, включая здравоохранение, субъективное благополучие, социальные связи, природный капитал.

В 2020 г. был опубликован пятый доклад измерения благополучия “Как жизнь? 2020”²³. В докладе органически синтезированы данные национальных статистических организаций и социологических опросов населения в более чем 40 странах ОЭСР по актуализированным показателям качества жизни (более 80), включая субъективную оценку благополучия, доходы граждан, неравенство, ресурсы человеческого и социального капитала. Шкала оценок от 0 до 10.

Комплексные результирующие оценки благосостояния представлены в четырех видах капитала: природного, экономического человеческого и социального по своим критериям оценок.

Исследования “Как жизнь?”, преодолевая ограниченность критериев качества жизни и благополучия аналогичных исследований, основываются на достижениях современной теории социологии, синтезируют экономические и социальные факторы благополучия, ощущаемые респондентами.

Сравнительный анализ сопоставимых показателей 2020 и 2010–2013 гг. позволил авторам сделать вывод о росте долголетия, безопасности жизни, индивидуальных доходов и ряда других факторов благополучия. Однако медианное благосостояние, эмоциональное восприятие действительности и даже отчаяние растут или не сокращаются. Наблюдается значительная дифференциация по интегральному критерию благосостояния как внутри стран, так и в межстрановых сравнениях.

Методология. Вышеприведенная совокупность параметров исследований качества жизни представляет собой систему концепту-

²³ How is life? 2020. Measuring Well-Being. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/how-s-life-2020_7185aa8b-en (accessed: 10.12.2020).

Факторы и основные показатели исследования

Факторы	Показатели	Факторы	Показатели
Доход и богатство	Средний чистый скорректированный доход домашних хозяйств Относительная бедность доходов Неравенство в доходах и богатстве	Субъективное благополучие	Удовлетворенность жизнью Баланс негативных и позитивных чувств Субъективное неравенство в отношении благополучия
Работа и качество работы	Уровень занятости Долгосрочный уровень безработицы Заработки Стандарт рабочих мест	Безопасность	Уровень убийств Чувство безопасности при ходьбе в одиночку ночью Смертность на дорогах
Условия проживания	Уровень перенаселенности Доступность жилья Стоимость жилья	Баланс между работой и личной жизнью	Отключаемое (от работы) время Гендерный разрыв в общем отработанном времени Удовлетворенность использованием времени
Здоровье	Ожидаемая продолжительность жизни Воспринятое здоровье Смертность от самоубийства, острого злоупотребления алкоголем и передозировки наркотиков	Социальные связи	Социальная поддержка Время, проведенное в социальных взаимодействиях Удовлетворенность личными отношениями Неравенство социальных связей
Знания и навыки	Когнитивные навыки в возрасте 15 лет Когнитивные навыки взрослых Неравенство знаний и навыков	Гражданская активность	Явка избирателей Влияние на правительство Неравенство гражданского участия
Качество окружающей среды	Воздействие загрязнения воздуха на открытом воздухе Доступ к рекреационным зеленым насаждениям в городских районах Экологическое неравенство		

альных понятий, позволяющих на теоретическом уровне описать свойства, характеризующие состояние качества жизни. Данная совокупность параметров может быть использована как концептуальная модель социологического исследования качества жизни, которая позволяет определить ее состояние. Эмпирическое толкование концептуальных понятий дает возможность рассчитать ее среднепопуляционные нормы — среднее значение, стандартное отклонение, перцентильное распределение, процент минимальных и максимальных оценок.

Соединение социально-экономической концепции и концепции ощущаемого качества жизни в рамках единой концептуальной модели позволяет использовать достоинства и устранить ограничения каждой из двух концепций²⁴.

Такой подход использован Б.В. Бойцовым, Ю.В. Кряневым. М.А. Кузнецов исследует проблемы качества жизни с системной точки зрения, которую в целом можно считать интегральной²⁵, интегрального подхода придерживается также А.М. Нагимова²⁶. М. Хагерти, Р. Камминс²⁷ рассматривают 22 наиболее используемых в мире индекса для измерения качества жизни (*Quality of Life Indexes*) в масштабах государства или его областей. Европейские исследования качества жизни используют подобный подход, применяя такие показатели, как удовлетворенность жизнью в целом, материальным положением, работой, соотношением работы и других сторон жизни, ощущение себя счастливым или несчастливым²⁸.

В 2002, 2008, 2012²⁹ и 2019³⁰ гг. был проведен ряд социологических исследований по специально разработанной анкете для выявления сравнительных характеристик таких сторон качества жизни взрослого населения России, как физическая активность, социальная

²⁴ Аверин Ю.П. Воздействие качества жизни российского населения на его ценностную структуру // Социология. 2019. № 4. С. 87–110.

²⁵ Бойцов Б.В., Крянев Ю.В., Кузнецов М.А. Качество жизни. М., 2004.

²⁶ Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань, 2010.

²⁷ Hagerty M.R. Quality of life indexes for national policy: review and agenda for research // Social Indicators Research. 2001. N 2.

²⁸ Российское социальное исследование по программе Европейского Социального Исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=334> (дата обращения: 10.03.2021).

²⁹ Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке (благополучные годы). По результатам социологических исследований. М., 2017.

³⁰ В 2019 г. исследование проводилось в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований при реализации научного проекта № 19-011-00548 “Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России”.

активность, общее здоровье и жизнеспособность и их роль в формировании качества жизни. Исследования проводились в 22 субъектах Российской Федерации. Выборка являлась территориальной, гнездовой и квотной (по полу, возрасту). Численность выборочной совокупности составила в 2012 г. 1500 человек, в 2019 г. 1803 человека в 22 субъектах Российской Федерации (49% в центральных городах, 28% в районных городах, 23% в сельских населенных пунктах), что обеспечило представительство результатов исследования к населению России в возрасте от 18 лет и старше по полу, возрасту, образованию, территориальному расселению, а именно в региональном разрезе, в разрезе город—село и в разрезе четырех типов городских поселений³¹. В каждом субъекте России опрос проводился в соответствии с его социально-поселенческой структурой: в центральном городе, в районном городе и в сельских населенных пунктах. Районные города и сельские населенные пункты отбирались случайным образом. Таким образом обеспечивался высокий уровень представительности ко всему взрослому населению России. В городах для опроса отбирались 5–6 типичных зон — исторический центр, промышленные районы, “спальные” районы и т.п. В каждом городском районе с использованием метода систематической случайной выборки выбирались номера домов: случайным образом выбирались улица и первый дом на улице, в котором проводился опрос. Остальные дома отбирались через определенный “шаг” в зависимости от соотношения числа домов и количества людей, опрашиваемых в городском районе. С использованием той же процедуры отбирались домохозяйства в доме. В каждом домохозяйстве опрашивался тот человек, дата и месяц рождения которого ближе всего к дате проведения опроса. Для контроля структуры выборочной совокупности использовался метод квотирования опрашиваемых людей по полу и возрасту, чтобы структура выборки по данным основаниям соответствовала половозрастной структуре взрослого населения России. Ошибка выборочной совокупности составляет $\pm 4\%$. Такие исследования позволили определить, во-первых, какого качества жизни достигло общество в целом, в каком состоянии находятся социально-экономические составляющие качества жизни, как их состояние обуславливает состояние составляющих ощущаемого качества жизни. Во-вторых, как изменение состояния социально-экономического и ощущаемого качества жизни обуславливает характер преобразования ценностной структуры населения, каков социальный механизм

³¹ Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке (благополучные годы)...

этого преобразования. В-третьих, на каком этапе развития находится общество с точки зрения состояния качества жизни и ценностной структуры населения.

Результаты и дискуссия

На основе эмпирических данных социологического исследования, проведенного в 2012 и 2019³² гг., был раскрыт характер преобразований в структуре ценностей взрослого населения России и воздействия на них изменений в состоянии его качества жизни за семь лет.

С использованием факторного анализа были раскрыты изменения типологической структуры ценностей взрослого населения России в 2012 и в 2019 гг. и показано, что в 2012 г. она была преимущественно “материалистической” (по Р. Инглхарту). В подходе Р. Инглхарта ориентация общества на установленные ценности связывается с уровнем его социально-экономического и политического развития. Автор продемонстрировал, что общества с неблагоприятной социально-экономической обстановкой ориентированы на ценности “выживания”, в отличие от обществ с более высокими показателями качества жизни, где больше предоставляется возможностей для самовыражения. Государства, в которых господствуют “ценности самовыражения”, имеют больше шансов стать стабильными демократиями³³. Возникшее противопоставление обусловлено особенностями постиндустриального общества и отражается в измерениях через поляризацию “материалистических” и “постматериалистических” ценностей³⁴. Р. Инглхарт проводит различия между “материалистами” и “постматериалистами” в зависимости от их ориентации на определенные ценности. Для материалистов это преимущественно экономическое благополучие, семья, безопасность. Они больше ценят уровень жизни, порядок, законность. Для постматериалистов это преимущественно личностная независимость, права и свободы человека, экология, и они больше ценят качество жизни, политическое участие. При этом существуют промежуточные социальные группы,

³² Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке (благополучные годы)...

В 2019 г. исследование проводилось в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований при реализации научного проекта № 19-011-00548 “Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России”.

³³ Inglehart R. Culture and democracy // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / Ed. by L.E. Harrison, S.P. Huntington. N.Y., 2000.

³⁴ Inglehart R.F. The silent revolution: changing values and political styles among Western publics. Princeton, 1977.

которым присущи и те, и другие ценности, но в разной степени³⁵. “Модернизация — это не финальный этап истории, становление передового общества ведет еще к одному совершенно особому сдвигу в базовых ценностях — когда уменьшается значение характерной для индустриального общества инструментальной рациональности. Преобладающими становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от равноправия женщин до демократических институтов и упадка государственно-социалистических режимов”³⁶. Новое поколение уже ориентируется на высокое качество жизни и личное благосостояние.

Наибольшую значимость, согласно полученным в 2019 г. данным, как и в 2012 г., имел деятельный патриотизм. Изменилось соотношение структурных элементов, характеризующих патриотизм. Повысилась значимость защиты Родины, если на нее будет совершено нападение (НП³⁷=+0,657). С утверждением “Если на Россию будет совершено нападение, я готов защищать ее с оружием в руках” согласны или скорее согласны, чем не согласны, 52,5% респондентов. Проявилось неприятие отъезда из России и жизни в любой стране, “лишь бы иметь достойный заработок и высокий уровень жизни”. С таким утверждением согласны или скорее согласны, чем нет, 35,7% респондентов. С утверждением “Я не покину Россию, и мы должны добиться того, чтобы россияне имели достойный заработок и высокий уровень жизни” согласны или скорее согласны, чем нет, 65,1% респондентов. С утверждением “Как бы мне ни жилось в России, я никогда ее не покину” согласны или скорее согласны, чем нет, 51,5% респондентов.

В сознании людей на первый план выходят “защитные” ценности. Разделяемые всеми, они выступают важнейшей составляющей социального механизма сплочения общества. Значимость деятельного патриотизма зависит от возраста (КСп³⁸=0,301). Чем больше возраст индивида, тем выше для него ценность деятельного патриотизма, связь с Россией. Наоборот, для молодежи такая связь менее значима³⁹.

В структуре ценностей присутствовало стремление людей к росту своего благосостояния, росту потребления благ, к материаль-

³⁵ *Averin Y.P., Sushko V.A.* Quality of life and well-being of Russians citizens: a comparative analysis // *Espacios*. 2018. Vol. 40. N 24. P. 7–14.

³⁶ *Инглхарт Р.* Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // *Международный журнал социальных наук*. 1996. № 12. С. 48.

³⁷ НП — нагрузка на переменную.

³⁸ КСп — коэффициент Спирмена.

³⁹ *Averin Y.P., Sushko V.A.* Quality of life of the Russian population and the factors of its formation // *Postmodern Openings*. 2018. Vol. 11. N 2. Supl. 1. P. 1–15.

ному достатку ради комфортной жизни. Однако значимость таких ценностей в 2019 г. была ниже, чем в 2012 г. Это произошло потому, что снизилась значимость всех его содержательных проявлений: комфортной жизни, получения от нее удовольствий. Значимость подобных ценностей зависит от возраста ($K_{Cп}=+0,278$). Чем моложе люди, тем выше для них ценность достижения материальных благ, комфортной жизни, благосостояния. Молодые люди стремятся испытать как можно больше удовольствий в ущерб другим ценностям. Это характерно больше для мужчин по сравнению с женщинами ($K_{Cп}=0,120$), хотя в 2012 г. такой зависимости не наблюдалось⁴⁰.

Высокую значимость имеет семья. Значимость семьи характерна для людей независимо от пола и образования. При этом она более характерна для молодежи по сравнению с людьми старшего возраста ($K_{Cп}=+0,104$), ибо молодежь только начинает или готовится начать свою семейную жизнь.

Значимость “постматериалистических” ценностей творчества и свободы была ниже. Она характерна для людей независимо от их возраста. При этом она более значима для людей с высшим образованием по сравнению с людьми со средним специальным и общим образованием ($K_{Cп}=+0,139$). Для данного типа людей значимость реализации своих творческих способностей, постижения духовного наследия предшествующих поколений является преобладающей по отношению к свободе в своей стране, которая не сильно определяет достижение для них данных целей. Значимость свободы выражается, в первую очередь, в важности чувствовать себя свободным в своей стране ($НП=+0,769$). Ценность свободы характерна для людей независимо от их возраста. Для них значимость свободы является преобладающей по отношению к стабильности государства. Это во многом значимость свободы самой по себе, как духовной сущности.

Таким образом, было раскрыто изменение ценностной структуры российского населения, произошедшее в 2019 г. Хотя она оставалась также преимущественно “материалистической”, однако по сравнению с 2012 г. в ней произошли существенные преобразования. Наиболее значимой для людей осталась ценность деятельного патриотизма, а на второе место с пятого места поднялась ценность воинственного патриотизма, что обусловлено произошедшими за семь лет изменениями в экономическом и политическом положении России в мире, санкционным давлением на нее. Сохранилась высокая значимость семьи и гедонистического благополучия.

⁴⁰ *Averin Y.P., Sushko V.A. Quality of life of the Russian population... P. 1–15.*

Значимость “постматериалистических” ценностей свободы и творчества осталась незначительной. Преобразования ценностной структуры населения России из “материалистической” в “постматериалистическую” не произошло.

В 2019 г. изменилось состояние многих параметров качества жизни населения. Возросла физическая и социальная активность людей, уменьшились роль физических и эмоциональных проблем в ограничении их повседневной жизнедеятельности, их субъективные болевые ощущения. Однако это происходило при таком же относительно низком уровне общего здоровья людей, их жизненного тонуса.

Среднее популяционное значение ощущаемой роли физических проблем взрослого населения России — индекс ощущаемой роли физических проблем — в 2002 г. составляло 59,73% от минимального уровня 100%, когда физические проблемы совсем не ограничивают его повседневную жизнедеятельность. К 2008 г., т.е. за шесть лет, уровень ощущаемой роли физических проблем уменьшился на 8,86% — до 68,59%. С 2008 по 2012 г. этот уровень уменьшился на 3,12% — до 71,7%, т.е. ее уменьшение за четыре года произошло почти в три раза по сравнению с предыдущим шестилетним периодом. С 2012 по 2019 гг. уровень ощущаемой роли физических проблем уменьшился на 3,29% — до 74,79%. Ее уменьшение за восемь лет произошло почти настолько же, как и за предыдущие шесть лет. Следовательно, роль физических проблем взрослого населения России в эти годы уменьшалась заметно медленнее. В целом за 18 лет (с 2002 по 2019 г. включительно) уровень ощущаемой роли физических проблем взрослого населения России снизился на 15,06%.

Уровень ощущаемого эмоционального состояния рос существенно, повысившись более чем на 7% (7,4%), главным образом с 2002 по 2008 г. С 2008 по 2019 г. этот уровень вырос незначительно, что обусловлено начавшимся в 2008 и в 2014 гг. экономическим кризисом в России⁴¹. К 2019 г. уровень ощущаемого эмоционального состояния составил примерно 62% от максимально возможного (100%).

С 2002 по 2019 г. с увеличением возраста наблюдалась естественная тенденция падения уровня ощущаемого эмоционального состояния населения России. Качество жизни с точки зрения данного показателя в этот период повысилось, но не среди всех возрастных групп. Большинство взрослого населения России стало чувствовать себя чуть более спокойным и умиротворенным. Исключением стали самые молодые и самые старшие возрастные группы: от 18 до 24 лет и

⁴¹ *Averin Y.P., Sushko V.A. Quality of life of the Russian population...*

75 лет и старше. В возрастной группе от 18 до 24 лет уровень ощущаемого эмоционального состояния немного повысился, в возрастной группе от 75 лет и старше качество жизни существенно понизилось, люди стали испытывать заметно большее беспокойство.

В среднем уровень ощущаемого эмоционального состояния взрослого населения России в возрастных группах от 18 до 44 лет в 2019 г. колебался от 36% ниже максимально возможного уровня 100% до 45%. Заметное падение среднего уровня ощущаемого эмоционального состояния у населения России, у мужчин и у женщин, начинается после 44 лет, хотя в 2002 г. оно начиналось раньше — после 34 лет. Резкое падение этого уровня наблюдается в возрастной группе 75 лет и старше.

Качество жизни, с точки зрения данного показателя среди различных возрастных групп мужчин, в этот период изменялось по-разному. Качество жизни молодежи от 18 до 24 лет немного ухудшилось, у нее усилилось чувство беспокойства, особенно в период с 2008 по 2012 г.⁴², что было вызвано начавшимся в России экономическим кризисом. В кризисный период молодежь является наиболее социально уязвимой группой. Качество жизни в возрастных группах от 35 до 74 лет повысилось, люди стали чувствовать себя немного более спокойными и умиротворенными. В возрастной группе 75 лет и старше качество жизни существенно понизилось, люди стали испытывать заметно большее беспокойство. Таким образом, в среднем в 2019 г. эмоциональные проблемы примерно на четверть (24,67%) ограничивали повседневную жизнедеятельность мужчин и менее чем на треть (31,58%) — у женщин.

Факторами, которые влияли на значение роли эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности взрослого населения России в 2019 г., являлись профессиональная занятость и уровень дохода. Образование не оказывает влияния на значение роли эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности взрослого населения России. У неработающих людей значение роли эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности возрастает по сравнению с работающими людьми.

В 2012 г. влияние уровня дохода на значение роли эмоциональных проблем взрослого населения России уменьшилось по сравнению с 2008 г. в 1,4 раза, но не достигло уровня 2002 г.⁴³ Страх нового кризиса сохранился, и как мы знаем, этот страх был небезоснователь-

⁴² Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке (благополучные годы)... С. 86.

⁴³ Там же. С. 126.

ным. В 2019 г. этот уровень снизился по сравнению с 2012 г. примерно в 1,5 раза, и стал ниже уровня 2002 г. в 1,19 раза.

Таким образом, в течение 18 лет влияние эмоциональных проблем взрослого населения России в ограничении жизнедеятельности резко усилилось в 2008 г. в период экономического кризиса в России, а в последующие годы постоянно снижалось.

В 2012 г. состояние качества жизни людей влияло на формирование только нескольких ценностей: деятельного патриотизма, состояние которого определялось всеми составляющими качества жизни людей, и было мощным фактором формирования этой ценности; воинственного патриотизма, на который влияло только состояние физической активности людей; значимость материального благополучия, комфортной жизни и творчества, фундаментальных ценностей — семьи и самосохранения — также не зависела от состояния качества жизни людей.

В 2019 г. характер влияния качества жизни на формирование структуры ценностей российского населения изменился: усилилось его воздействие на значимость деятельного патриотизма, материального благополучия, комфортной жизни, самосохранения. На формирование значимости воинственного патриотизма перестало воздействовать качество жизни, его уровень не зависел от состояния качества жизни людей.

Таким образом, изменение состояния ощущаемого качества жизни людей в 2019 г. привело к преобразованию структуры их ценностей. При этом на понижение или повышение их значимости оказывает влияние изменение социально-экономического положения людей и международного положения России, которое в свою очередь влияет на состояние ощущаемого ими качества жизни. В совокупности данные параметры составляют социальный механизм формирования ценностной структуры населения России.

Основные выводы

В современных исследованиях качества жизни наблюдается переход к многофакторным исследованиям, включающим аргументы как статистических, так и социологических исследований, что позволяет более точно охарактеризовать процессы социальной динамики. Полученные данные многомерного анализа становятся инструментами мониторинга реализации целей социально-экономической динамики, разработанных международными и национальными органами координации и власти.

Современные социальные практики обогащаются новыми феноменами эпохи постмодерна, непосредственно влияющими на ма-

териальные и ощущаемые человеком факторы благополучия. Это цифровое развитие и COVID-19.

Новые цифровые платформы взаимодействия человек—общество, интеллектуальная индустрия обуславливают трансформацию социологических исследований, разработку не только систем статистических показателей, но и новых подходов к анализу социального и человеческого капитала, кибер-безопасности. Технические возможности искусственного интеллекта, *big data* и распределенного реестра дают новые возможности для технологий анализа проблем благополучия.

В пандемию COVID-19 наряду с проблемами выживания человечества возникла ситуация неопределенности, которая скажется на всей гамме показателей качества жизни. Объективные данные экономической динамики показывают, что экономическая рецессия притормозила свое движение. Однако эмоциональные последствия смертности населения, банкротств в бизнесе, последствий для здоровья и эффективности мер борьбы с пандемией останутся с человеком на долгое время и потребуют специальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке (благополучные годы). По результатам социологических исследований. М., 2017.

Аверин Ю.П. Воздействие качества жизни российского населения на его ценностную структуру // Социология. 2019. № 4. С. 87–110.

Бойцов Б.В., Крянев Ю.В., Кузнецов М.А. Качество жизни. М., 2004.

Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12. С. 48–67.

Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань, 2010.

О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030. URL: <https://pm.center/upload/iblock/> (дата обращения: 10.12.2020).

Российское социальное исследование по программе Европейского Социального Исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=334> (дата обращения: 10.03.2021).

REFERENCES

Analytics & Advice About Everything That Matters, 1972. URL: <https://www.gallup.com/>

Andrews F.M., Withey S.B. Social indicators of well-being: Americans' of quality. N.Y., 1976.

Averin Yu.P. Kachestvo zhizni naseleniya Rossii v XXI veke (blagopoluchnye gody). Po rezul'tatam sociologicheskikh issledovaniy [The quality of life of the population of Russia in the XXI century (good years). Based on the results of sociological research]. M., 2017 (in Russian).

Averin Yu.P. Vozdejstvie kachestva zhizni rossijskogo naseleniya na ego cennostnuyu strukturu [The impact of the quality of life of the Russian population on its value structure] // *Sociologiya*. 2019. N 4. S. 87–110 (in Russian).

Averin Y.P., Sushko V.A. Quality of life and well-being of Russians citizens: A comparative analysis // *Espacios*. 2018. Vol. 40. N 24. P. 7–14.

Averin Y.P., Sushko V.A. Quality of life of the Russian population and the factors of its formation // *Postmodern Openings*. 2018. Vol. 11. N 2. Supl. 1. P. 1–15.

Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis with special reference to education. Chicago; L., 1993.

Bell D. The coming of post-industrial society: a venture of social forecasting. N.Y., 1973.

Bojcov B.V., Kryanev Yu.V., Kuznecov M.A. Kachestvo zhizni [The quality of life]. M., 2004 (in Russian).

Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt Sonderband 2)* / R. Kreckel (Hg.). Göttingen, 1983. S. 183–198.

Campbell A., Converse P.E., Rodgers W.L. The quality of American life: perceptions, evaluations, and satisfactions. N.Y., 1976.

Clark J.B. The distribution of wealth: a theory of wages, interest and profits. N.Y., 1908.

Doing business. URL: <https://espanol.doingbusiness.org/> (accessed: 10.12.2020).

Forrester J.W. World dynamics. N.Y., 1971.

Hagerty M.R. Quality of life indexes for national policy: review and agenda for research // *Social Indicators Research*. 2001. N 2.

How is life? 2020. Measuring well-being. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/how-s-life-2020_7185aa8b-en (accessed: 10.12.2020).

Human Development Report, 2020. URL: <http://hdr.undp.org/> (accessed: 10.12.2020).

Inglehart R.F. The silent revolution: changing values and political styles among Western publics. Princeton, 1977.

Inglehart R. Menyayushchiesya cennosti, ekonomicheskoe razvitiye i politicheskie peremeny [Changing values, economic development and political change] // *Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk*. 1996. N 12. S. 48–67 (in Russian).

Inglehart R. Culture and democracy // *Culture Matters: How Values Shape* / Ed. by L.E. Harrison, S.P. Huntington. N.Y., 2000.

Lucas R.E. On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. N 1. P. 3–42.

Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L., Behrens W.W. The limits to growth: a report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y., 1972.

Munck R. Globalization and social exclusion: a transformationalist perspective. Bloomfield, 2005.

Nagimova A.M. Sociologicheskij analiz kachestva zhizni naseleniya: regional'nyj aspekt [Sociological analysis of the quality of life of the population: a regional aspect]. Kazan', 2010 (in Russian).

O nacional'nyh celyah razvitiya rossijskoj federacii na period do 2030. 2020 [On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030.2020]. URL: <https://pm.center/upload/iblock/> (data obrashcheniya: 10.12.2020) (in Russian).

Perroux F. Le Revenu national: son calcul et sa signification (avec Pierre Uri et al.). P., 1947.

Pigou A.C. The economics of welfare. L., 1920.

Renshaw G. Math's for economics. N.Y., 2005.

Rossijskoe social'noe issledovanie po programme Evropejskogo Social'nogo Issledovaniya [Russian social research under the program of the European Social Research]. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=334> (data obrashcheniya: 10.03.2021) (in Russian).

Silver H. The process of social exclusion: the dynamics of an evolving concept // Working Paper 95. Manchester, 2007.

Social Indicators / Ed. by R. Bauer. Cambridge, 1966.

Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Feb. Vol. 70. N 1. P. 65–94.

Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up. N.Y., 2010.

Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. Geneva, 2015.

Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen, 1934.

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-258-273

СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В.И. Шарин, докт. эконом. наук, доц., проф. кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, ул. 8 Марта, 62, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620144*

Исследование направлено на изучение отношений семейной взаимопомощи. Исследователи дают неоднозначные оценки отношений взаимопомощи родителей и их взрослых детей-студентов. Поэтому цель работы — на основе исследования отношений семейной взаимопомощи в семьях с детьми-студентами установить характер данных отношений и факторы, влияющие на их воспроизводство. Методологической базой исследования послужили разработки теории реципрокности Б. Малиновского и К. Поланыи, а также труды ведущих зарубежных и российских ученых. Исследование проведено с использованием общенаучных методов, таких как системный анализ, анкетирование, обобщение и систематизация, сравнения. В основе эмпирической базы — опрос 500 студентов и 15 индивидуальных полуструктурированных интервью студентов Уральского государственного экономического университета и Уральского федерального университета, собранных в 2020 г.

В результате исследования установлено, что отношения семейной помощи в семьях с детьми-студентами по своему характеру устроены в соответствии с принципом реципрокности, т.е. отражают взаимозависимость членов семьи, симметричность актов поддержки, когда роли получателя дара или услуги и дарителя чередуются, а также характеризуются неэквивалентностью получаемых (передаваемых) даров и услуг. Так, родители помогают детям-студентам, как правило, регулярно. Однако помощь студентов родителям зачастую носит ситуативный характер. Основными видами семейной поддержки являются для детей-студентов — материальная поддержка родителей, для родителей — помощь детей по ведению домашнего хозяйства. Эмоционально-психологическая поддержка оказывается более чем половиной студентов и их родителей. На воспроизводство отношений семейной взаимопомощи влияют факторы социального, экономического и эмоционального характера, среди которых высокую значимость имеют факторы родственной близости, привязанности, семейной солидарности, а также объективная возможность оказания поддержки как экономическая основа отношений помощи.

Ключевые слова: семейная взаимопомощь, реципрокность, дети-студенты, характер поддержки, формы помощи, факторы поддержки.

* Шарин Валерий Иванович, e-mail: Sharin_vi@usue.ru

FAMILY SUPPORT IN THE REPRESENTATIONS OF STUDENTS

Sharin Valery I., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Labour Economy and Personnel Management of the Ural State Economic University, 8 Marta St, 62, Ekaterinburg, Russian Federation, 620144, e-mail: Sharin_vi@usue.ru

The research is aimed at studying the relationship of family mutual assistance. The aim of the work is to establish the nature of these relationships and the factors influencing their reproduction based on the study of family mutual assistance relations in families with student children. The methodological basis of the research is the development of the theory of reciprocity by B. Malinovsky and K. Polanyi, as well as the works of leading foreign and Russian scientists. The study was conducted using General scientific methods, such as system analysis, questionnaires, generalization and systematization, and comparisons. The empirical base is based on a survey of 500 students and 15 individual semi-structured interviews of students of the Ural state University of Economics and the Ural Federal University, collected in 2020.

As a result of the study, it was found that the relations of family assistance in families with student children are arranged in accordance with the principle of reciprocity, that is, they reflect the interdependence of family members, the symmetry of support acts, when the roles of the recipient of a gift or service and the donor alternate, and are also characterized by non-equivalence of received (transmitted) gifts and services. The main types of family support are for student children-financial support for parents, for parents-assistance for children in household management. Emotional and psychological support is provided by more than half of the students and their parents. The reproduction of family mutual aid relations is influenced by social, economic and emotional factors, among which the factors of kinship, attachment, family solidarity, as well as the objective possibility of providing support as the economic basis of the relationship of assistance are of high importance.

Key words: family mutual aid, reciprocity, children-students, nature of support, forms of assistance, factors of support.

Введение

Семья, род всегда рассматривались как важнейший социальный институт, генерирующий отношения взаимной поддержки. Семейно-родственная помощь, основанная на принципе кровного родства, предполагает обмен услугами, дарами членов семьи, носящими, как правило, неэквивалентный характер, который обусловлен традициями и необходимостью.

Несмотря на полемику о снижении роли семьи в российском обществе наша страна традиционно характеризуется относительно крепкими внутрисемейными связями. Исследования российских ученых показывают сохраняющуюся тенденцию к доминированию

жизненных установок населения с опорой на собственные силы в трудных жизненных ситуациях и росту значимости семейной поддержки на фоне снижения реальных доходов домохозяйств. Так, российскими учеными Е.В. Реутовым, М.Н. Реутовой и И.В. Шавыриной в 2010, 2015 и 2017 гг. проводились исследования семейной поддержки на базе Белгородской области (в каждый год N=1000, метод личного анкетирования по репрезентативной выборке, сбалансированной по полу, возрасту и поселенческому статусу респондентов). В результате исследований было установлено, что на собственные силы в трудных жизненных ситуациях в 2017 г. рассчитывали 83,3% опрошенных. В 2010 г. эта доля составляла 58,8%. На помощь членов семьи, родственников при необходимости в 2017 г. рассчитывали 79,4% респондентов, а в 2010 г. — 74,7%¹. Исследователи отмечают, что в семье отношения взаимопомощи родителей и детей строятся на принципе реципрокности, т.е. в рамках горизонтальных социальных связей, в которых роли получателя дара или услуги и дарителя чередуются, а сами дары и услуги носят неэквивалентный характер, не предусматривающий “отдар”. Так, С.Ю. Барсукова, рассматривая отличия экономики дара от товарного обмена, раскрывает сущность реципрокности как взаимности даров и услуг между наиболее близкими людьми: родственниками и друзьями на основе необъяснимых с экономической точки зрения предпочтений и симпатий².

Мы сосредоточили внимание на представлениях студентов университета об отношениях семейно-родственной помощи, ее основах и факторах-условиях, которые обуславливают их возникновение и воспроизводство. Какие условия необходимы для возникновения отношений семейной поддержки? Поэтому цель исследования — установить характер отношений семейно-родственной помощи в семьях с детьми-студентами университета, а также определить факторы, влияющие на их воспроизводство.

Гипотезой исследования является предположение, что субъектно-объектные отношения семейно-родственной помощи между родителями и взрослыми детьми-студентами основаны на взаимозависимости, симметричности, неэквивалентности отношений, что определяет их характер. На воспроизводство этих отношений оказывают влияние факторы социального, экономического и эмоционального характера.

¹ Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 106–108.

² Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 2. С. 81–121.

Семейная взаимопомощь: теоретический аспект

Под семейно-родственной взаимопомощью (поддержкой), как правило, понимаются отношения реципрокности — взаимного обмена членов семейства дарами и услугами неэквивалентного характера. Данные подходы нами разделяются и для данной работы.

Существенное влияние на формирование современных подходов к отношениям социальной помощи, в том числе, семейно-родственной помощи, оказали труды Б. Малиновского. Он ввел в научный оборот феномен “престижной экономики”, главным видом которой являлась реципрокность — взаимопомощь, взаимные обмены дарами, услугами (дарообмен) в рамках социальной горизонтальной сети — семьи, рода, племени. Взаимный дарообмен между родственниками автор считал особыми отношениями реципрокности, которые не влекут за собой ожидания ответных действий³. К. Поланьи в своей работе “Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени” определяет основные способы распределения ресурсов, в том числе, реципрокность, а также соответствующий ей принцип социальных отношений — симметричность, предполагающую неиерархические отношения, в которых роли получателя дара или услуги и дарителя чередуются⁴.

Развивая теорию социальной помощи, Д. Майерс обосновывает отношения родственной взаимопомощи с точки зрения эволюционной теории. “Наши гены располагают нас заботиться о тех, кто, как и мы, являются их носителями. Поэтому мы самой природой запрограммированы на заботу о близких родственниках”⁵. Результаты исследований зарубежных авторов показывают, что взаимопомощь в семьях и иные отношения взаимопомощи, например, с друзьями имеют разную природу. Семейная солидарность, основанная на чувстве морального долга, сохраняет основное значение с точки зрения интенсивности предлагаемой помощи, а факторами поддержки друзей являются любовь и привязанность⁶. Авторы отмечают, что взрослые дети в немецких семьях поддерживают своих родителей, как правило, под воздействием факторов взаимности, степени привязанности ребенка к своему родителю и альтруизма⁷.

³ *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific: an account of native enterprise and adventure in the archipelagos of Melanesian New Guinea. L., 1922.

⁴ *Polanyi K.* The great transformation: the political and economic origins of our time. N.Y., 1944.

⁵ *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2011.

⁶ *Komter A., Vollebergh W.* Solidarity in Dutch families — family ties under strain? // *Journal of Family Issues.* 2002. Vol. 23. N 2. P. 171–188.

⁷ *Klaus D.* Why do adult children support their parents? // *Journal of Comparative Family Studies.* 2009. Vol. 40. N 2. P. 227–233.

Оценивая мотивы помощи взрослых детей своим родителям, авторы отмечают зависимость мотивации от таких факторов, как государственные трансферты, наличие (отсутствие) которых может вытеснить или стимулировать родственную помощь, а также развитость государственных социальных служб. Отмечается также важность обязательств и семейной традиции, однако помощь родителям оказывается не всегда без давления со стороны родственников⁸. В то же время есть исследования, в которых установлено, что наличие доступных, поддерживаемых государством социальных услуг по уходу за нуждающимися пожилыми гражданами, которые высвобождают членов семьи от обязательств по уходу за родственниками, не снижают родственную помощь⁹. Авторами отмечается существенная помощь пожилых родителей в индийских семьях в воспитании внуков. Исследования показали наличие поддержки внуков-студентов университета со стороны дедушек не в меньшей степени, чем со стороны бабушек¹⁰. Китайские авторы делают вывод о влиянии совместного проживания родителей со взрослыми детьми на субъективное благополучие (удовлетворенность жизнью, оптимизм и счастье) пожилых китайских родителей. Совместное проживание обеспечивает поддержку со стороны взрослых детей. Особенно значимо это влияние для пожилых людей, проживающих в сельских районах Китая¹¹. Немецкие исследователи К. Хэнк и М. Крейенфельд установили, что семейная взаимопомощь влияет на рождаемость. Так, доступность неформального ухода за ребенком, который могут обеспечить старшие родители, увеличивает шансы для рождения первого ребенка¹². К этим же выводам пришли и российские ученые В.И. Шарин и И.А. Кулькова, отмечающие семейно-родственную поддержку как фактор рождаемости в российских семьях¹³.

⁸ Cox D., Soldo B. Motives for care that adult children provide to parents: evidence from "Point Blank" survey questions // *Journal of Comparative Family Studies*. 2013. Vol. 44. N 4. P. 491–502.

⁹ Broek T., Van den., Dykstra P.A., Veen R.J., Van den. Adult children stepping in? Long-term care reforms and trends in children's provision of household support to impaired parents in the Netherlands // *Ageing & Society*. 2019. Vol. 39. N 1. P. 112–137.

¹⁰ Gray P., Longkumer W., Panda S. Grandparenting in urban Bangalore, India: support and involvement from the standpoint of young adult university students // *Sage Open*. 2019. Vol. 9. N 3. P. 167–174.

¹¹ Zhu Shanwen, Li Man, Zhong Renyao. The effects of co-residence on the subjective well-being of older Chinese parents // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. N 7. P. 173–182.

¹² Hank K., Kreyenfeld M. A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. N 3. P. 584–596.

¹³ Шарин В.И., Кулькова И.А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // *Народонаселение*. 2019. № 2. С. 40–51.

Б. Уэллман подчеркивает, что устойчивые взаимоотношения с родителями надежно обеспечивают детям услуги, эмоциональную и финансовую поддержку, высокие уровни материальной и эмоционально-психологической поддержки¹⁴. Между тем, рассуждая о мотивах семейно-родственной поддержки, Л. Котликофф и С. Бернс отмечают, что по итогам многочисленных исследований американских ученых, проведенных в США, ими отвергнута гипотеза межпоколенческого альтруизма — теоретическая гипотеза, что родители (дети) заботятся не только о своем благополучии, но и благополучии своих детей (родителей)¹⁵.

Некоторыми авторами, на основе анализа состояния государственной системы социальной защиты Германии, не способной обеспечивать поддержку старшего поколения на высоком уровне в условиях старения общества, делается вывод о необходимости поиска равновесия социальной поддержки между семьей и государством¹⁶. Важным фактором семейной взаимопомощи, по мнению М.В. Прохоровой, которая анализирует зарубежный опыт семейной взаимопомощи на примере Швейцарии, являются не только традиции. Ее принципы закреплены в нормативно-правовых актах страны, что обеспечивает правовую основу отношений семейной поддержки¹⁷.

Российскими учеными также исследовались отношения семейно-родственной взаимопомощи в нашей стране, которые не остались неизменными в связи с трансформацией общественных отношений. Авторы рассматривают достоинства и недостатки современной семьи как субъекта социальной помощи, ее виды и формы¹⁸. Причем отмечается, что содержание, материальные и духовные факторы, объемы, возможности и главные направления взаимопомощи в семье меняются с течением времени и в зависимости от конкретных условий¹⁹.

¹⁴ Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78–87.

¹⁵ Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., 2011.

¹⁶ Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (НИПУ). Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56–71.

¹⁷ Прохорова М.В. Взаимодействие поколений в семье и обществе: резюме доклада о поколениях в Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 52–62.

¹⁸ Касаркина Е.Н., Бистяйкина А.В., Соловьева Т.В. Семья как субъект социальной защиты: социологический анализ // Дискуссия. 2013. № 11 (41). С. 72–77.

¹⁹ Прохорова Э.М., Фадеева Ю.В., Фодоря А.Ю. Социальный институт взаимопомощи в современной молодой семье Подмоскovie // Сервис Plus. 2011. № 1. С. 28–36; Коломасова Е.Н. Институт помощи в системе семейно-родственных отношений: Дисс. ... канд. социол. наук. Саранск, 2005.

Анализируя отношения семейной помощи в сельской местности, авторы приходят к выводу об изменении их характера — родители-пенсионеры стали для своих детей источником не только продовольственных, но, в основном, денежных поступлений²⁰. Результаты проведенных исследований показывают, что наиболее распространенным является нисходящее направление родственной взаимопомощи (от родителей к детям). Родителям помогают реже. Помощь со стороны младшего поколения, как правило, осуществляется в форме инструментальных или функциональных трансфертов²¹, практика взаимопомощи в рамках семейно-родственных сетей строится по большей части без учета взаимности обязательств²².

Методология и результаты исследования

В 2020 г. нами проведены исследования семейной взаимопомощи на базе Уральского государственного экономического университета и Уральского федерального университета (город Екатеринбург). В ходе исследования решалась задача установления характера субъектно-объектных отношений семейной помощи студентов и их родителей.

В опросе приняли участие 500 студентов 1–4 курсов очной и заочной форм обучения, из них: в возрасте до 23 лет — 71%, от 24 до 30 лет — 23%, старше 30 лет — 6%; женского пола — 63%, проживающих на территории Свердловской области — 68%. Опрос проводился сплошным способом, посредством анкетирования. Обработка данных опроса проведена при помощи статистического пакета SPSS.

Помимо анкетирования основным исследовательским методом выбрано полуструктурированное интервью. Так, эмпирической базой стали интервью (n=15) со студентами университетов, проведенные с целью выявления характера отношений семейно-родственной взаимопомощи. Для лучшей сопоставимости результатов часть информантов (n=7) была отобрана сплошным методом из числа студентов-заочников, вторая часть (n=8) — из студентов очной формы обучения. Из них 7 интервью проведены с юношами, 8 — с девушками. Длительность интервью составляла от 20 минут до 1 часа 15 минут. 12 информантов являются представителями Свердловской области, остальные представляют различные регионы страны.

²⁰ Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 2–8.

²¹ Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.

²² Реутова М.Н. Обмен ресурсами в сетях взаимопомощи: реализация принципа реципрокности // Дискурс. 2018. № 4 (18). С. 177–187.

Полученные от респондентов данные имеют ряд ограничений, связанных с получением оценки семейной взаимопомощи от одной из сторон субъектно-объектных отношений — студентов, так как члены семьи не участвовали в опросе. Взгляды родителей на сложившиеся отношения семейной поддержки не менее важны и могли бы уточнить полученные результаты. Также нуждаемость в помощи членов семьи оценивалась самим студентом, что может влиять на объективность картины.

Отношения семейной поддержки с позиции студентов оценивались на основе их ответов на вопросы о том, какую помощь и поддержку оказывали им родители, и какую они получали от родителей сами.

По результатам ответов респондентов на вопросы анкеты установлено, что большинство родителей студентов находятся в трудоспособном возрасте (до 60 лет — 88%) и работают (91%). В то же время информанты отмечают, что родители в каждой шестой семье нуждаются в помощи. Результаты исследования характера семейной взаимопомощи приведены в таблице.

Таблица

**Характеристика отношений взаимопомощи
родителей и детей-студентов**

Внутрисемейная помощь	Помощь студентов родителям (%)	Помощь родителей детям-студентам (%)
1. Интенсивность поддержки		
Поддержка не оказывается	7	4
Оказывается редко	11	7
По ситуации, в случае необходимости	52	44
Регулярно	30	45
2. Формы поддержки		
Материальная	30	74
По уходу за родителями	7	–
По уходу за детьми (внуки)	–	17
По ведению домашнего хозяйства (услуги, труд)	68	19 (студентам, проживающим отдельно)
Эмоционально-психологическая	50	60

Источник: Составлено автором (В.Ш.).

По результатам опроса респондентов можно сделать вывод, что отношения семейной взаимопомощи студентов и их родителей актуальны, носят двусторонний, симметричный и неэквивалентный характер. Субъектно-объектные отношения “родители — дети-студенты” имеют различные характеристики. Так, родители реже не оказывают помощь своим детям и существенно чаще, по сравнению с поддержкой детей, их помощь оказывается на регулярной основе. Родители, как правило, помогают материально — это ведущая форма родительской поддержки, также существенной остается их помощь и по уходу за детьми студентов (внуками), между тем, почти две трети студентов помогают своим родителям по ведению домашнего хозяйства, что является ведущей формой поддержки родителей. Высокий уровень помощи по ведению домашнего хозяйства (услуги, труд) отмечается респондентами, из числа которых почти две трети проживают отдельно от своих родителей. Однако на регулярной основе студенты помогают своим родителям лишь в трети случаев, в основном, помощь оказывается при возникновении ситуации, требующей поддержки. Как правило, родительская поддержка по своей интенсивности, объему (включая денежное выражение), важности для субъекта помощи значительно превосходит “встречные потоки” от детей-студентов. Эмоционально-психологическая поддержка, предполагающая доверительные внутрисемейные отношения, оказывается более чем половиной студентов и их родителей, что является базой для формирования отношений семейной взаимопомощи.

Анализ собранных интервью подтвердил выявленные в ходе анкетирования основы отношений семейной поддержки: помощь носит двусторонний, симметричный и неэквивалентный характер. Для студентов дневной формы обучения родительская поддержка является решающим фактором получения образования. Оплата учебы, проживания и других, связанных с обучением расходов, воспринимается членами семьи как объективная необходимость.

“Учусь на платной основе. Все расходы, связанные с обучением, проживанием оплачивают родители. Когда перешла на 4 курс, устроилась на работу. На текущие расходы хватает, на остальное родители продолжают материально помогать. На каникулах помогаю на приусадебном участке” (А., студентка очного отделения).

Важным фактором формирования отношений семейной взаимопомощи является характер взаимоотношений между членами семьи. Близкие отношения позволяют оказывать эмоционально-психологическую взаимную поддержку, которая важна как для родителей,

так и их детей-студентов. Нередко эмоциональная поддержка может являться единственным ее видом, который может оказать студент своим родителям:

“В этом году заканчиваю учебу. Работала только в каникулы, поэтому родители постоянно помогали материально. С мамой и бабушкой держим связь по интернету ежедневно, мы делимся своими мыслями, проблемами и это важно для всех нас. Нередко приходится консультировать родителей” (Б., студентка очного отделения).

Взаимные дарения и оказание услуг членов семьи не связаны с соображениями выгоды, не регулируются принципом равнозначности (эквивалентности) получаемых и передаваемых даров и услуг. Признаваемая объективной нуждаемость в помощи формирует мотив поддержки и поведение членов семьи как субъектов помощи. На характер семейной поддержки оказывают влияние факторы нуждаемости в поддержке, наличия возможности ее оказать в необходимых размерах и форме, но не гарантии получения ответной помощи в установленных объемах, в случае необходимости. И в этом аспекте семейная поддержка бескорыстна:

“Не думаю, что семейная поддержка должна оказываться в зависимости от возможностей членов семьи оказать ответную помощь, это ведь не банковская ссуда. Сейчас во время учебы мне необходима поддержка родителей, в первую очередь материальная, и я ее получаю. Но если возникнет ситуация и им потребуется моя помощь, то я также буду посильно помогать им” (В., студент очного отделения).

Для оценки факторов, влияющих на воспроизводство отношений семейной взаимопомощи, были обобщены ответы респондентов на один из вопросов анкеты (“Какой из перечисленных факторов семейной поддержки является для вас наиболее значимым?”), что позволило выделить восемь групп факторов социального, экономического и эмоционального характера: родственная близость, привязанность; семейная солидарность; обязательство, традиции; взаимность; выгода (получать больше, чем отдавать); законодательство, регламентирующее обязательства семейной поддержки; развитость государственных трансфертов семье; возможность (финансовая и физическая) оказания поддержки.

В зависимости от количества респондентов, выбравших наиболее значимый фактор (в %), проставлялись баллы по следующей системе: 0–15% (1 балл) — очень низкий уровень; 15–25% (2 балла) — низкий уровень; 25–50% (3 балла) — средний уровень; 50–65% (4 балла) — уровень выше среднего; 65–80% (5 баллов) — высокий уровень и 80–100% (6 баллов) — очень высокий уровень оценивае-

Рис. Факторы семейной взаимопомощи и их значимость для воспроизводства отношений семейной поддержки

мого фактора. По условиям опроса респонденты могли выбрать два фактора. Результаты исследования отражены на рисунке.

По результатам опроса респондентов можно сделать вывод, что для воспроизводства отношений семейной взаимопомощи высокую значимость имеют факторы родственной близости, привязанности, семейной солидарности, а также объективная возможность оказания поддержки, как экономическая основа отношений помощи. Обязательство, взаимность, развитость государственных трансфертов семье также играют определенную роль в формировании отношений семейной поддержки, но их значимость — средняя. Слабо, по мнению респондентов, влияют на формирование отношений семейной поддержки законодательство, регламентирующее обязательства семейной поддержки, и преследование выгоды членов семьи от актов поддержки в надежде получить больше, чем отдал.

Обсуждение

В результате исследования установлено, что регулярно получают помощь 45% детей-студентов, оказывают поддержку родителям — треть респондентов, в том числе, материальную помощь от родителей получают три четверти респондентов, а оказывают ее родителям лишь треть из них; помощь по ведению хозяйства получают 19% респондентов (из числа проживающих отдельно), помогают родителям — 68%. Эмоционально-психологическую поддержку получает 60% респондентов, оказывают родителям — 50%.

Полученные результаты, в основном, соотносятся с данными ранее проведенных исследований в сфере семейной поддержки, например, изучения динамики представлений студентов города Санкт-Петербурга о семье и межпоколенных отношениях, проведенных в 2017 г. О.Н. Бурмыкиной. Так, автор приводит данные о преобладании потоков материальной поддержки студентов со стороны родителей (85 и 31%, соответственно), большем объеме получаемой родителями от детей помощи по ведению хозяйства (80 и 68%, соответственно) и практически одинаковом уровне получаемой эмоционально-психологической поддержки родителями и детьми-студентами (88 и 86%, соответственно)²³.

Результаты исследований отношений семейной взаимопомощи, проведенных Л.А. Поповой без учета социального статуса взрослых детей, показывают, что 26% детей (18–35 лет) получают регулярно материальную поддержку от родителей, 16% — по ситуации (респонденты могли выбрать несколько форм помощи). Всего более половины молодых трудоспособных людей пользуются экономической поддержкой родителей. Почти 20% получают помощь по уходу за детьми и 8% — по хозяйству. Только 4% респондентов не получают поддержку от родителей. В то же время, более трети респондентов сами оказывают родителям экономическую поддержку²⁴. Исследования, проведенные в 2013–2015 гг. А.А. Мироновой²⁵, Л.К. Прокофьевой²⁶, дали результаты, близкие к полученным Л.А. Поповой.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования, в основном, соотносятся с результатами проведенных ранее исследований отношений семейной взаимопомощи в семьях, где есть дети-студенты. Несмотря на некоторые отклонения показателей, характеризующих интенсивность семейной поддержки, связанных с особенностями выборки респондентов, сам характер отношений семейной взаимопомощи принципиально не изменился.

²³ Бурмыкина О.Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 27–46.

²⁴ Попова Л.А. Межпоколенческие отношения в современной российской семье // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М., 2015.

²⁵ Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.

²⁶ Прокофьева Л.К., Миронова А.А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. № 2 (3). С. 69–86.

Заключение

Данные опроса и интервью подвергнуты анализу с целью выявления характера семейной взаимопомощи в семьях с детьми-студентами университета, а также факторов, необходимых для воспроизводства отношений семейной взаимопомощи. Результаты проведенного исследования характера отношений семейно-родственной помощи в семьях с детьми-студентами показывают, что они основаны на взаимозависимости, симметричности, неэквивалентности. Поэтому гипотеза, что между родителями и детьми-студентами сохраняются субъектно-объектные отношения семейной взаимопомощи, основанные на взаимозависимости, симметричности, неэквивалентности отношений, нашла свое подтверждение. Так, поддержка родителями своих детей-студентов, как правило, носит регулярный характер. Однако на регулярной основе студенты помогают своим родителям лишь в трети случаев, в основном, по ситуации. Ведущими видами семейной помощи являются для детей-студентов материальная поддержка родителей, для родителей — помощь по ведению домашнего хозяйства. Эмоционально-психологическая поддержка оказывается более чем половиной студентов и их родителей. Как правило, родительская поддержка значительно превосходит встречные потоки помощи от детей-студентов.

По результатам исследования определены основные, по мнению респондентов, факторы воспроизводства отношений семейной поддержки и их значимость для данных отношений. К ним относятся факторы социального, экономического и эмоционального характера: родственная близость, привязанность; семейная солидарность; обязательство, традиции; взаимность; выгода (получать больше, чем отдавать); законодательство, регламентирующее обязательства семейной поддержки; развитость государственных трансфертов семье; возможность (финансовая и физическая) оказания поддержки. Из них факторы родственной близости, привязанности, семейной солидарности, а также объективная возможность оказания поддержки как экономическая основа отношений помощи имеют наибольшую значимость.

Полученные результаты дают возможность полагать, что цель исследования — установить характер отношений семейной взаимопомощи в семьях с детьми-студентами университета, а также определить факторы ее воспроизводства, — достигнута.

Результаты исследования семейной взаимопомощи в семьях с детьми-студентами позволяют сделать вывод о сохраняющихся в российском обществе относительно крепких внутрисемейных связях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 2. С. 81–121.

Бурмыкина О.Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 27–46.

Касаркина Е.Н., Бистяйкина А.В., Соловьева Т.В. Семья как субъект социальной защиты: социологический анализ // Дискуссия. 2013. № 11 (41). С. 72–77.

Коломасова Е.Н. Институт помощи в системе семейно-родственных отношений: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саранск, 2005.

Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: то, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., 2011.

Лылова О.В. Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 2–8.

Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2011.

Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.

Попова Л.А. Межпоколенческие отношения в современной российской семье // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М., 2015.

Прокофьева Л.К., Миронова А.А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. № 2 (3). С. 69–86.

Прохорова М.В. Взаимодействие поколений в семье и обществе: резюме доклада о поколениях в Швейцарии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 52–62.

Прохорова Э.М., Фадеева Ю.В., Фодоря А.Ю. Социальный институт взаимопомощи в современной молодой семье Подмосковья // Сервис Plus. 2011. № 1. С. 28–36.

Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 106–108.

Реутова М.Н. Обмен ресурсами в сетях взаимопомощи: реализация принципа реципрокности // Дискурс. 2018. № 4 (18). С. 177–187.

Судьин С.А., Кутявина Е.Е., Курамшиев А.В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (НИПУ). Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56–71.

Уэллман Б. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 78–87.

Шарин В.И., Кулькова И.А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 40–51.

REFERENCES

Barsukova S. YU. Setevaya vzaimopomoshch rossijskih domohozyajstv: teoriya i praktika ekonomiki dara [Network mutual assistance of Russian households: theory and practice of the gift economy] // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. 2003. N 2. S. 81–121 (in Russian).

Broek T., Van den, Dykstra P.A., Veen R.J., Van den. Adult children stepping in? Long-term care reforms and trends in children's provision of household support to impaired parents in the Netherlands // *Ageing & Society*. 2019. Vol. 39. N 1. P. 112–137.

Burmykina O.N. Dinamika predstavlenij peterburgskih studentov o sem'e i mezhpokolennyh otnosheniyah (2007–2017 gg.) [Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017)] // *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. 2018. N 9. S. 27–46 (in Russian).

Cox D., Soldo B. Motives for care that adult children provide to parents: evidence from "Point Blank" survey questions // *Journal of Comparative Family Studies*. 2013. Vol. 44. N 4. P. 491–502.

Gray P., Longkumer W., Panda S. Grandparenting in urban Bangalore, India: support and involvement from the standpoint of young adult university students // *Sage Open*. 2019. Vol. 9. N 3. P. 167–174.

Hank K., Kreyenfeld M. A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in Western Germany // *Journal of Marriage and Family*. 2003. Vol. 65. N 3. P. 584–596.

Kasarkina E.N., Bistyajkina A.V., Solov'eva T.V. Sem'ya kak sub"ekt social'noj zashchity: sociologicheskij analiz [Family as a subject of social protection: a sociological analysis] // *Diskussiya*. 2013. N 11 (41). S. 72–77 (in Russian).

Klaus D. Why do adult children support their parents? // *Journal of Comparative Family Studies*. 2009. Vol. 40. N 2. P. 227–233.

Kolomasova E.N. Institut pomoshchi v sisteme semejno-rodstvennyh otnoshenij [Institute of care within the system of family-relative relations Institute of care within the system of family-relative relations]: Diss. ... kand. social. nauk. Saransk, 2005 (in Russian).

Komter A., Vollebergh W. Solidarity in Dutch families — family ties under strain? // *Journal of Family Issues*. 2002. Vol. 23. N 2. P. 171–188.

Kotlikoff L., Berns S. Pensionnaya sistema pered burej: to, chto nuzhno znat' kazhdomu o finansovom budushchem svoej strany [Pension system before the storm: what everyone needs to know about the financial future of their country]. M., 2011 (in Russian).

Lylova O.V. Neformal'naya vzaimopomoshch' v sel'skom soobshchestve [Informal mutual aid in the rural community] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2002. N 2. S. 2–8 (in Russian).

Majers D. Social'naya psihologiya [Social psychology]. SPb., 2011 (in Russian).

Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific: an account of native enterprise and adventure in the Archipelagos of Melanesian New Guinea. L., 1922.

Mironova A.A. Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Kindred intergenerational solidarity in Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2014. N 10. S. 136–142 (in Russian).

Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. N.Y., 1944.

Popova L.A. Mezhpokolencheskie otnosheniya v sovremennoj rossijskoj sem'e [Intergenerational relations in the modern Russian family] // *Nastoyashchee i budushchee sem'i v menyayushchemsya mire*. M., 2015 (in Russian).

Prohorova E.M., Fadeeva Yu.V., Fodorya A.Yu. Social'nyj institut vzaimopomoshchi v sovremennoj molodoj sem'e Podmoskov'ya [Social institution of mutual aid in the modern young family suburbs] // *Servis Plus*. 2011. N 1. S. 28–36 (in Russian).

Prohorova M.V. Vzaimodejstvie pokolenij v sem'e i obshchestve: rezyume doklada o pokoleniyah v Shvejcarii [Interaction of generations in the family and society: o pokoleniyah v Shvejcarii]

summary of the report on generations in Switzerland // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2012. N 2 (26). S. 52–62 (in Russian).

Prokof'eva L.K., Mironova A.A. Rol' mezhsemejnogo obmena v sisteme material'noj podderzhki i uhoda za pozhilymi v sovremennoj Rossii [The role of inter-family exchange in the system of material support and care for the elderly in modern Russia] // Demograficheskoe obozrenie. 2015. N 2 (3). S. 69–86 (in Russian).

Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Reciproknost' v setyah vzaimopomoshchi (na materialah regional'nogo issledovaniya) [Reciprocity in mutual aid networks (based on regional research)] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 3. S. 106–108 (in Russian).

Reutova M.N. Obmen resursami v setyah vzaimopomoshchi: realizaciya principa reciproknosti [Exchange of resources in mutual aid networks: implementation of the principle of reciprocity] // Diskurs. 2018. N 4 (18). S. 177–187 (in Russian).

Sharin V.I., Kul'kova I.A. Vliyanie pomoshchi starshego pokoleniya na rozhdaemost' v Rossii [Influence of the help of the older generation on the birth rate in Russia] // Narodonaselenie. 2019. N 2. S. 40–51 (in Russian).

Sud'in S.A., Kutyavina E.E., Kuramshev A.V. Mezhpokolennye otnosheniya v sovremennoj nizhegorodskoj seme [Inter-Generational relations in the modern Nizhny Novgorod family] // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta (NIPU). Social'no-ekonomicheskie nauki. 2018. N 3. S. 56–71 (in Russian).

Uellman B. Mesto rodstvennikov v sisteme lichnyh svyazej [The Place of relatives in the system of personal relations] // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. N 6. S. 78–87 (in Russian).

Zhu Shanwen, Li Man, Zhong Renyao. The effects of co-residence on the subjective well-being of older Chinese parents // Sustainability. 2019. Vol. 11. N 7. P. 173–182.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ” в 2021 г.

	№	Стр.
Теория, методология и история социологии		
<i>Барков С.А.</i> Социология как проект эпохи модерна	1	7
<i>Исаева К.В.</i> Теоретические подходы к исследованию “современности” как отражения общественного развития в социологическом знании	1	72
<i>Лядова А.В.</i> Социальное неравенство и проблемы здоровья в научном дискурсе: историко-сравнительный анализ	1	36
Современная социология, теория и методология		
<i>Лукащук В.И.</i> Влияние социокультурных факторов на развитие спорта	2	117
<i>Смирнов В.А., Груздев В.В., Еришов В.Н.</i> Восприятие семейности и близких отношений на постсоветском пространстве: факторы и направления трансформации	2	101
Социальная структура, социальные институты и процессы		
<i>Аверин Ю.П.</i> Изменение качества жизни российского населения как фактор преобразования ценностной структуры	1	85
<i>Новосёлова Е.Н.</i> Физическая культура и спорт как факторы здоровья и формирования здорового образа жизни	1	112
Социальное неравенство		
<i>Батуренко С.А.</i> Социальная стратификация в социологической теории П. Бурдьё	2	26
<i>Осипова Н.Г., Елишев С.О.</i> Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. (Начало)	2	7
Глобальные проблемы: история и современность		
<i>Абрамян А.С.</i> Вера, свобода, миссия и формирование ранней американской идентичности	2	65
<i>Шумаков А.А.</i> Диалектика развития движения за права чернокожих в США в 60-е XX в. на примере выдающихся его представителей ...	2	44
Социальные проблемы современного российского общества		
<i>Васильев В.П., Сушко В.А.</i> Качество жизни как показатель эффективности государственного управления	4	235
<i>Шарин В.И.</i> Семейная поддержка в представлениях студенческой молодежи	4	258
Эмпирические социологические исследования		
<i>Зерчанинова Т.Е., Тарбеева И.С.</i> Научно-исследовательская деятельность аспирантов вузов России: проблемы и пути решения	3	63

Новосёлова Е.Н. Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия	3	81
Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. (Окончание)	3	7
Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016–2020 гг.	3	43
Сорокинские чтения “Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности”		
Барков С.А. Неопределенность или тоталитаризм — сложный выбор человечества	4	49
Кравченко С.А. Нелинейная социальная и культурная динамика: теория П.А. Сорокина и современные подходы	4	33
О XV Международной научной конференции “Сорокинские чтения: Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности” (Материал подготовлен к публикации П.С. Каневским и Е.Н. Новосёловой).	4	89
Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID-19: взгляд в будущее	4	7
Ertelt B.-J., Scharpf M. Consequences of the COVID 19-Pandemic for the German labour market	4	78
Политическая социология		
Большаков С.Н. Политический механизм управления США в оценках общественного мнения	1	251
Джаннотти А. Россия и Евразия. Российская идентичность и предвзятость Запада	2	154
Каневский П.С. Генезис института лоббизма в России: дореволюционный и советский периоды	4	192
Карпова Н.В. Социокультурный анализ социально-политических систем: методологические основы исследования	4	216
Перевезенцев С.В. К вопросу о религиозном факторе в политике	2	137
Фельдман П.Я., Данюк Н.С., Сенокос Я.С. Современные технологии социального управления в политическом процессе США (на примере президентской избирательной кампании 2020 г.)	2	184
Экономическая социология и менеджмент		
Зубков В.И. Персонал частной охранной организации: исследование факторов успеха	3	187
Осеев А.А. Эмпирические модели структуры личностных качеств руководителей: традиционный тип социального действия М. Вебера (результаты прикладных исследований)	3	209
Экономическая социология		
Игумнов О.А. Внутренние факторы формирования социального капитала российских организаций	1	263
Социология города		
Абагеро Д.Д. Концепция соучаствующего проектирования Генри Саноффа	1	239
Еременко Ю.А. Всемирное культурное наследие и устойчивое развитие. Опыт Висмара и Штральзунда	1	224

Социология коммуникаций и киберпространства

- Мамедов А.К.** Деконструкция культурного пространства: смерть текста 3 152
- Тарасов К.А.** Мотив социального насилия в пространстве кинокоммуникации 3 167

Социология здоровья

- Гребенюк А.А., Красникова Е.С.** Эмиграция российских врачей за границу: причины и потенциал реэмиграции 4 175
- Лядова А.В.** Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции 4 134
- Рудковская А.В.** Паттерны здравоохранительного поведения медицинских работников 4 157

Социология молодежи и образования

- Антонова Т.В.** Проблемы и перспективы развития волонтерской деятельности в молодежной среде (на основе материалов регионального социологического исследования) 1 209
- Соломатина Е.Н.** Новые формы социальных конфликтов в системе высшего образования России 1 188
- Сушко В.А., Прончев Г.Б.** Сетевое поколение растет или взросление в социальных сетях 1 173

Социология религии

- Грудина Т.Н.** Государственно-конфессиональные отношения в России: ключевые тенденции и перспективы 1 156
- Елишев С.О.** Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (*Начало*) 3 129
- Елишев С.О.** Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (*Продолжение*) 4 93
- Осипова Н.Г.** Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: Буддизм 3 105
- Осипова Н.Г.** Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: Индуизм 1 131
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Э., Страхов А.Б., Шакирова А.А.** К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей 4 113

Социология девиации

- Шипунова Т.В.** Контролологическая перспектива изучения социального контроля преступности 2 80

Научные рецензии

- Козин С.В.** Прекариат: от протокласса к новому классу. Рецензия на монографию Ж.Т. Тощенко 2 202

Слово молодым ученым

- Новикова Е.С.** Анализ детских игрушек как инструмент прогнозирования облика будущего поколения 3 236
- Тэн Юэ.** Китайский городской эмоциональный фильм: вкус жизни в текстах песен 3 253